

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**МИШЕЛЬ
БЮССИ**

НЕ
ОТПУСКАЙ
МОЮ РУКУ

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЧЁРНЫЕ КУВШИНКИ»

Annotation

Пара влюбленных нежится в бирюзовых волнах на острове Реюньон. Безделье, пальмы, солнце. Восхитительный коктейль. Но этот прекрасный сон внезапно обрывается. Лиана исчезает из отеля, и ее муж Марсьяль становится идеальным обвиняемым. Растерявшийся, не знающий, как доказать свою невиновность, он сбегает с их шестилетней дочкой. Для полиции это равносильно признанию, и среди роскошной природы острова начинается погоня.

Захватывающий детектив от мастера жанра, французского популярного автора Мишеля Бюсси.

- [Мишель Бюсси](#)
  - [СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН, ОСТРОВ РЕЮНЬОН](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
  - [СУББОТА, 30 МАРТА 2013 Г.](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
  - [ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАРТА 2013 Г](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
  - [ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АПРЕЛЯ 2013 Г](#)
    - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
-

Мишель Бюсси

Не отпускай мою руку

Хлое, уже 18 лет

Опасно вытаскивать на поверхность прошлое

Реюньонская поговорка...

**СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН, ОСТРОВ
РЕЮНЬОН
ПЯТНИЦА, 29 МАРТА 2013 Г**

1

Несколько мокрых следов

15 ч. 01 мин.

— Я на минутку поднимусь в номер.

Лиана не ждет ответа от дочки и мужа, она всего лишь весело сообщает им об этом, уже удаляясь от бассейна.

Габен незаметно, как и положено профессионалу, смотрит ей вслед из-за стойки бара. На этой неделе Лиана — первая красавица отеля «Аламанда». Остальным до нее далеко... Хотя она и не принадлежит к тому типу туристов, на кого он обыкновенно засматривается. Маленького роста, худенькая, с плоской грудью, но что-то в ней есть. Может быть, все дело в том, что кожа у нее белая, незагоревшая, с россыпью мелких веснушек по всей спине, до самого низа, до края ее изумрудно-золотистого купальника, до попки, которая плавно покачивается, удаляясь, — словно незрелый плод под ветром. Она идет босиком через лужайку так легко, что кажется — ни одной травинки не смяла. Габен все еще провожает ее взглядом, когда она, миновав белые шезлонги, пересекает внутренний дворик, глаз с нее не сводит до тех пор, пока ее наполовину не скрывает тощая пальма. Последняя картинка, которая ему запомнилась, — так он и скажет потом капитану Пюрви, — она незаметно стягивает верхнюю часть купальника, мимолетно и соблазнительно мелькают голая спина, белая грудь, половина соска, всего на мгновение, пока она не подхватила свое большое купальное полотенце цвета закатного неба и не завернулась в него.

15 ч. 03 мин.

Наиво из-за своей стойки красного дерева у входа в отель улыбается в ответ на влажную улыбку Лианы:

— Добрый день, мадемуазель...

Она идет через тесно заставленный холл, протискивается между подставкой с открытками и рядами парео и цветастых рубашек. Со светлых волос на прикрытую махровым полотенцем грудь капает вода. Наиво нравятся ее белые плечи без бретелек и без отметин от них. Она осторожно ступает босыми ногами, стараясь не поскользнуться. Вообще-то здесь запрещено ходить босиком, но Наиво не считает себя обязанным отравлять жизнь туристам. Вода струится у девушки по ногам. Еще мгновение — и она скрывается в лифте, от нее остаются лишь несколько лужиц. «Как от

Амели Пулен,^[1] когда та расплакалась», — почему-то подумал тогда Наиво. Ему и потом, когда он часами и ночами напролет будет терзать собственную память, все время будет это вспоминаться. Девушка в буквальном смысле слова испарилась, улетучилась. Но он не посмеет сказать об этом полицейским. Он не уверен, что полицейские способны такое понять.

15 ч. 04 мин.

Лифт поглощает Лиану. Третий этаж. Лифт поднимается в рай, двери открываются, и через сплошь застекленную стену коридора, выходящую на юг, виден весь бассейн, а за ним раскинулся пляж. Золотистый полумесяц, укрытый казуаринами, кажется бесконечным, волны лагуны робко покусывают песчаную кромку. Это вдаль, ударяясь о коралловый риф, они грохочут, а сюда добегают притихшие.

— Осторожно, пол мокрый! — кричит Ева Мария, еще не зная, кто выйдет из лифта.

А увидев, недовольно морщится. Блондинка из тридцать восьмого! И, разумеется, босиком. Кутается в полотенце, изображает робость и смущение, лицемерная ровно настолько, насколько требуется при общении с обслуживающим персоналом. Пробирается бочком, на цыпочках, не меньше чем в метре от ведра и тряпки, не переставая извиняться.

— Ничего страшного, — ворчливо отзывается Ева Мария, не выпуская из рук швабры. — Проходите, проходите, я за вами еще раз протру.

— Мне правда так неудобно...

«Ага, как же», — комментирует про себя Ева Мария.

Блондинка крутит задом и, боясь поскользнуться на мокром полу, идет словно на пуантах. «Скорее фигурное катание, чем кордебалет», — отмечает Ева Мария. Выполнить тройной аксель в тропиках в тридцатиградусную жару — вот был бы номер! Под взглядом уборщицы красotka скользит к своей двери, останавливается, вставляет ключ в замочную скважину, входит и скрывается из виду.

От нее остаются только мокрые следы на безупречно чистой плитке, да и те уже пропадают, словно холодное покрытие ее втянуло, оставив ступни напоследок. «Как зыбучие пески», — мелькает в голове у Евы Марии странная мысль. Стоя в одиночестве посреди просторного застекленного коридора, она вздыхает. Теперь надо вытереть пыль с картин на стенах — акварели с видами Реюньона: деревушки, реликтовые леса, самые красивые уголки острова, куда туристы никогда не добираются. Стекла, пол — она в этом коридоре до вечера провозится. Обычно во второй половине дня ей

никто не мешает, никто на этаж не поднимается, все плещутся в бассейне или в лагуне. Если не считать этой красоты...

Ева Мария не спешит пройтись тряпкой там, где она наследила. Все равно через пару секунд появится в другом купальнике, потому что в этом загар получается недостаточно ровным.

Набежавшая волна

15 ч. 31 мин.

Что Роден по-настоящему умеет — это приручать волны.

Одним только взглядом.

Портовые пьянчуги из Сен-Жиля ошибаются — дело это далеко не легкое. Оно требует времени. Терпения. И хитрости. И способности ни на что не отвлекаться, вот как сейчас — на то, что за спиной захлопнулась автомобильная дверца. Никогда не смотреть на землю, всегда — на горизонт.

Океан — от него с ума сойти можно. Один раз, еще в молодости, Роден побывал в музее. Ну то есть это было что-то вроде музея. На севере Франции, недалеко от Парижа, дом старика, который целыми днями смотрел на отблески солнца в пруду, там даже волн не было, только кувшинки. В стране, где ко всему еще постоянно холодно, а как только распрямишься — упираешься в небо. Один-единственный раз он покинул остров! И этого одного раза ему хватило, ни малейшего желания проделать это вновь у него не возникло. В музее рядом с тем домом были картины — пейзажи, закаты, серое небо, иногда море. Самые впечатляющие — размером не меньше чем два на три метра. Там была толпа людей, по преимуществу женщин и старушки, похоже, способные часами торчать перед картиной.

Странно.

Опять у него за спиной дверца хлопнула. Он на слух определяет направление и расстояние: это на стоянке в порту, в тридцати метрах от конца мола, где он сидит на камне. Должно быть, какой-нибудь турист, который думает, будто волны можно ловить фотоаппаратом, — все равно что рыболов, который надеется вытащить рыбу, на секунду окунув удочку. Придурки...

Он вспоминает того ненормального бородача. В общем-то эти художники мало чем отличаются от него самого, они стараются поймать свет, волны, движение. Но зачем возиться с холстами и кистями? Достаточно сесть у моря и смотреть. Он прекрасно знает, что островитяне держат его за психа, потому что он целыми днями способен торчать здесь, глаз не сводя с горизонта. Но псих он не больше, чем застывшие перед картиной старушки. И даже меньше. У него зрелище бесплатное.

Подаренное гениальным и щедрым художником там, наверху.

Прямо у него за спиной тишину пререзает сдавленный крик. Вернее, стон. Туристу стало плохо...

Роден не оборачивается. Для того чтобы понять море, уловить его ритм, надо сидеть неподвижно. Затаить дыхание. Волны — словно пугливые белки, стоит тебе пошевелиться — и они убегают... Девушка, которая занимается выплатой пособий, спросила у него, какую работу он ищет, к чему у него есть способности и склонность, какие у него планы по трудоустройству, — в общем, пыталась определить, к чему он пригоден. Он объяснил, что умеет разговаривать с волнами, узнавать их и, можно сказать, приручать, а потом серьезно поинтересовался, в какой профессии это может пригодиться. Может быть, в исследовательской работе? Или в области культуры? Людей интересуют странные вещи. Она уставилась на него круглыми глазами — похоже, решила, что он над ней насмехается. Она, пожалуй, была хорошенькая, он бы охотно привел ее на мол, чтобы познакомить с волнами. Он часто делает это со своими внучатыми племянниками. Они-то понимают. Немножко.

Все меньше и меньше.

За спиной раздается громкий крик, на этот раз уже не стон, кто-то явственно зовет на помощь.

Роден невольно оборачивается. Все равно чары разрушены и потребуется не один час, чтобы восстановить связь.

И бледнеет.

Он едва успевает заметить машину, черный внедорожник. И тень — приземистую, поперек себя шире, в курте,^[2] с лицом, скрытым странной защитного цвета кепкой. Малабар,^[3] ни малейшего сомнения.

У Родена заплетается язык. Если он слишком много времени проводит в общении с волнами, слова потом не сразу выговариваются, ему надо заново учиться говорить.

— Извинит... Я хоте...

Он не может отвести взгляда от ножа в руке малабара, от красного лезвия. Он даже не пытается защищаться. Вообще-то единственное, на что он мог надеяться, — это успеть повернуться к морю и проститься с волнами, со светом, с горизонтом. Все остальное ему безразлично. Но малабар и этого ему не дал сделать.

Роден видит открытый багажник. Свисающую оттуда простыню. Торчащую ладонь. И еще...

Все опрокидывается.

Одна рука хватается его за плечо, другая вонзает нож ему в сердце.

3

Пустая комната

16 ч. 02 мин.

Солнце висит над бассейном исполинской галогенной лампой, закрепленной там навечно. Упорядоченные заросли пальм и маллесетов, огороженные тремя высокими стенами из тикового дерева, защищают внутренний дворик от малейшего дуновения ветра. За кружащими в небе фаэтонами^[4] угадывается океан, свежесть пассатов вдали. Но в саду отеля «Аламанда», на квадратной лужайке, стоит жара, и немногочисленные туристы прячутся от нее в хлорированной воде, а потом в тенистых уголках, где рядами выстроились шезлонги.

— Пойду посмотрю, куда подевалась Лиана.

Марсьяль подкрепляет слово делом. Подтянувшись на руках, он выбирается на бортик бассейна и направляется к Габену. Ничего не скажешь, муж Лианы тоже неплохо выглядит — мускулистые ноги, накачанный брюшной пресс, широкие плечи. Из породы тренеров, пожарных, охранников — словом, людей, которым по роду деятельности полагается целые дни проводить в тренажерном зале. И безупречный загар, контрастирующий с молочно-белой кожей его жены. Они еще недели здесь не пробыли, а у него кожа уже как у кафра...^[5] Должно быть, у красавца Марсьяля есть капелька черной крови, всего-навсего одна крохотная хромосома, доставшаяся от предка-раба, дремлющий пигмент, которому достаточно солнечного луча, чтобы пробудиться и просочиться наружу, — словно голубая капелька Кюрасао, способная окрасить весь коктейль.

Пока он идет к стойке бара, Габен наблюдает, как по гладкому торсу туриста стекает вода. Красивая пара — Марсьяль и Лиана Бельон — предается сладостному ничегонеделанию в тропиках. Привлекательные и богатые. Тем лучше для них, думает Габен. И для нас. Счастье белых влюбленных и состоятельных пар — неосязаемый капитал так называемых райских уголков.

Их бизнес...

Марсьяль останавливается перед ним.

— Габен, моя жена не спукалась?

— Нет, к сожалению, я ее не видел...

Габен оборачивается и смотрит на стенные часы. Лиана уже час как

поднялась вверх. Если бы ее попка еще раз мелькнула в поле его зрения, он бы точно об этом не забыл. Марсьяль возвращается к бассейну.

— Марго, можешь присмотреть за Софой? Пойду взгляну, что делает Лиана.

Габен запоминает этот эпизод во всех подробностях с отчетливостью, которой сейчас не осознает. Время на стенных часах — с точностью до минуты. Положение тел купальщиков в воде и тех, кто сидит или лежит в шезлонгах. Полицейские раз десять заставят его все это повторить, делая почеркушки на бумаге. Он ни разу не собьется.

Марго едва поворачивает голову к Марсьялю, она челноком снует в воде взад и вперед. Марго — жена из другой пары туристов. Жак, ее муж, сейчас читает в шезлонге. Или спит.

«Знаете, капитан Пюрви, — будет потом оправдываться Габен, — за этими темными очками...»

Марго и Жак Журден — не такая красивая пара, как Лиана и Марсьяль, лет на десять старше, и оба зануды. Он целыми днями торчит за компьютером в холле, проверяет почту. Она плавает в бассейне. Километры, поделенные на отрезки в двенадцать метров от бортика до бортика, спятить можно, если подсчитать, сколько раз она сплавала туда-сюда. Чаше, чем местный ежик, которого мальчишки заперли в клетку. Эта парочка даже в тропиках подыхает от скуки, а уж как они живут в Париже — этого Габен и представить себе не мог...

Софа — это дочка Лианы и Марсьяля. Собственно, Софа — ее прозвище, настоящее имя — Жозафа. Она кривляется в бассейне, притворяется, будто сейчас утонет, — вот уж что ей не грозит с ее надувными нарукавниками. Габен в первый же день распознал характер этой мелкой тиранки, можно подумать, светловолосая шестилетняя девчушка сама себе дала единственное задание на каникулы — испортить отпуск родителям. Сверходаренный по этой части ребенок. Всего-то седьмой год пошел, и уже всем пресытилась. Много ли парижаночек ее возраста успели искупаться в тридцатиградусную жару в тени казуарин, среди ярких кораллов, с рыбками-клоунами, проскальзывающими между пальцев ног?

Пока Габен рассуждает о чересчур избалованной дочке, Марсьяль входит в отель.

16 ч. 05 мин.

Наиво только и сможет вспомнить, что спину Марсьяля Бельона, ждущего лифт. Наверное, отвернулся, когда Бельон шел через холл, или

смотрел в свои бумажки. Но это, несомненно, был он. Его плавки, его спина, его волосы. Нелегко будет объяснить это полицейским, но человека и правда можно с уверенностью узнать со спины.

16 ч. 06 мин.

— Да идите, не бойтесь! — кричит Ева Мария Марсьялю, который топчется на месте, не решаясь ступить на свежeweымытый пол. — Все уже высохло!

Марсьяль через безупречно чистое окно третьего этажа смотрит в гостиничный сад. Софа сидит в одиночестве на бортике бассейна. Марго довольствуется тем, что время от времени поглядывает на нее из воды. Марсьяль вздыхает и идет к темной деревянной двери тридцать восьмого номера.

Тихонько стучится. Ждет. Снова стучится. Несколько секунд спустя оборачивается и объясняет Еве Марии, которая ни о чем его не спрашивала:

— Ключи у жены... Похоже, она меня не слышит. Спущусь, попрошу, чтобы открыли...

Ева Мария пожимает плечами. Ей все равно. Пол высох.

Еще несколько секунд спустя Марсьяль снова поднимается на этаж — на этот раз вместе с Наиво, у которого в руке звенит огромная связка ключей, ни дать ни взять святой Петр. Ева Мария обреченно возводит глаза к потолку. Что за карнавал они устроили сегодня в ее коридоре! Наиво — сторож методичный, и первый же ключ, который он выбирает из связки, открывает дверь номера 38.

Марсьяль входит. Наиво остается на пороге, в метре позади него.

Комната пуста.

Марсьяль в растерянности делает еще один шаг.

— Ничего не понимаю... Лиана должна быть здесь...

Наиво придерживает дверь, по руке у него бегут мурашки. Здесь что-то не так, он сразу это ощутил. Пока Марсьяль шарит взглядом по закоулкам — хотя в комнате и закоулков-то никаких нет, — он изучает все детально. Скомканное ярко-розовое покрывало на двуспальной кровати. Разбросанную одежду. Подушки и пульт от телевизора на ковре. Опрокинутую белую стеклянную вазу. Все указывает на бурную семейную сцену.

Или ураганную постельную сцену — Наиво заставляет себя предположить лучшее.

Марсьяль кидается к двери ванной, распахивает ее.

Никого.

Никого нет ни в этой комнате, ни где-нибудь еще. Здесь нет балкона, под кроватью недостаточно места, чтобы спрятаться, нет стальных шкафов с дверцами — только деревянные полки.

Марсьяль садится на кровать. Он растерян, ничего не соображает. Но, как ни странно, Наиво не верит ему. Он не сумеет внятно объяснить это полицейским, но что-то в реакции Бельона кажется ему неестественным. Он ограничится тем, что опишет эту сцену капитану Пюрви, — сорокалетний отец семейства, обаятельный, уверенный в себе, увидев пустую комнату, растерялся как маленький. Неподвижно сидящий на постели плейбой в одних плавках. Может, именно это и показалось ему тогда сюрреалистическим. Этот контраст...

Контраст... и красные пятна.

Виски у Наиво взмокли от пота.

Вся простыня в красных пятнах.

Наиво присматривается. И замечает еще с десяток красных пятен — на бежевом ковре около кровати, у окна, на занавесках. Он молчит. Он видит только это: комнату, забрызганную кровью.

Он в нерешительности.

Это продолжается всего несколько секунд, но кажется, что время тянется бесконечно. Марсьяль молча встает, бродит по комнате, роется в сваленных на кровати шмотках, словно ищет объяснение, записку, какой-нибудь знак. Наиво чувствует, что Ева Мария заглядывает ему через плечо. Она подходит поближе, для приличия прихватив тряпку, — кусок ткани того же бирюзового оттенка, что и косынка, прикрывающая ее волосы.

Марсьяль встает и наконец глухо произносит, ставя вазу на прежнее место:

— Не понимаю. Лиана должна быть здесь.

Наиво переводит взгляд на одежду, брошенную кучей на полу у кровати. Майки, шорты, рубашки.

Здесь только мужские вещи!

В голове у Наиво мгновенно распахивается дверь, сквозняк выметает его нездоровые предположения.

Красотка сбежала...

Он может утверждать это со знанием дела. Лиана Бельон чуть не каждый час меняла платья (можно подумать, вместе с ней в порту выгрузили контейнер с тряпками). Однако в разоренном номере не найти и следа кружевных трусиков, юбки с оборками, парео, маечки в обтяжку или

кофточки с глубоким вырезом...

Наиво переводит дух и забывает про кровь.

— Этого не может быть, — бубнит Марсьяль, снова обследуя два квадратных метра ванной.

— Мсье Бельон, могу я вам чем-нибудь помочь? — спрашивает Наиво.

Марсьяль тут же поворачивается к нему и выпаливает поспешно, словно заранее приготовил свой ответ, выучил его наизусть:

— Вызовите полицию! Моя жена должна была находиться здесь. Она поднялась в номер час назад. И не вернулась.

Захлопнув дверь ванной, он прибавляет:

— Да, вы можете мне помочь. Приведите сюда полицейских.

Наиво профессионально сохраняет на лице спокойствие. Вызвать в отель полицейских... Хозяина это точно не обрадует. Чикунгунья^[6] и стоимость билетов — за полет от Парижа до Сен-Дени надо выложить больше тысячи евро — не способствуют развитию туризма на острове. И так отдыхающих немного, а тут еще полицейские у бассейна появятся. Начнут допрашивать всех постояльцев... Нет, хозяину это не понравится. Но выбора-то у него нет.

— Конечно, мсье, — говорит Наиво. — Уже иду.

Он встречается глазами с Евой Марией, они без слов понимают друг друга. Затем он бросает последний взгляд на Марсьяля и думает, что тот похож на голого хищника, мечущегося по своей клетке. Из-за кондиционера у него дрожит каждая мышца, как у затерявшегося в Балтийском море серфингиста.

— Вы бы что-нибудь на себя надели, мсье.

Но тот едва его слышит.

— Это... это неправильно, — бормочет Марсьяль Бельон. — Лиана должна быть здесь.

4

Возвращение в «Аламанду»

17 ч. 07 мин.

Капитан Айя Пюрви, чертыхаясь, вдавила в пол педаль тормоза своего «пежо». Перед самым въездом в тоннель один из двух путей приморского шоссе огорожен длиннющим рядом оранжевых конусов.

Тропическая комариная лихорадка.

Дорожные работы!

Огромная черная пасть тоннеля с невыносимой медлительностью заглатывает разноцветную вереницу машин. «Пежо» черепашьям шагом продвигается еще на несколько десятков метров и, поравнявшись с красным пикапом, замирает позади внедорожника.

Айя раздраженно смотрит на часы рядом с рулем.

Сколько времени ей потребуется, чтобы проехать восемь километров, отделяющих ее от отеля «Аламанда»? Полчаса? Час? Еще больше?

Разъяренная Айя наблюдает, как волны Индийского океана бьются о каменный зубец, напоминающий, как принято считать, профиль Марианны. Ну-у... Айе никогда не удавалось разглядеть республиканский символ в этой базальтовой глыбе, лучше бы ее взорвали динамитом, чем тратить миллиарды на то, чтобы проложить несколькими сотнями метров выше дорогу, которая уродует пейзаж и не решает никаких проблем передвижения по острову. Зато у реюньонцев сохранится иллюзия того, что можно регистрировать на острове все больше машин, по тридцать тысяч дополнительно каждый год, и так до бесконечности. И все же надо признать очевидное: остров Реюньон — это выросшая в океане гора. Почти все его население теснится у самой воды, и все перемешаются в автомобилях по более или менее ровной узкой полоске земли между океаном и подножием вулканов, кружат наподобие протонов в циклотроне, и свободы у них ровно столько же. На реюньонцах проверяют концепцию замедлителя частиц.

Айя, смирившись, глушит мотор. Водитель пикапа, кафр в белой футболке, упорно пялится на нее, возвышаясь над ней на метр. Его рука через открытое окно свисает на дверцу, и это тоже раздражает Айю. Если бы она взяла служебную машину или хотя бы прицепила мигалку на крышу своего «пежо», она за несколько минут домчалась бы куда надо по приморскому шоссе, машины расступились бы перед ней, словно море

перед пророком, в том числе и пикап этого кафра, который выворачивает шею, чтобы поглубже заглянуть ей в вырез. Айя бессознательно стягивает на груди блузку. Из-за таких типов ей иногда хочется носить покрывало. Исключительно для того, чтобы им досадить.

В конце концов, в тридцатиградусную жару черная чадра или бейсболка...

Или форменная фуражка...

Директор «Аламанды» Арман Зюттор настоятельно советовал ей... очень настоятельно: «Айя, только не надо пугать туристов, появишься незаметно!»

Этот белый господин, директор отеля, обращается к ней на «ты» под тем предлогом, что знал ее совсем маленькой, она приходила с родителями в «Аламанду». Граница между бесцеремонностью и унижением иногда бывает тонкой, Айя прекрасно это осознает.

«Ты же понимаешь, Айя, это частное дело, а не официальное расследование. Марсьяль Бельон не намерен подавать заявление, просто зайди и успокой его насчет жены, я прошу тебя об этом как об услуге».

Услуга? Инкогнито? Ну посмотрим... Как ему отказать? Туризм — это восемьдесят процентов рабочих мест Сен-Жиля. Двести рабочих мест — в гостиничном деле... И тридцать из них — в одной только «Аламанде».

Арман Зюттор считает, что повода для паники нет: обычная история, приехала чета парижан, жена сбежала, прихватив свои вещи и оставив мужа в дураках и в одиночестве у бассейна, с шестилетней девчушкой на руках.

«Скорее забавно, да, Айя? Если бы это случилось с каким-нибудь креолом, все бы только посмеялись. И даже с осевшим здесь французом. Но турист... И потом, муж отрицает очевидное, не желает признавать, что птичка упорхнула, он потребовал вызвать полицию, и немедленно... Понимаешь?»

Айя понимает. И потому она, капитан жандармерии из Сен-Поля, примчалась, как мчатся пожарные, стоит только вулкану Питон-де-ла-Фурнез разок кашлянуть...

Безрассудно влезла в вечерний поток машин и теперь встала намертво, уже никто не въезжает в тоннель и не выезжает из него. Айя вздыхает и резко опускает стекло со стороны водителя. Удушливая жара, ни ветерка. Шины плавятся. Из колонок авторadio пикапа на неподвижную вереницу машин выплескивается мелодия сеги.^[7] Кафр пальцами в кольцах выстукивает ритм креольской музыки, должно быть, дожидается, чтобы диктор местного радио сказал, на сколько километров тянутся по острову

пробки, и, чтобы поднять дух населения, прибавил, что здесь не существует учреждения, куда бы стекалась и где бы обрабатывалась вся дорожная информация.

Айя откидывает голову на подголовник водительского кресла. Бросить бы машину здесь и дойти пешком. А вот кафра, похоже, пробка не злит, ему даже нравится. У него есть музыка, солнце, море... и девушка, чтобы на нее глазеть.

Можно подумать, ему больше нечем заняться...

17 ч. 43 мин.

Марсьяль Бельон стоит перед капитаном жандармерии Пюрви. Он очень бледен, отмечает Айя. Это она маялась целый час на солнцепеке, это у нее задница прилипла к автомобильному сиденью, обтянутому искусственной кожей, а пот градом катится с этого туриста, хотя в гостиничном холле работает кондиционер. Как только она вошла, он встал с плетеного пластикового кресла.

— Капитан Пюрви?

И остался с открытым ртом, словно так ему было легче дышать, — в точности как экзотические рыбы в аквариуме у него за спиной.

— Я... прошу прощения за то, что побеспокоил вас, капитан. Я догадываюсь, что полиции подобное исчезновение может показаться вполне... вполне заурядным... Но... но как вам объяснить... Извините, капитан, мне трудно подобрать слова... Это только на первый взгляд... А на самом деле...

Айя сочувственно смотрит на Марсьяля, который вытирает взмокший лоб полой расстегнутой рубашки. Бельон успел дважды извиниться в одной фразе. Ей кажется странным это чувство вины, к тому же оно не вяжется с внешностью загорелого красавчика, с его безупречными грудными мышцами, просвечивающими сквозь тонкую белую льняную рубашку. Почему он до такой степени чувствует себя виноватым?

Бельон набирает побольше воздуха, как будто намеревается побить мировой рекорд по задержке дыхания, потом решается:

— Капитан, я попробую по-другому, так будет проще. Я не настолько глуп, чтобы не догадываться, что все думают, будто жена меня бросила. Разумеется... На острове соблазнов более чем достаточно. Послушайте меня, капитан, здесь не тот случай... Она не ушла бы так. Без своей дочери... Без...

Айя внезапно обрывает неуверенную речь Марсьяля.

— Хорошо, мсье Бельон, не надо оправдываться, мы сделаем все

возможное. Вам повезло, Арман Зюттор заботится о постояльцах... здесь жандармерия обслуживает вас наряду с другими работниками отеля. Обеспечивает вашу безопасность, вы же понимаете. Уверяю вас, я буду расследовать исчезновение вашей жены как можно более незаметно...

— Вы хотите, чтобы...

Пропитанная потом льняная рубашка, прилипшая к коже, кажется прозрачной. Айя улыбается и отводит глаза, она смотрит на желтую рыбку-хирурга, которая строит из себя начальника в аквариуме. Что-то в поведении этого перепуганного туриста ее по-прежнему смущает.

— Послушайте, мсье Бельон, сегодня уже слишком поздно, но завтра вам надо зайти в отделение полиции Сен-Жиля и официально заявить об исчезновении вашей жены. Кроме того, вас попросят предъявить удостоверение личности и дать некоторые сведения. А до тех пор я посмотрю, что я могу сделать. У вас есть фотография жены?

— Конечно.

Он передает ей фотографию. Айя разглядывает безупречный овал лица Лианы Бельон, светлые волосы, мелкие белые зубки. Чистокровка! Она понимает, что такая красotka может многих возбудить на Реюньоне — в этой лаборатории скрещивания пород. Айя с понимающим видом поджимает губы.

— Благодарю вас, мсье Бельон. Арман Зюттор уже изложил мне суть событий. Побудьте в холле или в саду, выпейте рома или пива, это пойдет вам на пользу, только пока не поднимайтесь в комнату. Ничего не трогайте, я через несколько минут все вам расскажу.

17 ч. 47 мин.

Габен наблюдает за тем, как Айя, обогнув бассейн, подходит к бару и припечатывает к стойке фотографию.

— Когда в отеле появляется такая красotka, ты ведь не можешь ее не заметить, а, Габен?

Бармен не спешит отвечать. Как правило, стоящие перед ним клиенты смотрят мимо него, на расположенную у него за спиной и занимающую три полки внушительную коллекцию бутылок рома, играющих красками, будто склянки в аптечной витрине. Но Айя смотрит ему прямо в глаза. Как большинство зарабов,^[8] она не пьет спиртного. А ведь нельзя сказать, чтобы ей не предлагали хотя бы попробовать, когда она была еще подростком и часами ждала отца и мать у бортика бассейна. До того, как произошла трагедия.

Раз Айя на него так уставилась, то и Габен не отказывает себе в

удовольствию на нее поглазеть. На их острове не так часто вырастает подобный цветок. Зарабка с примесью креольской крови. У Габена сложилось довольно четкое представление о зарабах, они редко скрещиваются с другими, обычно предпочитая ни с кем не делить ни свои гены, ни свои банковские счета. Сдержанные и деятельные. Двадцать пять тысяч человек, тринадцать мечетей, никаких покрывал и никабов напоказ... и все ткацкие, и все автомобильные предприятия острова сосредоточены у них в руках, равно как и все производство фурнитуры!

Айя — зарабка по отцу и креолка по матери. Можно ли назвать ее красивой девушкой? — задумывается Габен. Не так легко решить. Иногда такое скрещивание порождает шедевры, изумляющие вас бесспорной красотой, но чаще всего природа экспериментирует. И тогда получается вот такая Айя. Невероятное сочетание длинных черных волос и синих миндалевидных глаз под почти сросшимися широкими черными бровями. Отличные задатки, резюмирует Габен, но для того, чтобы выглядеть привлекательно, Айе надо бы иногда улыбаться. И еще хорошо бы посмотреть на нее в купальнике. Мало ли что. Айя выросла вдали от океанского берега, в одном из уродливых домов на плато, он помнит ее школьницей. Уже тогда она казалась особой ящерицей в классе, состоявшем из одних хамелеонов. Такие одаренные дети появляются раз в десять лет. Из тех, кто едва успевает загореть, никогда и ног не замочит в лагуне, а только вкалывает, вкалывает и вкалывает больше всех. Как и многие другие, Айя училась в метрополии, окончила юридический факультет, потом жандармское училище. Дослужилась до капитана. Но, в отличие от других островных вундеркиндов, Айя вернулась. Теперь, возможно, она об этом жалеет. Метискама, которые хотят вскарабкаться по ступенькам служебной лестницы, места на острове достаются нелегко... Ее сослали в автономную территориальную бригаду в Сен-Жиль-ле-Бен. Только девочка она энергичная, честолюбивая и упорная, Габен видел ее в деле, эта ящерица может забраться очень высоко. И жажда мести как дополнительный стимул. Зореям^[9] из Сен-Дени нелегко будет долго ее сдерживать...

Айя нетерпеливо трясет снимком у него перед носом.

— Ну так что, Габен?

— О чем ты? Айя, я вроде бы не слышал сирены... Сверхурочно подрабатываешь? За черную зарплату?

— Если бы... Ты же знаешь полицейских. Если какую-нибудь креолку колотит муж — они с места не сдвинутся. А вот если сбежала туристка...

Габен широко улыбается, показывая белые зубы.

— Айя, ты учишься быть дипломатичной, это хорошо.

Айя не отвечает, словно что-то обдумывая, потом снова спрашивает:

— Ну так скажешь мне что-нибудь про эту красотку?

— Почти ничего, дорогуша. Ты же знаешь, я безотлучно торчу за своей стойкой. Только и видел, как она прошла мимо шезлонгов, скинула купальник, завернулась в полотенце, — и привет. Спроси Наиво, он дежурит в холле. Это новенький, мальгаш, ты его ни с кем не спутаешь — он похож на лемура, повязавшего галстук. Он-то как раз и впустил Бельона в его номер...

17 ч. 51 мин.

Айя входит в холл. Марсьяля Бельона нигде не видно. Должно быть, он последовал ее совету сделаться незаметным, уйти подальше, не мешать ей вести расследование. И вдруг улыбается: Габен ее не обманул, гостей действительно встречает лемур! Глаза у Наиво карие, круглые, как бусины, все лицо поросло светлой шерстью, от уха до уха дыбом торчит венчик седых волос... а черно-белый полосатый галстук напоминает обернутый вокруг шеи хвост.

Большой плюшевый лемур, равнодушный к чарам блондинок. Стоило помахать перед его выпученными глазами фотографией Лианы — и поток слов уже не остановить.

— Да, капитан Пюрви, я видел, как Лиана Бельон сегодня днем поднялась в свой номер. Да, ее муж спустился за мной в холл и попросил, чтобы я открыл ему дверь. Сколько времени прошло? Примерно час. Бедняга выглядел встревоженным, и даже перепуганным и жалким в этих его шлепанцах и плавках. Это я, капитан, отпер ему дверь тридцать восьмого номера... Что там было? Как вам сказать... Беспорядок. Следы борьбы. Или совместной сиесты мужа с женой, если вы понимаете, о чем я, капитан...

Одна из ореховых бусин скрывается под полуседыми, перец с солью, зарослями брови — должно быть, лемуры так подмигивают, думает Айя.

— Вот только... — продолжает Наиво. — Вот только все барахлишко жены исчезло. Можете мне поверить, у меня глаз наметанный. Лиана Бельон бросила мужа.

Ресницы смыкаются наподобие застежки-липучки.

— Но самое главное не это, капитан, самое главное, там были следы... как сказать?

Айя щурится, догадываясь, что продолжение ей не понравится. Лемур выпрямляется.

— Пятна, которые очень напоминали следы крови.

Айя невозмутимо кивает.

— Давайте поднимемся, если вы не против. Вы мне откроете...

Они поднимаются на третий этаж. Айя косится на большие окна, наблюдает за постояльцами, которые с коктейлями в руках разговаривают у бассейна под пылающим небом; голые спины женщин, струйки сигаретного дыма, детишки плещутся в яркой воде, которую подводные светильники поочередно окрашивают в синий, красный и зеленый.

Райский тропический вечер. Затишье. Арман Зюттор был прав, мигалки здесь ни к чему.

Лемур Наиво, направляясь к номеру 38, крутит в руке ключи. Как сторож зоопарка, безропотно отпирающий клетку сбежавшей гориллы.

— Капитан, можно с вами поговорить?

Голос идет непонятно откуда. Айя оборачивается и видит, что за спиной у нее стоит старуха со шваброй. Креолка, неслышно подкрававшаяся к ней через весь коридор, продолжает:

— Ты ведь и есть капитан Пюрви? Малышка Айя? Дочка Лайлы и Рахима?

Айя не знает, что раздражает ее сильнее — упоминание о ее детстве из уст женщины, которую она не узнает, или то, как эта уборщица лениво тянет слова. Она неопределенно кивает.

— Знаешь, Айя, детка, я часто вижусь с твоей матерью, — говорит креолка. — На крытом рынке в Сен-Поле, чуть не каждое утро. Вспоминаем прошлое, словно две старушки.

Айя улыбается.

— Слушаю вас...

Лемур не трогается с места. Креолка тоже. Ей некуда деваться.

— Наедине, — в конце концов произносит старуха.

— Хорошо, — соглашается Айя и поворачивается к Наиво.

Лемур возмущенно таращит глаза, шерсть на его висках и над глазами топорщится, и он неохотно уходит в конец коридора. Креолка со шваброй, похоже, не знает, как начать, Айя выжидает несколько секунд, потом опережает ее.

— Давно вы здесь?

— Тридцать лет и шесть месяцев, Айя, детка...

Айя вздыхает.

— Я говорю про сегодняшний день, мадам. Я имела в виду — «здесь, в этом коридоре».

Ева Мария улыбается, неторопливо смотрит на часы, потом отвечает:

— Четыре с половиной часа.

— Это много, да?

— Скажем, обычно на моем этаже бывает поспокойнее...

Айя оглядывает пол, стены, картины, окна — везде чисто, словно в больничном коридоре. Имя уборщицы вышито у нее на халате.

— Ева Мария, мне кажется, вы женщина здравомыслящая и толковая. Расскажите мне в точности, что произошло в вашем коридоре сегодня днем.

Старуха бесконечно долго пристраивает свою швабру у стены.

— Ну так вот, около четырех часов Наиво поднялся сюда вместе с ее мужем, чтобы отпереть тридцать восьмой номер. Там никого не было и...

Ева Мария поправляет косынку на курчавых волосах. Убирает под нее прядь за прядью. Айя снова начинает говорить, чтобы ускорить дело.

— Ева Мария, мы уже знаем, что Марсьяль Бельон поднялся сюда в четыре часа, а Лиана Бельон — часом раньше, около трех. Меня интересует, что произошло за этот час. Если вы все время оставались в коридоре, вы не могли не видеть, как мадам Бельон вышла из своего номера.

Ева Мария углядела на ближайшем к ней стекле невидимое пятнышко и целую вечность вытирает его уголком бирюзовой тряпки, потом наконец отвечает:

— Людей-то между тремя и четырьмя часами по моему коридору немало прошло... Только не эта блондинка...

Как обухом по голове.

— Что вы говорите? — почти орет на нее Айя. — Лиана Бельон не выходила из своего номера?

Ева Мария, довольная произведенным впечатлением, медленно складывает тряпку вчетверо. Ничего не скажешь — мастер саспенса, ей бы детективы писать.

— Муж поднимался сюда.

— Да, часом позже, я в курсе.

— Нет, не тогда, намного раньше. Примерно четверть часа спустя после того, как поднялась жена...

Еще один мощный удар, на этот раз под дых.

— Вы... вы в этом уверены?

— Да-да, Айя, детка, можешь на меня положиться, никто не пройдет по моему коридору так, чтобы я его не заметила.

— Я в этом не сомневаюсь, Ева Мария. Продолжайте...

Ева Мария с подозрением косится на Наиво. Лемур топчется у лифта. Креолка немного понижает голос.

— Он вошел в комнату. Я сначала-то подумала, что он хотел немного побаловаться с женой. Это было время сиесты, ты же понимаешь, что я имею в виду, Айя, детка. Малышка осталась внизу с друзьями. Муж вышел из номера несколько минут спустя, минут десять прошло, не больше. Он подошел ко мне. И попросил об услуге.

Айя смотрит на свое отражение в оконном стекле. Ее синий взгляд теряется среди ярких бликов на воде расположенного четырьмя метрами ниже бассейна.

— Об услуге?

Ева Мария бесконечно долго поворачивается к тележке, на которой лежат щетки, стоят моющие средства и мусорное ведро.

— Да, об услуге. Он спросил, можно ли ему на время взять мою тележку. Не эту, а большую, ту, на которую я складываю постельное белье и полотенца. Пустую. Он вошел с ней в комнату, две минуты спустя вышел оттуда, направился к лифту... и пропал из виду. Свою тележку я нашла внизу, в подвальном этаже, рядом со стоянкой. Это может показаться тебе странным, Айя, детка... Но здесь клиентам ни в чем не отказывают.

Капитан Пюрви дрожащей рукой оперлась о подоконник.

— А он объяснил вам, за каким чертом ему понадобилась бельевая тележка?

— Знаешь, Айя, детка, здесь еще и вопросы клиентам задавать не принято. *La lang na rwın le zo...* [\[10\]](#)

Айя кусает губы.

— Еще кто-нибудь входил в номер, выходил в коридор во второй половине дня?

— Никто! Можешь мне поверить, Айя, детка, красотка из тридцать восьмого номера оттуда так и не вышла.

Почему бы, в самом деле, не поверить Еве Марии?

— Ваша... ваша тележка для белья, она... какого она размера?

Ева Мария словно бы призадумалась.

— Чтобы ты могла себе это представить, там написано, что на нее можно погрузить восемьдесят килограммов белья. Я понимаю, куда ты клонишь, Айя, детка. Между нами говоря, я бы сильно удивилась, если бы оказалось, что та блондиночка в купальнике весила больше половины этого.

Ева Мария выискивает взглядом другие невидимые пылинки, Айя тем

временем смотрит вниз. В саду при гостинице сейчас человек двадцать, не больше, они разговаривают, пьют, ждут, пока скроется солнце. Айя ищет глазами Марсьяля Бельона — он сидит на высоком стуле под фонарем, на коленях у него девочка лет шести.

Его жена так и не вышла из номера...

Наиво сказал, там были следы борьбы. Пятна крови.

Утешительное предположение, что красotka сбежала с любовником, заметно потускнело...

Лемур, должно быть, заметил, что разговор закончился, и двинулся по коридору с ключами в руке. Придется объяснить и ему, и директору отеля, что программа изменилась. Арману Зюттору это не понравится... Вещи, разбросанные по номеру 38, вполне могут оказаться вещественными доказательствами преступления. Айя смотрит на часы. Хорошо бы заняться отпечатками пальцев, следами крови и ДНК, сделать все, что полагается в таких случаях. Сегодня же вечером.

Остается уговорить Кристоса сдвинуться с места...

Комариный бал

20 ч. 34 мин.

Софа даже не притронулась ни к жареному цыпленку, ни к рису. Надувшись, она уткнулась в сборник реюньонских сказок. Марсьяль Бельон с трудом заставил себя доесть копченую грудинку с пряным томатным соусом. Словно хотел показать, что все в порядке. А вот Жаку и Марго Журденам исчезновение Лианы, похоже, аппетита не отбило.

Все трое ужинают в молчании. У бассейна какой-то тип в цветастой рубашке орет в микрофон хиты восьмидесятых. У него за спиной извивается тетка в обтягивающем платье, с гирляндой из цветов огненного дерева на морщинистой шее. Время от времени она хлопает в ладоши или подхватывает припев. Довольно вяло.

Никто из двух десятков человек, сидящих за столиками в «Песчинке», ресторане отеля «Аламанда», не аплодирует. И никто не разговаривает.

«В путь, в п-у-у-у-уть, за край ночи и дня...»

Должно быть, эту парочку певцов держат с одной-единственной целью — заполнять бесконечные паузы в разговорах. Жак Журден подливает Марсьялю вина в бокал. Его рука слегка дрожит. Поколебавшись, он наклоняется к Марсьялю, чтобы тот расслышал его, — завываний дуэта ему не перекричать.

— Она вернется, Марсьяль. Не волнуйся, она обязательно вернется.

Марсьяль не отвечает. Сочувственное выражение лица Жака выглядит не очень убедительным. Действительно ли этот парижский адвокат искренне опечален несчастьем, случившимся с человеком, которого он еще пять дней назад не знал? Марсьяль в этом сомневается. Жак и Марго скорее производят впечатление людей, которых утешает вид человека более несчастного, чем они сами. Они испытывают нечто среднее между жалостью и безразличием.

«Не бросай ее, она такая хрупкая...»

Атмосфера...

Марсьяль вымученно иронизирует. Да, в глубине души Жак, похоже, расстроен исчезновением его жены. Немного. Он себя не обманывает — изучение фигурки Лианы у бассейна было одним из скромных тропических удовольствий адвоката.

Марсьялю хочется встать, увести отсюда Софу, бросить их одних. Но он остается. Через силу жует остывшую грудинку. Нет, на этот раз он не должен поддаваться своим желаниям, ему надо набраться терпения, ничем себя не выдать, выдержать роль мужа, по-настоящему огорченного исчезновением жены. Он сознает, что партия у него трудная. Все будет зависеть от деталей, от его способности утаить правду от полицейских. Улики стянутся вокруг него, как затягивается на шее удавка, но, если они не найдут решающего доказательства, сомнение останется... А если дело обернется плохо, Журдены могут ему понадобится. В особенности Жак: если судить по количеству мейлов, которые получает этот адвокат ежедневно, в Париже он нарасхват.

Молчание делается невыносимым.

Дуэт гнусно завывает, но, как ни странно, никто из сидящих за столиками не уходит из ресторана.

«Не плакать, оставаться здесь, не понимая почему...»

Марсьяль быстро прикидывает, как пройдет завтрашний день. Ловушка захлопнется. Полицейские, допросы, туристы, запертые в отеле. Журденов вызовут давать показания. По крайней мере он поспособствует тому, чтобы испортить отпуск этим лицемерам! Хоть что-то.

20 ч. 34 мин.

— Софа, пойдём в номер.

Марсьяль с бумажником в руке направляется к стойке. Габен протягивает ему ром, настоянный на фруктах и специях. Что там за плод — понять трудно. Похоже на мушмулу.

Беря деньги, Габен касается руки Марсьяля.

— Ром с локвой, мсье. По особому рецепту. Вернется ваша жена, не расстраивайтесь.

Этот-то, во всяком случае, говорит искренне. Марсьяль отвечает ему грустной, соответствующей обстоятельствам улыбкой.

— Ее можно понять, — продолжает Габен, — у вашей жены хороший

вкус. Кому захотелось бы слушать такую музыку, как сегодня вечером? Вот завтра будет выступать хорошая группа — и она вернется.

20 ч. 34 мин.

«Жи-и-и-ить под юпитерами тро-о-о-опиков...»

В неоновом сиянии желтых светильников над бассейном танцуют только комары.

Марсьяль отходит от окна номера 17 на втором этаже. Поворачивается к детской кроватке, которую Наиво с большим трудом удалось втиснуть между двуспальной кроватью и стеной. Софа в конце концов уснула. Она целый час звала маму. Марсьяль, как сумел, неуклюже ей объяснил:

«Софа, она вернется. Она ушла погулять. Она скоро вернется».

Напрасно старался.

Вопросы посыпались градом:

А почему мама не звонит?

А почему она меня не поцеловала перед уходом?

А почему она не взяла меня с собой?

Где моя мама? ГДЕ ОНА?

Почему мы спим не в той комнате, где вчера?

«Потому, Софа, что полицейский придет снимать наши отпечатки пальцев». Но этого Марсьяль дочке сказать не может.

Он снова пересказал ей приключения Ти-Жана, Бабушки Калле и Большого Дьявола,^[11] и девочка уснула. Ей нелегко было это сделать — те двое у бассейна продолжали вопить.

Марсьяль стянул через голову майку, сбросил на пол штаны, и теперь стоит гольшом в темноте.

Встревоженный.

Все идет не так, как предполагалось.

Через несколько часов, самое позднее — завтра утром, полицейский откроет опечатанный номер 38. Наиво, должно быть, рассказал им про разбросанную по комнате одежду, опрокинутые предметы... про пятна крови. Конечно, рассказал.

Марсьяль идет в душ.

Сегодня вечером, до ужина, он контролировал ситуацию. Но несколько минут назад что-то из-под контроля ускользнуло.

Льется вода. Почти холодная.

Мысли кружатся, соскальзывают по гладким стенкам его мозга, исчезают в отверстиях. Зачем он сочинил этот бредовый план? Не попался ли он в им же самим устроенную западню?

Он вытирается, ему хотелось бы тереть кожу до крови, до тех пор, пока белое полотенце с вышитым на нем логотипом отеля не станет алым.

Перед его глазами снова встают чудовищные картины.

Был ли у него выбор?

Марсьяль проходит через комнату, голый останавливается у окна, почти не скрытый покровом темноты. Все равно никто в его сторону не смотрит. Почти для всех туристов вечер закончился, лишь несколько пар, обнявшись, танцуют на тиковых досках. Журденов не видно. Это не для них.

«Когда у тебя на глазах умирают сирее-еены...»

Бесконечный медленный танец позволяет предположить, что певцы вскоре свалят отсюда.

Марсьяль отходит от окна, прислушивается к тихому дыханию Софы, спящей в тесноватой для нее детской кроватке.

А его кровать слишком велика. «Сексодром», как сказал Наиво. Бестактный придурок!

Марсьяль забирается под простыню, задубевшую под кондиционером и напоминающую саван. Ему не по себе от соприкосновения с ней. Внезапно становится невыносимо без Лианы. Марсьяль стискивает зубами край простыни, чтобы не завывать в голос, и осознает, что проделывает то же самое, что проделывала каждую ночь Лиана, когда, занимаясь любовью, старалась заглушить стоны.

Господи, что он наделал?

Он что угодно сейчас отдал бы, лишь бы почувствовать рядом с собой голое тело Лианы. Вернуться на день назад. На неделю, если бы это было возможно.

Никогда не ступать на берег этого острова.

За окном, словно взорвавшиеся звезды, гаснут неоновые огни бассейна.

Сегодня ночью ему не уснуть.

СУББОТА, 30 МАРТА 2013 Г.

Православная Пасха

9 ч. 11 мин.

Имельда появляется из-под одеяла подобно лаве, выплеснувшейся из жерла вулкана, и застывает горой антрацитового пепла.

— Крестос, на твой мобильник пришло сообщение! Вчера вечером, в девятнадцать сорок три. Ты когда-нибудь проверяешь свой телефон?

— В твоей постели — никогда!

Крестос Константинов потягивается, упираясь головой в огромную черную грудь Имельды. Та бесцеремонно его отпихивает, тянется к ящичку, заменяющему прикроватный столик, и берет с него мобильник.

— Это твоя начальница.

Перед его глазами раскинулась роскошная задница Имельды. Все остальное не имеет значения.

— Айя? В пасхальное воскресенье домогаться единственного на всем острове православного? Я подам на нее в суд за приставания...

Крестос с ворчанием подползает по кровати к Имельде и прижимается к ее черной коже. Имельда — заколдованная перина, которая с каждым годом делается толще на несколько сантиметров. Он нашел в ящичке альбом с ее старыми фотографиями — двадцатилетняя Имельда позировала голая перед фотографом, а тот, должно быть, любовался ею, щелкая со всех сторон ее божественное тело, длинное, стройное и крепкое, такое, что и у мертвого встанет. И все же Крестос ни за что на свете не променял бы на девичье тело юной Имельды вот это вот сочащееся, растекшееся тело его любовницы двадцать лет спустя. Разве станешь восхищаться осиной талией после того, как насладился королевой? У Имельды шоколадное, тающее тело, которым хочется объедаться. Бескрайние телеса, текучие, меняющие форму, чувственное облако, которое можно вволю мять.

Знала бы она...

— Можно мне посмотреть? — жеманно тянет Имельда, не выпуская из рук мобильник.

Крестос вздыхает. Это запрещено. Это его служебный телефон. Ну и пусть — если он может доставить удовольствие Имельде. В ящичке рядом с кроватью лежит стопка детективов. Имельда — черная мисс Марпл, и это тоже придает ей очарования.

— Если хочешь...

Имельда нажимает на кнопки мобильного, а рука Крестоса тем временем ползет вверх по ее ноге, взбирается по тысяче холмов ее живота, потом, подобно утомленному альпинисту, снова нетерпеливо спускается с безводных вершин во влажную ложбину. Пальцы Крестоса зарываются в Имельдину шерсть. Она и не думает удалять волосы... Происхождение мира, реюньонская версия, какое блаженство... Темные джунгли, непроходимый, священный лес, часть всемирного наследия человечества. Крестос сегодня с утра в поэтическом настроении, и ему совершенно не хочется тащиться в полицейский участок.

Он смотрит на стоящую у стены коляску. Маленькая Доленка спит. Если повезет, она поспит еще.

— Отель «Аламанда», — глядя на экранчик мобильного, сообщает Имельда. — Тебе надо искать отпечатки пальцев, следы крови, ДНК и все такое прочее.

Под напором настойчивых пальцев Крестоса она слегка раздвигает ноги.

— Хорошо, — соглашается Крестос, — все понятно, я пойду туда ко времени аперитива... Никто на всем острове не умеет так готовить ром с фруктами и пряностями, как их бармен, Габен Пайе. Явиться в час эспрессо было бы просто-напросто оскорблением...

— Тебя в конце концов выгонят с работы...

Указательный палец Крестоса оскверняет заповедный лес.

— Ты меня прокормишь. Одним больше, одним меньше...

— На кой мне сдался такой бездельник, как ты? Мне едва хватает пособия на моих пятерых детишек...

Крестос втискивает колено между коленями Имельды. Затем второе.

— Назвать бездельником Крестоса Константинова, — пытит полицейский. — Не надо было тебе провоцировать маскаренного жеребца...

Он опирается на руки. Она пристраивается к нему, обхватывает белые ягодицы горячими ладонями. Обливаясь потом, направляет его куда надо.

Кровать прогибается и пружинит, внезапно превратившись в батут.

В постель запрыгивают три чудовища. Дориан, Жоли и Амик. Лохматый, кудрявая и коротко остриженный. Двенадцать лет, семь лет и четыре года. И малышка в коляске — не хватает только Назира. Насколько известно Крестосу, потомство у Имельды от трех разных отцов, последний из них отчалил за одиннадцать месяцев до его появления. Веселая компания, в которой попробуй разберись. Креолы, малабары, зорей. Все они теснятся в трехкомнатной хижине, четырехкомнатной, если считать

сад, старший спит в гамаке.

Троица метисов набрасывается на него. Кростос вяло отбивается.

Ни малейшего уважения!

— Тебе не надо идти на работу, Иисус?

— Кростос, а не Иисус! Вот именно что надо! Валите отсюда, малышня! А вы сегодня разве не учитесь?

Вместо ответа они так заливаются смехом, что и водопады Салази позавидовали бы.

Имельда уже встала, завернулась в парео. «Ну все, больше мне ничего не светит», — думает Кростос. И, смирившись, тоже встает.

— Что там пишет моя начальница?

Имельда даже не смотрит на мобильник, как будто с одного раза все запомнила.

— Турист остался без своей бабы. Исчезла вместе с чемоданом.

— Придурок!

Кростос натягивает полотняные штаны и сомнительной чистоты рубашку.

— А знаешь, как я поступаю, чтобы не остаться без своей бабы?

Имельда не отвечает. Она энергично дергает за простыни, стряхивая с постели малышню.

— Собственно, так же, как поступаю, когда не хочу остаться без ключей.

Ответа по-прежнему нет. Имельда наклоняется, собирает раскиданные по комнате подушки.

— Я запасюсь дубликатами!

Кростос с хохотом выскакивает из комнаты за мгновение до того, как три подушки полетят ему в морду.

10 ч. 03 мин.

Отель «Аламанда». Кростос, повинуясь инстинкту, направляется к бару, словно кошка — к миске с едой. Он не наврал Имельде, ром у Габена самый лучший в Сен-Жиле, а может, и на всем острове. Чаще всего Кростос здесь бывает поздно ночью, когда требуется утихомирить разгулявшихся посетителей, покидающих одно из заведений по соседству, «Red White» или «Loft». Габен — своего рода местная знаменитость, джазмен коктейля, виртуоз, способный на любые импровизации. Вот уже десять лет все бары Реюньона его друг у друга переманивают, торгуются за него, как за центрального нападающего, который забивает гол за голом во время островного чемпионата.

Габен с улыбкой смотрит на идущего к нему Кростоса. Судя по его длинным седым волосам, стянутым на затылке в хвост, выгоревшей на солнце голубой рубашке и старым эспадрильям, легко догадаться, что он вот уже больше тридцати лет служит младшим лейтенантом в полиции.

— Смотри-ка, пророк! — восклицает Габен. — Что-то ты припозднил, мы тебя ждали с круассанами.

Вместо ответа Кростос делает движение большим пальцем — сверху вниз. Бармен не настаивает, он сам себе выдал диплом алкотерапевта, он наблюдает за клиентами, слушает, анализирует, потом подбирает лекарство для каждого. Кростосу он смешивает «Май тай»,^[12] следом еще один, а младший лейтенант тем временем слушает подробный рассказ о том, что произошло: красивая пара, поцелуи в бассейне, шестилетняя девчушка, достающая родителей, мама, которая на секундочку поднялась в номер, а потом испарилась...

Кростос слушает, сочувственно кивает, поглядывая то на стакан, где льдинки тают в остатках рома, то на пустой бассейн. Там глядеть совсем не на кого, даже мамыши ни одной.

— Угу, вот что я тебе скажу, Габен, зорьям надо бы остерегаться: этот остров — дьявольская западня. Слушай, сейчас расскажу тебе невероятную историю, знаешь, как я здесь очутился?

Габен вздыхает и качает головой. На самом деле его специальность называется психоалкотерапевт.

— Я жил в Курневе, — продолжает Кростос. — Когда мне стукнуло двадцать пять, я откликнулся на предложение перевестись в жандармерию Сен-Дени. Это в пятнадцати километрах от меня, машиной добираться полчаса даже с учетом пробок. Я всего лишь одну деталь упустил в этом объявлении. Совсем незначительную деталь, всего-навсего цифру...

Допив стакан, Кростос делает заключение:

— Номер департамента... Там было девять-семь-четыре, а не девять-три... Надо полагать, это была судьба! Я решился, сложил всю свою жизнь в контейнер — и вперед! По направлению к тропикам. Я здесь уже тридцать лет.

Габен равнодушно вытирает стойку.

— Неужели тебя не смешит моя история?

Бармен отвечает, даже не поднимая глаз.

— Ты мне ее рассказываешь в пятый раз! Твои шутки всегда повторяются, Кростос.

Кростос пожимает плечами. Крутит льдинки в пустом стакане и

отыскивает в памяти способ убедить себя в том, что Габен врет. И в конце концов сдаётся.

— Ты профи, Габен, но заставь поработать свое чувство юмора, это важно для клиентов. Ну пока, я пойду наверх изучать брачное ложе. Все-таки потерять жену — глупее не придумаешь, да?

Он уходит, но, немного поколебавшись, оборачивается:

— Габен, а знаешь, как я поступаю, чтобы свою бабу не потерять?

Бармен поднимает глаза к небу.

— Не знаю. Дубликаты заказываешь?

Придурок!

10 ч. 09 мин.

Кристос кладет на кровать алюминиевый чемоданчик, вытаскивает из его отделений флаконы с Bluestar® Forensic,^[13] пробирки, ультрафиолетовую лампу и маленький цифровой фотоаппарат. Он единственный в бригаде Сен-Жиль-ле-Бен, кто умеет им пользоваться, не считая Аيي. Такая компетентность дает право на некоторые привилегии... Например, спать подольше по утрам. Он вспоминает мальгаша, открывшего ему номер 38. Наиво Рандрианасолоаримино. И это немедленно вдохновляет его на шутку из тех, за какие можно потребовать напоследок еще стаканчик рома. Эй, Габен, умник этакий, угадай-ка: что ни в какие ворота не лезет, когда человек принимает гостей в большом отеле? Не знаешь? Тогда спроси у Наиво Рандрианасолоаримино.

Такое имечко точно в дверях застрянет.

Угу...

За работу...

Спятить можно от этой чертовой работы.

Вокруг каждого темного пятна — на ковре, на простынях, в душе, на ободке унитаза — он должен набрызгать несколько капель люминола Bluestar® Forensic. Тщательно приготовив состав... Люминол можно использовать для выявления следов крови только после того, как его смешают с активатором на основе пероксида водорода. Не один только Габен, этот кретин, умеет коктейли смешивать, утешает себя Кристос. Потом, если в комнате достаточно темно, каждое пятно крови должно превратиться в красиво светящийся голубой кружочек.

Кристос торопится, свечение длится не больше тридцати секунд, маловато для того, чтобы успеть и выявить следы крови в агатовом свете лампы, и сделать фотографии. Не успеешь — придется все начинать

заново, и так до бесконечности.

Кристос вздыхает, вода над полом ультрафиолетовой лампой. Голубые пятна почти сразу исчезают, как будто ковровое покрытие их впитывает, но сомневаться уже не приходится: в этой комнате была пролита кровь, она повсюду, и на кровати, и на стенах.

Прилавок мясника...

Как ни старается Кристос, отыскивая всевозможные аргументы, опровергающие предположение, ему приходится признать очевидное.

Номер 38 отеля «Аламанда» стал местом преступления.

Кристос кидает ультрафиолетовую лампу на кровать. Подобное открытие должно бы возбуждать нормального полицейского, словно энтомолога, который набрел на неизвестный муравейник, или астронома, открывшего новую планету. А ему, Кристосу, это остоелозило... Теперь придется снова растворять люминол, снова опрыскивать комнату раствором, на этот раз — метр за метром, чтобы сделать фотографии всего помещения. В самом паршивом американском сериале вокруг каждого несчастного трупа топчется человек двадцать. А в Сен-Жиль-ле-Бен на Реюньоне он должен выкручиваться один, как знает...

И эта голубая иллюминация — только первый этап...

Чья это кровь? Мадам Бельон? Мсье Бельона? Или обоих? Кристос знает, что ему придется раскладывать по пластиковым пакетикам тщательно вырезанные лоскутки простыней и наволочек. Ползать на четвереньках, отдирая целыми кусками ковровое покрытие. В ванной стараться ухватить пинцетом только теоретически существующие волоски из носа, из задницы или с лобка. Окунать руку с пробиркой в унитаз...

Он вспоминает старшего сына Имельды, эту дубину Назира, который курит замал^[14] и целыми днями смотрит по кругу новые серии «С.С.И.: Место преступления»,^[15] которые скачивает для него приятель. Надо было прихватить его с собой, устроить стажировку, может, это отшибло бы у него пристрастие к травке, от которой делаешься идиотом.

А может, он попросил бы и ему скрутить косячок. Сейчас Кристос не прочь был его выкурить, чтобы собраться с духом.

Младший лейтенант смотрит в окно. Несколько шезлонгов у бассейна уже заняты постояльцами отеля. Старыми и дряблыми. Кристос по опыту знает, что молодые и красивые не загорают в отелях вокруг лагуны, развалившись в шезлонгах. Они шнуруют кроссовки и шастают по горным тропинкам. Кристос слишком стар для того, чтобы их догонять. Ну и пусть, ему всегда нравились женщины моложе его лет на десять-пятнадцать. Так

что теперь, когда ему под шестьдесят...

Кристос разворачивается и оглядывает деревянные стеллажи: надо еще составить опись всего, что есть в номере. По словам того мальгаша с длинной фамилией, все вещи Лианы Бельон пропали, надо будет проверить. Он пытается себя успокоить: все же самой правдоподобной версией остается побег мадам. То, что найдены следы крови, вовсе не означает, что произошло убийство. Оно не доказано, пока нет трупа. Или по крайней мере... орудия преступления.

Кристоса внезапно озаряет. Он влезает на кровать и добросовестно опустошает полки. Спортивная сумка, обувь, дождевики, солнечные очки, теннисная ракетка, фонарь...

Его рука замирает, наткнувшись на комплект для барбекю, хай-тек, куплен в «Nature et Decouvertes» или «Maisons du Monde», такие подарки друзья делают вам, узнав, что вы отправляетесь в страну, где все еще едят пальцами. Кристос раздирает застежку-липучку, на которую закрывается черный пластиковый чехол. Здесь есть отделения для всего — для вилки размера XXL, для лопаточек, для скребка, для щипцов, для кисточки, которой распределяют маринад... и, разумеется, выемка для ножа... большого, крепкого, без труда рассекающего бычьего ребра. Наточенное лезвие и деревянная рукоятка.

Во всяком случае, так предполагает Кристос.

Потому что ножа в этом наборе уже нет.

Пятеро против одного

15 ч. 13 мин.

Айя сидит за письменным столом, как раз напротив Марсьяля Бельона. Кростос остался стоять чуть поодаль. Здание автономной территориальной бригады Сен-Жиль-ле-Бен на бульваре Ролана Гарроса составлено из нескольких бетонных кубов разного размера, выкрашенных белой краской и соединенных с еще одним кубом, на этот раз — из железа, он служит проходной... Обычное убогое сооружение, таких во Франции тысячи, единственное отличие — уродские кубы поставлены в пятидесяти метрах от пляжа. И когда стоишь в большой комнате, а ворота ближайших домов открыты, можно любоваться пляжем и портом Сен-Жиль. Кростосу этот вид никогда не надоедает — покидающие порт яхты, парусники, серфингисты, солнечный закат в широком формате, если он уходит с работы после шести вечера. Такое бывает нечасто... Айя же, съездившаяся на своем стуле, и не заметила бы, если бы ее телепортировали в предместье Дюнжерка.

Марсьялю Бельону не до красот тропического пейзажа.

Его вызвали в полицию к 15 часам. Он пришел на двадцать минут раньше. По-прежнему выглядит как побитая собака. Вернее, как потерянная собака, которая ищет свою хозяйку. Возможно, брошенная собака.

— Вы что-нибудь узнали про мою жену, капитан? Нашли что-нибудь? Я с ума схожу. А Софа, наша маленькая дочка, еще того хуже...

Кростос чувствует, что Айя вот-вот взорвется.

А следы крови на стене, дорогуша? А пропавший нож?

Капитан не из тех, кто станет церемониться с подозреваемыми, и комедия, которую разыгрывает Марсьяль Бельон, ей вскоре прискучит.

— Сейчас я вам все расскажу, мсье Бельон...

Айя встает. Кростос любит ее безупречно отглаженным голубым мундиром, застегнутой на все пуговицы рубашкой, аккуратными нашивками. Кростос давным-давно перестал носить форму, но Айя не сдастся, не оставляет попыток заставить его одеваться более официально. Если уж не хочет носить галстук, погоны и кепи, пусть хотя бы погладит рубашку и заправит ее в штаны. Капитан Пюрви из породы упрямых зануд. Марсьяль Бельон рискует вскоре в этом убедиться.

Айя внезапно поворачивается.

— Мсье Бельон, я терпеливо вас слушала и не мешала вам выступать в роли потрясенного и опечаленного мужа. Вам не кажется, что пора перейти ко второму действию? Давайте играть в открытую. Ева Мария Нативель, уборщица из отеля «Аламанда», рассказала нам во всех подробностях о ваших хождениях взад и вперед по коридору третьего этажа, о том, как вы попросили тележку для грязного белья и спустились с ней на лифте в подвал, к выходу на парковку с северо-восточной стороны...

Бельон удивленно таращит глаза. Очко в его пользу, отмечает Крестос, он неплохо справляется со своей ролью. Айя не сдаётся.

— Ее показания сильно расходятся с вашей версией, разве не так?

Бельон набирает побольше воздуха и решается:

— Эта женщина ошиблась. Или лжет.

Крестос присаживается на подоконник. Матч его увлекает, но он и одного евро не поставил бы на Бельона. Первый промах. Реплика неудачная. С чего бы честная Ева Мария стала врать? И как бы она могла ошибиться? Просто смешно!

Айя добавляет красок.

— Разумеется, Ева Мария лжет, мсье Бельон. Тогда продолжим. Кроме Евы Марии Нативель мсье Танги Дижу, садовник отеля «Аламанда», в 15 часов 25 минут видел, как вы шли через парковку, толкая перед собой пресловутую тележку для белья. Такое зрелище упустить никак нельзя — француз, решивший помочь уборщице-креолке. А позже трое мальчишек, которые играли в футбол за отелем, заметили, как вы направились к своей припаркованной машине, арендованной вами «клио» серого цвета.

Айя делает шаг вперед, глядя туристу в глаза.

— При таких обстоятельствах, мсье Бельон, вы все еще утверждаете, что до 16 часов не уходили от бассейна?

Бельон чуть дольше задерживает дыхание, потом выдает:

— Они ошибаются. Или обманывают...

Айя поднимает глаза к потолку. Крестос невольно улыбается. Марсьяль упрям. Или глуп. Он продолжает рыть себе могилу.

— Я... я уже точно не помню, капитан. Я играл с дочкой в воде, учил ее плавать. Немного вздремнул в шезлонге... Я... я не смотрел на часы, но...

Крестосу почти жаль Марсьяля, который так бездарно защищается. Старается выплыть против течения... Он бы бросил ему спасательный круг, но его начальнице это не понравится... Айя кружит по комнате. Она явно намеренно предоставляет Бельону томиться в собственном соку, напоподобие

цыпленка-карри до тех пор, пока шкурка и мясо не отделятся от костей. Бельон застывшим взглядом смотрит на приклепленные к стенам сине-бело-красные плакаты, прославляющие заморскую полицию. Справа — морская полиция, водные мотоциклы, скутеры и скафандры; слева — воздушная полиция, вертолеты, веревочные лестницы, спуск по канату... Захватывающая жизнь на острове.

Приходите к нам работать!

Айя внезапно взрывается, да так, что от голубой рубашки отлетает пуговица.

— Мсье Бельон, я не собираюсь возиться с вами до вечера. Весь персонал отеля свидетельствует против вас! И показания сходятся. Ваша версия разваливается на глазах. Цербер так не охраняет ад, как Ева Мария Нативель — свой коридор, и она категорически утверждает, что ваша жена вошла в свой номер в пятнадцать часов одну минуту и больше оттуда не выходила. Единственный человек, который вошел туда, потом вышел, потом снова вошел часом позже, — это вы! В последний раз спрашиваю вас, Бельон, вы по-прежнему отрицаете, что поднялись в свой номер четверть часа спустя после того, как туда поднялась ваша жена?

Марсьяль колеблется. На стене вертолет летит над каньоном. Похоже, он решил броситься туда очертя голову.

Едва слышный шепот:

— Нет...

Кристос подмигивает начальнице. Отлично, Марсьяль, мы сдвинулись с места. Айя не дает ему передышки.

— Спасибо, мсье Бельон. Станете ли вы отрицать, что попросили тележку для белья у Евы Марии Нативель?

Пять секунд вечности. Его взгляд уплывает к полицейской девчонке в гидрокостюме, сидящей в надувной лодке.

— Нет.

Кристос снова подмигивает Айе. Всего одно слово — почти признание. Ну, Марсьяль, еще чуть-чуть, небольшое усилие...

Голос Айи снижается на целую октаву, становится почти ласковым.

— Зачем вам понадобилась тележка, мсье Бельон?

На этот раз взгляд Марсьяля устремлен в пустоту, пройдя сквозь плакаты и стены, он теряется среди деревьев...

— Я позволю себе настаивать, мсье Бельон. Когда вы вышли из номера, ваша жена еще была там? Она была еще... жива?

Кристос качает головой. Марсьяль не отзывается, он уже не с ними. Он уже не тонет и не пытается выплыть против течения. Он болтается на

волнах... Ждет отлива. Долго ему придется ждать, улики только накапливаются.

Наконец его губы начинают шевелиться.

— Когда я поднялся в номер, там никого не было, капитан Пюрви. Мы... С тех пор как мы прилетели на остров, отношения у нас разладились. Я просто подумал, что она захотела, так сказать, создать между нами дистанцию.

— Вчера вы говорили мне другое, мсье Бельон. Когда вы вызвали меня в «Аламанду», вы заверили меня, что речь не идет о побеге, что ваша жена никогда не уехала бы без дочки.

— Это было вчера... Я так сказал, чтобы вы начали ее искать.

Айя поджимает губы, ее это слабо убеждает.

— А тележка?

— Дурацкая мысль пришла в голову, когда я увидел пустой номер. Я свалил туда одежду Лианы. Она оставила вещи в комнате, взяв с собой почти пустой чемодан.

Кристос улыбается начальнице. Бельон явно не совсем сдался. Он продолжает барахтаться. На сколько времени его еще хватит, прежде чем он пойдет ко дну?

— Мы проверим, — холодно произносит Айя. — Никто, ни один человек не видел вашу жену выходящей из номера.

Бельон еще сильнее побледнел.

— Я больше ничего не знаю, капитан. Может быть, служащие куда-то отлучались и не хотят в этом признаваться. Капитан, вчера вечером я вызвал вас, чтобы вы нашли мою жену. Зачем бы я стал вас звать, если бы это не было единственным, что имело для меня значение?

Вместо ответа Айя лишь пожимает плечами. В комнате повисает тяжелое молчание. Капитан для порядка задает еще несколько вопросов, записывает все, что в отчаянии бормочет Бельон. Он не понимает, куда мог подеваться нож из набора для барбекю. Его забрала с собой жена? Унес кто-то из служащих отеля? Он как попало засунул одежду жены в мусорные мешки и выкинул их в контейнеры для утиля на авеню Бурбон, в нескольких сотнях метров от «Аламанды». До того как Лиана одна поднялась в номер 38, следов крови там не было, он в этом уверен. Может быть, она поранилась перед уходом?

Айя поняла, что больше она ничего из Марсьяля Бельона не вытянет. И тогда за дело берется Кристос. Закончить должен он. Техническими подробностями.

— Мсье Бельон, мы попросим вас пройти в соседнюю комнату, в

медицинский кабинет. Наш коллега Морес возьмет у вас несколько капель крови, чтобы сравнить ее с той, которую нашли в вашем номере. Не стану ничего от вас скрывать, все утро я с этим провозился, и теперь мне безумно хочется узнать, чья это кровь.

15 ч. 55 мин.

Кристос смотрит в окно. Десятка три детишек в ярких бейсболках и цветастых шортах гуськом тянутся через пляж следом за аниматором. Они хоть понимают, как им повезло? Школьный двор, граничащий с океаном, песочница длиной в десять километров. Айе до них дела нет, она уставилась на афиши, прославляющие национальную жандармерию.

— Кристос, что ты об этом думаешь?

Младший лейтенант поворачивается к ней.

— Что это чистейшее надувательство. Лучше бы предупреждали местных мальчишек, которые мечтают поступить сюда на работу, что в автономных бригадах вертолеты и водные мотоциклы скорее редкость. А уж чтобы ими управляли креолы...

— Хватит валять дурака, Кристос! Что ты думаешь о деле Бельона?

Кристос выключает вентилятор и открывает окно. В комнату врывается жаркий ветер, он приносит с собой детские голоса.

— Сначала ты, Айя, прошу тебя.

Айя садится на край письменного стола.

— Если вкратце — у нас есть доказательства, что Марсьяль Бельон все наврал, от начала до конца. У нас против его показаний есть пять свидетельств. Трудно себе представить, чтобы все служащие гостиницы объединились против одного и того же человека. Что могло бы заставить их так поступить? Пять против одного.

— Шесть против ни одного, — поправляет младший лейтенант. — Бельон в конце концов признался, что потихоньку сходил в номер.

— Верно, Кристос. Я допускаю, что его жена могла ускользнуть от бдительности одного из служащих отеля, но не от всех. И поскольку она не могла покинуть номер верхом на Ситаране...^[16] Если комната залита кровью его жены, все ясно, мы его засадим за решетку.

— Может, прямо сейчас его задержим, Айя? Чтобы красавчик Марсьяль был у нас под рукой?

— Кристос, у нас нет трупа! Нет орудия убийства, нет мотива, нет заявления, нет свидетелей. Ничего нет! И не забывай о том, что он завтракает и ужинает в «Аламанде» с адвокатом. Прокурор рассмеется мне в лицо... Мы несколько часов последим за Бельоном, пока не получим

результаты анализов, мы на острове, он отсюда не сбежит.

Кристос некоторое время размышляет.

— Все-таки странно. Он вчера вызвал полицию, зная, что все свидетельства обернутся против него. Он даже не пытался скрываться со своей чертовой тележкой, он только что не написал на ней большими буквами, что перевозит труп своей жены. Если он виноват, если его жена не сбежала потихоньку, своей стратегией защиты он сам себя топит.

— Может быть, у него не было выбора!

Младший лейтенант придвигает себе стул.

— Объясни-ка мне получше, начальство.

— Представь себе такую картину. Красавица поднимается вверх. Муж потихоньку идет за ней в номер. Они ссорятся. Дело оборачивается плохо. Он ее убивает, допустим, неумышленно. И что ему еще делать? Оставить тело в комнате? Если труп найдут, он пропал. Нет, другого выбора у него нет. В конце концов, он поступил правильно, без стеснения увезя тело. И орудие убийства тоже.

— На глазах у пяти свидетелей. И заляпав кровью все вокруг. Мы возвращаемся в исходную точку. Это равно самоубийству.

Айя раздраженно поглядывает на расстегнутую рубашку своего помощника.

— Ничего подобного, Кристос, совсем наоборот. Трупа нет! Орудия убийства нет! Мотива нет! Признаний нет! Даже если все улики указывают на него, он может попытаться счастья в суде. Есть прецедент. Дело Вигье — говорит тебе это о чем-нибудь? Все доказывает, что Жак Вигье убил свою жену. Исчезновение Сюзанны Вигье, измена мадам в качестве мотива, следы борьбы, простыни, выстиранные мужем, и даже выкинутый на свалку матрас... Все глубоко убеждены, что Жак Вигье виновен, однако никакого трупа, никакого орудия убийства, никакого признания... Он был оправдан в две тысячи десятом.

Кристос скептически морщит лоб.

— Угу. Если ты права, если мы не найдем Лиану Бельон в объятиях какого-нибудь местного парня, тебя ждет слава, Айя! Забудь про шум в ночное время у кабаков, про пьяниц, которых приходится подбирать на пляже, и про гонки на скутерах... Это трамплин, голубка моя, трамплин, которого ты ждала.

— Заткнись, пророк!

Кристос высовывается в окно, подставляет голову ветру.

— Айя, сколько времени занимают тесты ДНК?

— Я с них не слезу, ты же меня знаешь. Результаты будут к вечеру,

самое позднее — завтра утром, это с запасом... А тем временем мы, может быть, найдем в контейнерах для сбора утиля трусики Лианы Бельон.

— Отлично, тогда я ставлю десятку на то, что дело можно закрывать, кровь в номере — это кровь его жены.

— Двадцатку, — произносит голос у него за спиной.

В комнату входит Морес. Молодой. Обаятельный. Обычно, когда они с Кростосом вдвоем дежурят ночью, местного пива он может выпить сколько угодно, а вот блефовать не умеет, в покер ему лучше не играть.

— А лучше поставь все, что есть, — предлагает Морес. — Угадайте, что я увидел, когда Бельон снял майку, чтобы у него взяли кровь для анализа? Он поранился! Порез под мышкой, неглубокий, но четкий, какой остается от хорошо наточенного ножа.

— Давний порез?

— Я бы сказал — вчерашний.

— Черт, — говорит Айя. — Бельону еще мало было...

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАРТА 2013 Г

Призрак лагуны

9 ч. 31 мин.

— Папа, когда мы вернемся обратно?

Папа сидит на пляже. Отвечает, не глядя на меня:

— Скоро, Софа, скоро.

Надеюсь.

Мне не очень нравится лагуна. В ней и воды-то почти нет. Это вроде маленького бассейна, лягушатника, куда набросаны всякие штуки. Штуки грязные и колючие. Чтобы ходить по лагуне, надо обуваться в пластиковые сандалии, а от них все ноги красные.

Папа с мамой говорят, что лагуна лучше бассейна, что если я хорошенько присмотрюсь, если наберусь терпения, то увижу разноцветных рыбок. Ну хорошо, рыбок я уже видела. Я не идиотка. Маленькие черно-белые рыбки. Они плавают рядом с кораллами. Мама говорит, коралл — это потрясающе красиво, но на самом деле это всего-навсего скала в воде, она колетя, и в ней прячутся рыбы. Когда я плаваю с нарукавниками, мне кажется, что коралл сейчас обдерет мне кожу на коленях...

Лагуна — это опасный бассейн, где можно только ходить.

И ходить-то надо осторожно. На дне растут водоросли. Когда к ним приближаешься, кажется, что это рыба третя о твои ноги, но нет, это что-то вроде мерзкого липкого салата, который тебя облизывает, а потом волдыри остаются. На дне есть даже огромные волосатые слизняки. Ужасные! Мама говорит, что они безобидные, это морские огурцы, их так называют, потому что китайцы их едят. Есть слизняков! Странно все-таки, тем более что здесь все магазины и даже все рестораны скупили китайцы. Мама иногда болтает сама не знает что. И еще папа и мама говорят, что я всегда всем недовольна, хотя сами никогда не купаются.

— Папа, может, пойдём уже?

— Скоро пойдём, Софа. Не уходи далеко.

Теперь папа лежит на пляже, под деревом с толстыми корнями, похожими на змей. Папа никогда не слушает, что я ему говорю. Я уверена, если я сниму нарукавники, он этого даже не заметит. Он мне все время повторяет, чтобы я была осторожна и внимательна, но сам никогда на меня внимания не обращает.

Вот — я состроила ему рожу, просто так, чтобы убедиться, что он ее и

не заметит. Папа — он всегда так делает — поднимает глаза, спрашивает, все ли в порядке, не жарко ли мне, не замерзла ли я, велит оставаться рядом и тут же уходит в свои грустные мысли... Он смотрит мимо, куда-то не туда, как будто в воде есть кто-то еще. Только не я, а ребенок-невидимка. Один раз он даже имя перепутал.

Он назвал меня Алекс.

Как будто разговаривал с призраком, которого никто, кроме него, не видит.

Папа иногда бывает такой странный.

Особенно с тех пор, как уехала мама.

Все-таки лучше бы мы пошли в бассейн. Вода там теплее, и она синяя-пресиняя. И он не такой большой. Я смотрю на море так далеко, как только могу. Если бы мне хватило смелости, я бы пошла прямо туда, где море глубокое и где кораллы не обдирают ноги. Хотя бы для того, чтобы поглядеть, заметит ли это папа. Вдали вода ломается как стекло. Шум такой, что даже немножко страшно. Мама мне объяснила, что это коралловый риф. Это подводная стена, которая нас защищает, с той стороны, кажется, есть акулы.

— Папа, давай вернемся в бассейн?

Теперь я уже привыкла, что все надо повторять по меньшей мере три раза, все громче и громче. До тех пор, пока он не услышит.

9 ч. 33 мин.

Марсьяль не слышит. Он всматривается в лагуну. Пустую.

Он должен взять себя в руки, должен действовать, а главное — не противоречить себе. Должен связно отвечать полицейским. Должен выработать стратегию и придерживаться ее. И быть настороже. У него не осталось выбора, теперь все пойдет очень быстро. Сколько у него есть времени? Самое большее — несколько часов? Ему нельзя расслабляться.

И все же он не может собраться с мыслями. Перед глазами у него туман. Лагуна все та же, только домов вокруг меньше. Нет проката катамаранов, нет продавцов мороженого. Только казуарины, охраняющие пляж. И солнце садится. На песке осталось всего несколько брошенных игрушек. Красное ведерко. Желтая лопатка.

Маленькая фигурка в воде. Шестилетний мальчик.

Один.

— Па-а-а-апа! С меня хва-а-а-атит! Пойдем в баса-е-е-ейн!

Марсьяль выныривает на поверхность.

— Да, Софа, да. В бассейн? Мы же только приш...

Он недоговаривает.

— Хорошо, маленькая моя, идем в отель.

Девочка выходит на берег, стаскивает нарукавники и сандалии.

— А когда мама вернется?

— Скоро, Софа. Скоро.

11 ч. 45 мин.

За те тридцать лет, что Кростос потягивает свой ти-пунш^[17] на террасе, Сен-Жиль сильно изменился. Конечно, он уже не застал ни старинной рыбацкой деревни, ни железной дороги, по которой катили из Сен-Дени поезда с мужьями, спешившими к старательно оберегавшим под зонтиками белизну кожи женам и детям. Зато он своими глазами видел перемены в девяностых, когда остров еще верил, что когда-нибудь станет похож на старшего брата — Маврикия. При нем в центре туристической столицы Реюньона построили современный яхтенный порт. Неплохая была идея... Ручей давным-давно не достигал моря, разве что во время циклона; он замирал у края пляжа, не добежав нескольких метров до финиша. Планировщики дали городу выход к океану, тщательно разделив приморский комплекс, — яхты, рыбалка, дайвинг; свежескрашенные рыбацкие лодки, желтые пластиковые стулья в ресторанах, дорогое дерево клубных причалов, нежные тона детских лодочек в миниатюрном порту, розовые крыши Нотр-Дам-де-ла-Пе, серые мостики над оврагом с застоявшейся водой, белые хижины, взбирающиеся по склону бесплодного холма, — и все это буйство красок в обрамлении пальм, что застройщикам хватило ума не срубить.

И черный цвет.

Недвижимость взлетела в цене, и креолы отступили в верхнюю часть города, в квартал Каррос, но толпой спускаются в порт, чтобы ловить рыбу с пирса или с лодок.

Все получилось отлично! Если не считать того, что авторы замысла, должно быть, мечтали о рыночной площади с шумной толпой, а не о полупустых террасах баров.

В этом отношении, по крайней мере, Кростоса нельзя упрекнуть в том, что он не прилагает усилий.

Он, Жан-Жак и Рене — единственные клиенты Морского бара. Отсюда можно вволю налюбоваться яхтами, а также задами двух десятков креолов-удильщиков, сидящих на разноцветных ящиках.

Жан-Жак на них не смотрит, он уткнулся в местную газету.

— Ну что, пророк, красотку все еще не нашли?

Кристос прикладывается к стакану. Ром здесь не идет ни в какое сравнение с тем, который наливает Габен в «Аламанде», зато пейзаж несравненный.

— Это не подлежит разглашению, ребятаки...

— Ага, как же, — отзывается Рене. — Раз в жизни в этой стороне хоть что-то произошло.

Кристос вместе со стулом выбирается из-под зонта.

— Или тогда поите меня...

Жан-Жак, наливая себе пиво, разглядывает стоящую на столе бутылку рома, чашу со льдом, фисташки, треугольные пирожки. Всего вволю. Чем меньше клиентов, тем усерднее их обхаживают...

— Все беды острова заключены в бутылке, — провозглашает креол. — Ром, отупение, насилие, праздность...

Кристос обожает слушать, как Жан-Жак изрекает глубокие истины. У Жан-Жака есть профессия и есть увлечение. Он играет в петанк и философствует. А может, наоборот.

Кристос закрывает глаза, подставляет лицо жгучему солнцу и прислушивается.

11 ч. 48 мин.

В дальнем конце порта волны, забираясь между камнями мола, старательно отдирают клочья размокшей плоти трупа, потом, двигаясь в обратном направлении, омывают его раны. Колония красных крабов тоже занимается очисткой. Самые мелкие проникают во все отверстия и опустошают тело изнутри, пока этим не занялись трупоядные насекомые. Самые крупные трудятся на поверхности, выбирая нежные местечки. Рот, глаза, половые органы. Сбегаются новые крабы, прежних это не смущает. На этом пиршестве всем хватит еды, все насытятся. Обычно им приходится довольствоваться мелкими кусочками дохлых моллюсков.

11 ч. 49 мин.

Рене крутит на голове бейсболку с надписью «974» так, будто она привинчена к его лысому черепу. Разглядывает запряженную быком повозку на этикетке бутылки рома.

— Не хочется дураком помирать, Жан-Жак, объяснил бы ты мне связь между бедами острова и этой бутылкой.

Кристос сидит с закрытыми глазами, но ни слова из разговора не упускает. К этому часу Жан-Жак делается поэтом.

— Связь в том, что род человеческий эксплуатируют, милый мой Рене.

Алкоголь и закабаление трудящихся масс. Рабы, вольноотпущенники, белые бедняки — все они пляшут под дудку сахарного тростника, миллионов литров дешевого рома, хороший-то в метрополию уплывает. Проклятьем заклейменным — вволю выпивки, водка — для поляков на шахтах, тафия — для креолов в полях, бедняцкий алкоголь, сжигающий революционные нейроны...

Бармен Стефано считает себя обязанным высказаться.

— Эй, Жан-Жак, торговцу тафией ты осточертел...

— Взаимно, — отзывается Рене, подняв стакан.

Рене — рыбаком из Сен-Пьера, вернее, раньше был рыбаком. Двадцать лет выходил в море, до тех пор пока вырученные деньги не перестали покрывать затраты на дизельное топливо для траулера. И тогда Рене поселился в Сен-Жиле, решил зарабатывать на туристах, собирался возить их посмотреть на меч-рыбу, на дельфинов, на акул, на горбатых китов, далеко, до самого Кергелена, если потребуется... Концепция была такая: или клиент остается доволен — или ему возвращают деньги. Платит только в том случае, если видел морских чудищ. Никто ничего не видел — во всяком случае, возвращаясь, туристы говорили именно так. А Рене чаще всего был слишком пьян для того, чтобы спорить. Под конец он даже включил в программу русалок.

— Тростниковая водка или ром — мне без разницы, — заявляет Рене, одним духом осушив стакан, — пью за культурное наследие острова...

Жан-Жак, словно в насмешку, мелкими глоточками попивает пиво.

— Иди в задницу со своим культурным наследием...

11 ч. 54 мин.

Теперь красные крабы разделяют труп упорядоченно. Выстроились в цепочку, будто муравьи. Самые сильные отрывают куски гниющей синей плоти, дряблой, как размокшая бумага. Самые слабые ограничиваются транспортировкой. Лакомые внутренние части — кишки и прочие потроха, мозг — крабы выбрали прежде всего, они, словно опытные перевозчики, вынимают все, что можно, оставляя пустой и легкий остов.

Десятки крабов внезапно замирают.

Труп пошевелился.

Самые пугливые уже скрылись за исполинскими камнями мола. Другие, крохотные, выскакивают изо рта, словно мертвец, поперхнувшись, их выплюнул.

Тело снова замирает в неподвижности. Крабы опасно разглядывают предмет, которым проткнут труп.

Круглый. Гладкий. Холодный.

11 ч. 56 мин.

Жан-Жак размахивает местной газетой, рискуя опрокинуться вместе со своим пластиковым стулом.

— Закройте глаза и пейте спокойно, друзья мои. Алкоголизм, малограмотность, насилие... Это написано черным по белому. Реюньон бьет все рекорды.

Кристос открывает глаза, тоже опустошает свой стакан, потом наконец включается в разговор.

— Рене, рабство отменили несколько лет назад. Если реюньонцы напиваются, все-таки виноваты в этом уже не белые господа...

Жан-Жак, поерзав, вытаскивает из кармана фляжку с ромом.

— А это? Зачем, по-твоему, ее придумали? Двести граммов белого рома в лавке за ту же цену, что пятьдесят у стойки...

— Тут я с тобой согласен, Жан-Жак! — вопит из-за стойки Стефано. — Пьянство в одиночку — это национальное бедствие... Разорение баров, преступление против человечества...

Рене решительно наливает себе еще рома.

— И я с тобой согласен, Жан-Жак. Культурное наследие острова — ром крепостью сорок девять градусов, и в бутылках! А не этот сиропчик в пузырьках, ограниченный администрацией до сорока градусов...

Кристос наклоняется на своем пластиковом стуле. Ему так нравится их недобросовестность в споре. Он наблюдает, как тихий ветер слегка надувает паруса стоящих на якоре судов. Порт печется на солнце. Рай. Счастье триста шестьдесят пять дней в году. Он и не знал, что на земле может существовать подобное место. Надо только раз в три года пережить циклон. Два дня не вылезать из-под одеяла. Терпимо.

Жан-Жак не сдается. Он сует под нос Рене фляжку с ромом.

— Попробуй, кретин... Сорок девять градусов. Достаточно купить коробку с вкладышем, три литра рома в пластиковом мешке с вмонтированным краником, и самому наполнять свою фляжку... Последнее изобретение, чтобы спаивать толпу...

Он встает и двигает руками, как пьяный кукловод.

— Друзья мои, либеральная глобализация дергает островитян словно паяцев, за две нитки, по одной в каждом кармане. Фляжка и мобильный телефон.

Рене тупо хлопает себя по карманам джинсов.

— И мне на это наплевать, — вопит Жан-Жак. — В высшей степени.

Вот выйдем играть в шары, и, пока все реюньонские нищелюды будут прикладываться к фляжке перед тем, как бросать, я останусь чемпионом острова.

И, словно подчеркивая сказанное, Жан-Жак вскидывает руку с пивом. Рене, которого все это не убеждает, заливается смехом. Тоже хватает стакан с ромом и тянется к Жан-Жаку.

Чтобы с ним чокнуться.

Пытаясь изобразить провансальский акцент, говорит:

— Да ладно тебе, дурачок, мы вполне можем поладить...

Жан-Жак безрадостно смотрит на него.

— Не разговаривай со мной как с марсельским игроком, меня это...

— Да ты подумай, балда... Я тебе предлагаю помирить ром и пиво...

Жан-Жак скептически смотрит на свое пиво.

Рене торжествует:

— А как называется главная улица Марселя?

И сам дает разгадку своей шарады. В самом деле, первая часть ее названия — Канебьер — означает сахарный тростник, из которого делают ром, вторая — пиво.^[18]

Кристос хохочет так, что чудом не падает вместе со своим пластиковым стулом.

Жан-Жак вздыхает. Оскорбленный до предела.

— Ну знаешь, Рене, — комментирует Стефано, подойдя к ним с новой порцией самсы, — это уж ты загнул.

12 ч. 01 мин.

— Кевин, там мертвец! Точно мертвец!

— Не валяй дурака, Рональдо! Давай живо подбери мой мяч и возвращайся... Не тяни время...

— Кевин, я не валяю дурака. Говорю тебе, там покойник, на камнях. И крабы его наполовину слопали.

12 ч. 05 мин.

Жан-Жак снова уткнулся в местную газету, всем своим видом показывая, что шутки друзей ему наскучили. Рене, запрокинув голову, смотрит на облака, окутавшие вершину Маидо.

Кристос блаженствует. Ему эта атмосфера нескончаемой ярмарки не надоедает. И впрямь немного напоминает праздничную мешанину толпы на Канебьер; конечно, народу здесь куда меньше, зато солнце печет круглый год. Кристос уже не мог вытерпеть холодов. Убрать садовую мебель.

Сложить дрова. Самому уйти в дом. Иногда придурки из метрополии спрашивают, не скучает ли он по временам года, не надоело ли ему видеть неизменно синее небо, деревья, с которых не опадают листья, закат в один и тот же час... Они уверяют, будто по-настоящему могут оценить весну лишь после трех месяцев ненастья, по-настоящему наслаждаться отпуском только тогда, когда машина из-под хмурого неба катит к мистралю...

Идиотизм.

Как будто необходимо состариться, чтобы научиться ценить уходящее время, и надо на неделю сесть на диету, чтобы хороший ужин показался вкуснее. Чего-то себя лишать, чтобы заслужить удовольствие. Старая иудео-христианская мораль. Или мусульманская, или буддистская...

Кристос подумал, что сам он, возможно, исключение из правил...

Как правило, французы не задерживаются на острове дольше чем на пять лет, они откладывают свои 53 процента надбавки к зарплате чиновника, вкладывают сбережения в местную недвижимость, чтобы не платить налогов (спасибо Бессону, Периссолю, Жирардену и прочим), а потом живенько в метрополию, чтобы купить там домик своей мечты в пригороде. Ради детишек, объясняют они. Учеба.

Ну ладно, что правда, то правда, у него-то детишек нет.

Один креол из бригады Сен-Бенуа как-то сказал, что Кристос напоминает ему Люсьена Кордые, в «Безупречной репутации»^[19] его играл Филипп Нуаре. Сначала Кристос обозлился. А потом стал думать. Надо смотреть глубже... Нуаре скучает в своей африканской деревне, цинично наблюдает за жизнью в тропиках. Убивает всех мудаков... У него, Кристоса, все совсем наоборот. Он здесь счастлив, как младенец, как кошка, как румяный плод, висящий достаточно высоко для того, чтобы его слопали. Парень из Сен-Бенуа, наверное, сказал так, потому что завидовал, у них там, на побережье, в год выпадает до шести метров осадков в виде дождя. Мировой рекорд! А здесь, в Зорейленде, — ни капли!

Он спокойно досидит до пенсии в этом маленьком раю, принадлежащем всем, а значит, отчасти и ему, на этом острове, который до XVII века был необитаемым. Никаких туземцев! Никто не может предъявить права на родную землю, потому что жил здесь раньше других; все мужчины и все женщины — в одной лодке, стоящей на якоре посреди Индийского океана.

Сложная иерархия — это само собой. Как на переполненном пассажирском судне... И зависть есть. Иногда мятежи.

Но никакого расизма!

Все в одной лодке, как...

Вот тут он и увидел через свои темные очки двух бегущих к нему мальчишек. Они размахивали руками как ненормальные. Да что это с ними?

Кристос сдвинул очки.

Черт!

Тот, что бежит впереди, мелкий, в майке, которая ему сильно велика, выглядит так, будто встретился с привидением. А второй орет во все горло:

— Это Роден! Это Роден!

Жан-Жак вскочил со стула.

— Роден? Что — Роден?

12 ч. 08 мин.

Кристос, задыхаясь, бежит по молу. Оба мальчишки мчатся в нескольких метрах впереди него. Жан-Жак пыхтит сзади. Рене кое-как идет, вернее сказать, ковыляет.

— Вот, это здесь!

Мол никак не кончается.

Это Роден.

Если бы не тридцатилетний опыт работы в бригаде Сен-Жиля, он бы не смог расшифровать это сообщение. В старой колониальной книге с картинками Кристос вычитал, что «креол по природе своей созерцатель». Роден — иллюстрация к этой книге. Роден с незапамятных времен целыми днями смотрел на горизонт со своего черного камня в конце мола, повернувшись спиной к острову, к порту, к барам, к ночным клубам, к автомобильной стоянке. И больше ничего не делал. Если все креолы — философы, то Родена можно считать Диогеном.

Роден здесь... Он лежит на камнях пятью метрами ниже.

Если наклониться, можно увидеть его труп.

Кристос переводит дух и говорит себе, что придется спуститься, взглянуть на него. А вдруг креол только ранен...

Но надежды на это мало.

Мальчишки так на него таращатся, как будто перед ними Горацио Кейн ^[20] собственной персоной. Он их не разочарует...

Кристос ступает на скользкие камни, о которые волны должны разбиваться, не достигая бетонного мола. Он продвигается медленно. Камни обросли осклизкими водорослями, в лакированных ботинках идти трудно, нога то и дело срывается. Горацио не подготовился. Если бы он знал заранее...

— Ну что, Кростос? — тупо спрашивает сверху Рене.

О чем он? Минутку... На что он надеется? Что Кростос сейчас воскресит Родена, просто-напросто коснувшись его рукой?

Кростос кричит, чтобы отогнать красных крабов. Тем хуже для наименее проворных из этих мерзких ракообразных некрофагов, их панцири хрустят под его подошвами, словно опавшие листья.

Труп лежит на животе, ногами к океану.

Он точно мертв, но никаких ран не видно...

Кростос понял. Он сглатывает. Придется перевернуть тело, чтобы разобраться. Роден всегда отлично сохранял равновесие, он словно вращался в бетон, как мидия лепится к садку. Он не упал бы, если бы его не толкнули...

Он слышит, как там, наверху, плачет Жан-Жак. Роден был недостижимым идеалом. Квинтэссенцией креольской мудрости.

Кростос старается дальше не думать и хватается за пояс джинсов. Тело до странности легкое, оно, можно сказать, с готовностью переворачивается, подставляя солнцу обглоданное крабами лицо.

Черт!

Кростос с трудом удерживается на ногах, вцепившись пальцами в подобие мягкого коралла, скрепляющее между собой каменные глыбы.

Только этого не доставало!

У Родена в сердце воткнут нож...

Младший лейтенант соединяет одно с другим. Да тут и самый тупой из жандармов увидел бы связь. Нож прочный, чистый. Наружу торчит только светлая рукоятка, выточенная из рога животного, какие здесь не пасутся. Кростос наклоняется. Там даже гравировка есть, чтобы уж точно расставить все по местам, на случай, если бы Родена нашел самый безмозглый полицейский.

Maisons du Monde.

Товары этой фирмы продаются по всей планете... но на острове нет ни одного их магазина.

Кростос старается рассуждать как можно быстрее.

Зачем было убивать Родена?

Он поднимает голову к молу. Жан-Жак плачет на груди у Рене. Мальчишка постарше держит за руку малыша, а тот держит мяч.

Зачем было убивать Родена?

Не для того, чтобы обокрасть. У Родена никогда ничего не было при себе, у него вообще ничего не было, даже крыши над головой. Кростос обернулся, посмотрел в сторону канала. У него зародилось предположение

— бредовое, но правдоподобное.

А что, если Роден повернул голову, раз в жизни, один-единственный раз? Какой-то шум за спиной, кто-то позвал на помощь. Чуть повернул голову, и всего-то на мгновение.

Ничтожное мгновение в сравнении с целой жизнью, проведенной в созерцании.

А что, если Роден стал жертвой предельного невезения, жестокой шутки из тех, какими порой забавляется жизнь?

Повернуть голову всего один раз... но в самый неподходящий момент.

16 ч. 01 мин.

Марсьяль в нерешительности. Ему бы надо поторопиться, подняться в номер, сложить вещи в чемодан. Скоро явятся полицейские, теперь в этом нет ни малейшего сомнения. Ему бы надо крикнуть Софе, чтобы вылезала из бассейна, и сваливать отсюда. Опередить. Хоть ненамного.

Софа развлекается. Впервые с тех пор, как она живет в этой гостинице, ей есть с кем поиграть. Она прыгает в воду со своими нарукавниками. Другие дети толпятся вокруг нее, словно придворные вокруг королевы. Софа смеется. Загорелый, как ириска, малыш с длинными светлыми волосами что-то шепчет ей на ухо. Софа брызжет на него водой и хохочет.

У Марсьяля сжимается сердце.

Некогда умиляться. Надо пошевеливаться! Вытащить Софу из бассейна. И бежать...

Нельзя все загубить. Только не теперь...

16 ч. 03 мин.

Полицейский пикап катит по улице Генерала де Голля, мчит вниз по склону, давит листья и сиреневые вьюнки. Морес вжимает в пол педаль акселератора. Едущие навстречу машины жмутся к обочине. На этот раз Айя позабыла о какой бы то ни было дипломатии и, с наслаждением пожертвовав безмятежным покоем курорта и «Аламанды», организовала срочное задержание Марсьяля Бельона. Кроме пикапа, который на бешеной скорости несется к отелю, туда же едут еще четыре машины, больше двадцати полицейских, — капитан Пюрви позвала коллег из Сен-Поля и Сен-Ле. Цель операции — отрезать Сен-Жиль от остального мира. Перекрыть все выходы на случай, если задержание пойдет как-нибудь не так.

Кто может предсказать, как поведет себя Бельон?

Айя, сидящая на пассажирском сиденье, не обращая внимания на тряску, в последний раз перечитывает отчет экспертов из Сен-Дени. Результаты анализов подтверждают, что пробы, взятые Кростосом с постели, кровати и ковра, — это действительно кровь Лианы Бельон. Образцы сравнили с данными, полученными из лаборатории Кефер в метрополии, муниципалитета Дей-ла-Барр, департамент Валь-д'Уаз, той

лаборатории, где у Лианы Бельон брали кровь для анализов. Но всё решили полученные пятнадцать минут назад результаты исследования ножа, который был воткнут в грудь Родена. Кроме крови креола на его лезвии были следы другой крови, более давние. Крови Лианы Бельон!

Одно оружие. Две жертвы.

Один преступник.

И чтобы совсем уже никаких сомнений не оставалось, на рукоятке ножа были четкие отпечатки пальцев.

Отпечатки пальцев Марсьяля Бельона.

Морес, подняв тучу пыли, вылетел на авеню Бурбон. Отель «Аламанда» был прямо по курсу, между аквапарком и кварталом ночных клубов. Айя пожалела, что не арестовала Бельона вчера, когда он убалтывал ее в участке. Двое полицейских все утро рылись в контейнерах с утилем и не нашли ничего из одежды Лианы Бельон. Марсьяль и в самом деле перевозил ее труп! Он произвел на Айю впечатление человека, неспособного разумно действовать в сложившихся обстоятельствах, жену он, скорее всего, убил ненамеренно, во время ссоры, в припадке ревности или гнева, может быть, даже из-за малышки... А потом запаниковал... И снова убил, на этот раз — мешающего ему свидетеля.

И на этот раз — хладнокровно.

Одному богу известно, на что он способен теперь.

16 ч. 05 мин.

Мне трудно бежать во вьетнамках.

Папа слишком сильно стиснул мою ладонь. Он мне руку оторвет, если будет так меня тащить. Я вообще не хотела вылезать из бассейна.

— Папа, не беги так, мне больно...

— Побыстрее, Софа.

Папа ведет меня за гостиницу, к парковке, туда, где стоит машина, которую мы взяли напрокат на время отпуска.

— Папа, я не могу так бежать...

Я потеряла вьетнамку. Я сделала это отчасти нарочно, но папе все равно, он продолжает выдергивать мне руку из плеча. В ноги впиваются камешки, я останавливаюсь и начинаю вопить. Папа недоволен.

— Софа! Побыстрее. Умоляю тебя...

Папа не кричит, это странно, он говорит тихо, почти шепотом, как будто боится, как будто за нами гонится толпа людоедов. Зажал мою руку в своей здоровенной лапище. Мне приходится скакать за ним на одной

ножке. Я ною изо всех сил, но папа меня уже не слушает.

Вот она, машина, до нее осталось метров двадцать. Папа, даже не замедлив шага, издали ее открывает. Я все ноги ободрала о бетон на стоянке. Я кричу, ору еще громче, выхожу из себя, это я умею, бешусь до тех пор, пока папа не отпускает мою руку.

Он резко останавливается. Наконец-то.

Но не из-за того, что я орала.

Он смотрит на машину, как будто ее поцарапали, или колесо украли, или руль. Голос у папы дрожит.

— Софа, живо садись в машину...

Я не двигаюсь с места. Я умная, мама мне все время это говорит. Я умею читать. Почти все слова.

Например, те, что написаны на пыльном стекле двери.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
приходи с девочкой

Я плохо понимаю. Я хотела бы еще раз перечитать буквы и попытаться понять, что там написано. Или хотя бы запомнить.

Но я не успеваю, папа почти сразу стер записку рукой, оставив длинные грязные следы.

— Садись в машину. Софа. Быстро.

Папа никогда еще не разговаривал со мной таким строгим голосом. Я немножко испугалась, но послушалась. Забираюсь на заднее сиденье, влезаю в детское кресло.

Почему папа стер эти слова, как будто мне нельзя было их читать?

А кто должен был их прочитать? Кто их написал?

Папа?

Мама?

Перед тем как мотор завелся, я услышала, что сзади кто-то кричит.

16 ч. 08 мин.

Айя первой входит в гостиничный холл, Морес следует за ней. Крестос остается поодаль и наблюдает за ними.

Наиво вырастает за стойкой, словно игрушка на пружине. Не проходит

и трех секунд, как является Арман Зюттор. Директор отеля ошалело таращит глаза, на одном виске волосы у него стоят торчком, к другому прилипли, как будто его подняли во время сиесты. Айя на него и не взглянула. Она выкрикивает приказы:

— Морес — наверх, в семнадцатый номер, Кристос — со мной в сад.

Двери лифта открываются. Ева Мария вопит:

— Не ходите по мокро...

Трое сволочей в форме и армейских ботинках, не слушая ее, топают по плитке. Пол в коридоре измазан мокрым песком, цепочка следов тянется до двадцать второго номера, там ботинки упираются в белоснежную стенку напротив, потом одним ударом вышибают дверь.

Она слетает с петель.

Грязные ноги топчут ковер.

— Никого! — орет Морес в рацию. — Капитан, он смылся!

Айя выругалась.

Она смотрит на гостиничный сад. Видит перед собой замерших туристов, они похожи на забытых у бассейна надувных кукол. Ей даже приказывать не надо — полицейские сами рассыпаются в стороны, прочесывают отель в поисках малейшего закутка, где можно спрятаться. Все кроме Кристоса...

Младший лейтенант стоит, прислонившись к стволу пальмы, и довольствуется тем, что, повернув голову к бару, вопросительно глядит на Габена. Тот пожимает плечами. Вид у него недовольный, как будто он обдумывает, не сменить ли ему место работы после всего этого.

Кристос хмурится, показывая тем самым, что ждет ответа. Габен в пантомиме не так силен, как в смешивании коктейлей, но он делает над собой усилие. Он машет руками. Если не придирааться, то можно считать, что он изображает птицу или, может быть, бабочку. Во всяком случае, нечто с крыльями.

Достаточно для того, чтобы понять.

Бельон упорхнул.

16 ч. 10 мин.

Марсьяль гонит машину, она мчится по авеню Бурбон, потом по улице Генерала де Голля, Сен-Жиль разворачивается длинной лентой между лагуной и лесом. Ему надо выехать на шоссе, минуя порт, иначе дорога приведет его напрямиком в полицейский участок, так что выбора у него нет, приходится кружить переулками, вот только каждый второй из них

заканчивается тупиком, словно ложный путь в лабиринте.

Пропетляв еще километр между хижинами, Марсьяль резко тормозит, едва не выругавшись вслух. Чтобы оказаться на дороге, ведущей к шоссе, надо проехать через единственный переброшенный над ручьем мостик, но доступ на него перекрыт. Сплошная лента машин тянется метров на двести...

Марсьяль закипает от злости.

Не важно, сама собой здесь образовалась пробка или это полицейские перегородили дорогу за мостиком. Как бы там ни было, он не может себе позволить торчать в пробках, он должен попытаться проскочить другим путем.

Он разворачивается. Шины «клио» взвизгивают.

Марсьяль снова едет по авеню Бурбон, теперь в обратном направлении, потом внезапно, за триста метров до «Аламанды», сворачивает вправо. Грунтовая дорога, тянущаяся на два километра вдоль пляжа, его выручит, если только перед ним не окажутся красные вагончики пляжного поезда, который с черепашьей скоростью перемещается между выходами к лагуне.

Если ехать на юг, дорога упрется в Ла-Салин-ле-Бен. Марсьяль старается убедить себя, что у него есть еще небольшой запас времени, он пока опережает полицейских. «Клио» в облаке рыжей пыли минует аквапарк, домики-близнецы Коралловой деревни, площадку для игры в шары. Велосипедисты съезжают с дороги. Семьи, стоящие в очереди к фургончику с мороженым, кашляют от поднятой им пыли; полуголые люди с полотенцами через плечо осыпают его ругательствами. Марсьяль понимает, что его побег никак не назовешь незаметным и что долго он в таком темпе не продержится.

Но у него нет выбора.

Через открытое окно внутрь летит песок. Софа плачет на заднем сиденье.

— Папа, мне глаза щиплет.

Марсьяль резко поднимает стекло. Логично было бы продолжать двигаться на юг вдоль пляжа, пересечь Ла-Салин и за пляжем выехать на дорогу, ведущую к Сен-Пьеру. Сен-Жиль — это путаница улиц, из которой можно выбраться только в трех направлениях: на север и на юг по прибрежному шоссе... и по сотому шоссе наверх...

Вернувшись на асфальт, он снова может прибавить скорость. Пляж с его разномастной толпой пунктиром мелькает между кривыми стволами. Казуарины проносятся словно телеграфные столбы.

«Мы проскочим с юга», — заставляет себя надеяться Марсьяль.

— Папа, не гони так!

Он видит в зеркальце перепуганную Софу, вцепившуюся в ремень безопасности. Можно подумать, вместо отца здесь кто-то чужой и он везет ее в ад. Стрелка спидометра снова дергается.

Внезапно из ворот какой-то виллы выбегает мальчик. Лет шести. Босой. С бодибордом под мышкой. И замирает, словно кролик.

Марсьяль давит на педаль тормоза. Софа вопит. Мальчик улепetyвает, скрывается во дворе за решетчатой беседкой.

У Марсьяля взмокла спина. На мгновение ему показалось, будто он узнал Алекса.

Он сходит с ума. Это бегство пробуждает всех его демонов.

Он медлит, не трогается с места. Голова у него вот-вот лопнет, он стискивает ее мокрыми руками. Он принял решение. «Клио» на метр проскакивает вперед, из-под колес летит розовый гравий, которым усыпана аллея, ведущая к вилле, потом машина разворачивается и мчится в обратном направлении.

— Папа, что ты делаешь?

Марсьяль не отвечает. Он внезапно осознал, что несколько секунд назад устремился прямо в волчью пасть. Капитан Пюрви наверняка предупредила полицейских из Сен-Ле и Сен-Поля, и теперь они должны двигаться в сторону Сен-Жиля. Первым делом они поставят свои пикапы поперек дороги и перекроют приморское шоссе с юга и с севера.

У него остается только одна возможность. Выбраться через верх. Катить в горы.

А потом...

16 ч. 14 мин.

— Арендванная машина! — кричит Морес.

Полицейский бежит от стоянки, расположенной за отелем. Чуть отдышавшись, он прибавляет:

— Серая «клио». Не заметить ее невозможно, у нее спереди на щитке от солнца написано «ITC Tropical»,^[21] а на задней двери — фирменная наклейка.

— Отлично! — Айя, в свою очередь, кричит в рацию: — Все выезды перекрыты, далеко ему не уехать. Усильте ограждения на прибрежном шоссе у выезда из Сен-Жиля.

Капитан Пюрви топчется на лужайке в гостиничном саду и отдает распоряжения. Жандармы из Сен-Жиля, за исключением Кростоса, толпой

ходят за ней по пятам, словно телохранители. Некоторые из туристов у бассейна одеваются. Другие застыли на месте и только поворачивают голову синхронно с перемещениями жандармов, чтобы не упустить ни мгновения зрелища. Почти все дети забрались на колени к родителям, и только малыш с длинными светлыми волосами словно бросает взглядом вызов авторитету взрослых.

Айя на мгновение встречается глазами с этим мини-серфингистом. Внезапно она застывает на месте, подносит к губам рацию.

— Нет! В программе изменения, оставайтесь главным образом наверху! Исинду, Мино — вы на прежнем месте, в конце Морского проспекта? Встаньте за кругом на Д100. Дорога вдоль берега под контролем, Бельону ничего не остается, кроме как свернуть на Маидо, а оттуда либо к циркам, либо на дорогу Тамариндов. Будьте наготове, руку готова дать на отсечение, что он попытается прорваться через верх!

Она переводит дыхание, старается говорить спокойно.

— Ребята, только осторожнее, я знаю, что мы имеем дело с преступником, убившим двоих... но на заднем сиденье едет девочка.

16 ч. 15 мин.

— Папа, меня тошнит!

На этот раз я не вру. Я правда хочу, чтобы папа остановился. Он не смотрит, куда едет, в конце концов он задавит кого-нибудь. Или не впишется в поворот. Я устала. И я боюсь. Я хочу вернуться в отель. Я хочу вернуться в бассейн.

Я хочу к маме.

Я же не совсем дура, я все поняла, папа сбежал, как только появились полицейские, как только он услышал сирены. Я догадываюсь, что это как-то связано с мамой. Дети в бассейне рассказывали, что она умерла.

Я брызгалась водой, не хотела при них плакать, я хохотала, но они не отставали, они проводили большим пальцем у шеи и заглядывали мне в глаза.

«Это твой папа ее убил!»

Я сдержала слезы, я заперла себе горло на два оборота и только рожу состроила.

«Болтаешь сам не знаешь что, с чего ты взял?»

«Мне мама сказала!»

Самый старший, тот, что с длинными волосами, говорил уверенно. Вообще-то он тоже еще маленький. Но, может быть, это все-таки правда.

Папа, как будто прочитав мои мысли, оборачивается ко мне.

— Смотри, Софа, видишь гору прямо перед нами? Вот туда мы и едем, в облака.

— К маме? — спрашиваю я.

16 ч. 16 мин.

Марсьяль не отвечает. Он петляет по мелким улочкам — аллея Мечты, Кокосовая, Финиковая. Все они ведут к Морскому проспекту, ему останется только проехать через круговой перекресток на пересечении Н1 и Д100, и он свободен...

Надо еще прибавить скорость, гнать изо всех сил, надо проскочить до того, как они перекроют дорогу.

— Папа, это правда? Мама ушла на облака?

— Нет, Софа, конечно, нет...

— А тогда почему, папа, ты...

— Потом, Софа!

Марсьяль повысил голос и тут же на себя за это рассердился. Он никак не может сосредоточиться, ему не удастся точно сформулировать догадку, но чем больше машина удаляется от моря, тем более ясно и отчетливо он понимает, что ему не проскочить.

Полицейские переговариваются по телефону, у них, конечно, уже есть описание его машины, и они уже должны стоять на главных магистралях у выездов из Сен-Жиля. В том числе и на дороге, ведущей в горы.

«Клио» пропускает вперед «тойоту». Марсьяль снова открывает окно. Он явственно слышит полицейские сирены, совсем близко, в нескольких кварталах.

— Папа, мы возвращаемся в отель?

Он осознает, что в прятки играть бесполезно. Его взятая в аренду машина очень уж приметная. Полицейские спокойно накинут на него сеть.

— Нет, Софа, нет. Не в гостиницу. Я... я хочу сделать тебе сюрприз.

Он болтает невесть что, лишь бы Софа помолчала, лишь бы он мог спокойно подумать и найти выход.

Припарковаться здесь? Дальше идти пешком? Глупо, полицейские заметят машину. А с Софой ему и ста метров не пройти.

— Папа, я не хочу сюрприз, я хочу вернуться в отель.

Софа ерзает на заднем сиденье, колотит ногами по спинке его кресла.

— Я хочу к маме! Ты меня слышишь? К маме!

Снова раздается короткий пронзительный вопль сирены. Марсьялю необходимо что-то придумать, чтобы успокоить Софу, чтобы выиграть время. Он не может допустить, чтобы его поймали, тогда все пропало.

Он не имеет права на неудачу.

И, чтобы этого не случилось, он должен без колебаний пожертвовать тем, что его задерживает.

— Я покажу тебе нечто удивительное, Софа. Я отвезу тебя в рай. Думала ты когда-нибудь, что увидишь рай?

16 ч. 57 мин.

Парковка автономной территориальной бригады Сен-Жиля, как правило, представляет собой залитый солнцем пустырь, который иногда превращается в площадку для петанка, на которой Кростос, играя в паре с Жан-Жаком, вот уже лет десять остается непобедимым.

Сегодня ее внезапно превратили в штаб облавы на Марсьяля Бельона. Вокруг пяти машин, у которых все двери нараспашку, топчутся десятка два полицейских.

Айя переходит от одной группы к другой, словно режиссер, взвинченный перед генеральной репетицией. Уже довольно долго она осыпает оскорблениями свой телефон.

— Он не успел проскочить! — орет капитан Пюрви. — Да, я в этом убеждена! Все выходы перекрыты. Это вопрос нескольких минут, поверьте нам, какого черта, мы знаем эти места, мы его схватим!

Айя в ярости. Они уже больше часа прочесывают каждую улицу Сен-Жиля и его окрестностей и до сих пор не нашли ни малейшего следа серой прокатной «клио», равно как и Марсьяля Бельона и его дочери. Можно подумать, машина испарилась! Айе пришлось позвонить в Сен-Дени, в управление полиции. Какой-то перепуганный мелкий служащий мгновенно соединил ее с полковником Ларошем. Тот беседовал с ней любезно, терпеливо, не проявляя ни малейших признаков паники, — напротив, этот мудака говорил снисходительным тоном, словно пытался ее подбодрить.

— Не беспокойтесь, капитан, мы уверены, что вы и ваши люди сделали максимум того, что было в ваших силах. Теперь за дело возьмутся оперативная группа и наши бригады... Мы будем оставаться на связи...

Максимум того, что было в ваших силах?

Этот тип с зорейским акцентом, который еще и трех месяцев на острове не пробыл, разговаривает с ней как с девчонкой. Айя с трудом успокаивается. И все же ей надо выцарапать несколько часов. Их бригады — это десятки перетренированных парней, которые только и ждут случая размяться; моторизованные бригады, морские, воздушные, высокогорные... Куда против них ее ребятам, но она надеется, что Ларошу не так уж хочется напустить все свои силы на самый что ни на есть туристический центр острова. Устроив охоту на человека на местности, они обратят отдыхающих

в бегство скорее, чем рой тигровых комаров.^[22]

Айе пришлось вести долгие переговоры.

— Хорошо, капитан Пюрви, — в итоге уступает Ларош. — Даю вам два часа на то, чтобы поймать вашего беглого туриста. В конце концов, нельзя же убийцу, который убегает вместе с дочкой, всерьез рассматривать как похитителя ребенка... — Полковник делает паузу, потом заканчивает: — Тем более что ее матери уже нет и она не может подать жалобу.

Молчание.

— Я пошутил, капитан Пюрви.

Кретин!

Айя с трудом подавляет желание оборвать разговор. Вместо этого она, напротив, обещает полковнику, что будет держать его в курсе и сообщать новости каждые четверть часа, снова его благодарит и, наконец, отключается.

Кретин!

Она сознает, что, если она не сможет быстро найти Марсьяля Бельона, выторгованные два часа ничего уже не изменят. Расследование будет поручено людям Лароша, а она будет досматривать из зала.

Кристос, стоя поодаль, в тени двух казуарин, между стволами которых растянут ветхий гамак, с удивлением наблюдает за происходящим. Зрелище сюрреалистическое. Всего в нескольких метрах от стоянки, превращенной в стратегический центр беспощадной охоты на человека, всего через каких-то два дома, лежит пляж Сен-Жиля. Туристы, идущие мимо, наблюдают за царящей здесь суетой, прислушиваются к стрекочущим рациям. Самые сообразительные, должно быть, думают, что проснулся вулкан или что на пасхальные каникулы намечается обширная операция по борьбе с пьянством за рулем, проверка содержания алкоголя в крови у водителей. Собственно, именно это Айя и попросила жандармов говорить прохожим, объясняя, почему устроили заграждения на выездах из города.

Сейчас начнется, думает Кристос. На маленький курорт обрушится ураган... Пользуйтесь, бездельники, успейте насладиться закатом, рыбами-клоунами и коктейлями с зонтиком и кружком апельсина, пока не объявили осадное положение. Вы очень скоро об этом услышите... По улицам ходит убийца. Он зарезал свою жену, а к этому времени, может, даже уже и дочку. Может, он зарыл их в песке, с которым возьтятся ваши детишки...

Айя, равнодушная к курортной жизни, поворачивается спиной к пляжу и входит в большой зал полицейского участка. Все двери и окна

распахнуты. Видеопроектор, подсоединенный к ноутбуку, проецирует на белую стену карту Сен-Жиля в масштабе 1/10 000, размером четыре на два метра. Один из жандармов вводит в компьютер в реальном времени размещение заграждений и помечает места, которые уже обшарили; при помощи разноцветной заливки показано, сколько раз проходил патруль.

Айя несколько минут наблюдает за тем, как раскрашивается карта. Желтый. Оранжевый. Красный. Для того чтобы закрасить ее целиком, потребуется несколько часов... Внезапно она хватает набор маркеров и идет к противоположной и тоже белоснежной стене. Встает на цыпочки и пишет, стараясь дотянуться как можно выше, огромными заглавными буквами:

Черным —

ГДЕ МАШИНА?

Красным —

ГДЕ ТЕЛО ЛИАНЫ БЕЛЬОН?

Синим —

ГДЕ ЕЕ ДОЧЬ?

Зеленым —

ГДЕ БЕЛЬОН?

Айя надевает колпачок на последний фломастер. Кростос тихонько подходит к ней, останавливается у нее за спиной.

— Может, не надо было так открыто являться в отель арестовывать Бельона?

Капитан Пюрви оборачивается, явно раздраженная до предела.

— А ты бы что предложил? Явиться туда в купальниках и окружить бассейн?

Кростос не обижается. Он понимает. Малышка Айя честолюбива, она о себе довольно высокого мнения, и при этом она провалила первую достойную этого названия операцию, которую ей поручили.

— Айя, тебе не в чем себя упрекнуть. Ты мобилизовала все бригады, какие имелись в наличии.

Он кладет ей руку на плечо, смотрит, как суетятся на стоянке

полицейские, — в точности как перепуганные муравьи.

— Вспомни, дорогуша, в последний раз, когда жандармы из Сен-Поля, Сен-Жиля и Сен-Ле проводили совместную операцию, это была облава на нудистов... В соответствии с сентябрьским законом 2005 года. И при этом половина клиентов голышом пробралась к Трем бассейнам...

Айя слабо улыбается.

— Бельон не прорвался, Кростос! Мы сразу закрыли город, я даже послала Гаврама и Лароза проверять выходящие из порта суда.

Капитан Пюрви умолкает и некоторое время разглядывает огромную карту на стене, покрытую оранжевыми кругами.

— Он еще здесь, где-то совсем рядом, я это чувствую.

Кростос, в свою очередь, смотрит на карту и морщится.

— Тогда остается поверить, что Бельон — волшебник. Спрятать взятую напрокат машину и шестилетнюю девочку в деревне с населением в три с половиной тысячи человек, когда по улицам рыскают десятки полицейских...

Айя его не слушает. Она разворачивается, выходит из комнаты, снова идет на стоянку и начинает говорить.

Все жандармы смотрят на нее.

— Ребята, Ларош пришлет подкрепление из Сен-Дени. Потому что нам, как они считают, самим не справиться. «Что с них взять...» — вот что они о нас думают... Так что давайте, пошевеливайтесь! Мы все знаем, что Марсьяль Бельон не мог покинуть город. Вы обыщите не только багажники всех машин, которые выезжают из Сен-Жиля, но еще и все гаражи, все хижины, все дома, виллы, резиденции. Богатые, бедные, креолы, французы — мне без разницы. Все дома до единого! Если надо, мы всю ночь будем этим заниматься. Он раскатывает в арендованной машине, на которой огромными буквами написано «ТС Tropical»! Мы его поймем, ребята. И сделаем это сами!

Ее речь встречена молчанием, за которым явно угадывается сомнение.

— Впечатляет, — шепчет ей на ухо Кростос. — Ты прямо как Джон Уэйн.^[23] Остается выяснить, готова ли твоя конница атаковать...

Повернувшись к младшему лейтенанту, Айя тем же тоном прибавляет:

— А ты, мессия, заткнись со своими пророчествами. Займись расследованием в «Аламанде». Допроси Журденов, служащих отеля, мальчишек на стоянке... Всех! И выясни с точностью до секунды, чем занималась семья Бельон до того, как произошло убийство.

Софа в раю

17 ч. 01 мин.

Всякий раз, как Софа дотрагивается пальцем до мимозы, листочки сжимаются. Невероятно! Можно подумать, это зверек такой. Несколько секунд спустя листок робко и недоверчиво разворачивается снова.

Софа не может оторваться от этого растения. Всего-навсего прикоснешься к нему, всего-навсего на него подует ветерок или упадет капля воды — и цветок прячется, как улитка. Сперва Софа испугалась, но потом втянулась в игру. И это только начало. Здесь, в этом саду, в Эдеме, можно увидеть еще много других удивительных растений.

Райский сад — Марсьяль ее не обманул.

Он наблюдает за дочерью. Он успокоился. Софа на несколько минут забыла обо всем. Он догадывается, что за оградой парка, напротив, настоящий хаос. Вся полиция, в ярости оттого, что его упустила, занимается его поисками. И задается тысячами вопросов.

Все логично!

Кто бы мог подумать, что преступник, находящийся в розыске, преступник номер один на острове, вместо того чтобы бежать или затаиться в какой-нибудь хижине, спокойно осматривает вместе с дочкой «Эдем» — самый знаменитый ботанический сад Реюньона? Кому из полицейских придет в голову искать его здесь?

Жандармы ищут серую «клио».

Где можно спрятать взятую напрокат машину?

Не прошло и часа с тех пор, как Марсьялю, окруженному ревом сирен, стиснутому со всех сторон заграждениями, пришлось за несколько секунд принять решение. Оно представилось ему совершенно очевидным: лучший способ спрятаться состоит в том... чтобы не прятаться.

— Фу, дерево-кака! — кричит Софа, заливаясь смехом.

Она остановилась перед стеркулией вонючей^[24] и пытается прочесть название на деревянной табличке. Нюхает цветы на ветках, зажимает нос, опять смеется и вприпрыжку бежит дальше.

Марсьяль молча идет за ней.

Не прятаться...

Додуматься до этого легче, чем выполнить! Марсьялю пришлось снова проехать по авеню Бурбон, в нескольких сотнях метров от отеля «Аламанда», под носом у полицейских. В любую минуту он мог напороться на один из их пикапов. Марсьяль резко затормозил у ворот, за которыми виднелись маленький заасфальтированный двор и сиреневое бетонное здание.

Прокатное агентство «ITC Tropicar».

На стоянке пять машин, две из них — «клио» серого цвета. Дела у хозяина явно идут не очень... Впрочем, контора закрылась на пасхальные выходные, все клиенты, если они есть, знают код, отпирающий ворота, а ключи они должны бросить в почтовый ящик или позвонить управляющему, чтобы он пришел (его номер телефона написан черным на сиреневой стене). Марсьяль припарковал «клио» в самом дальнем конце стоянки, под казуаринами, чтобы ее не было видно с улицы.

Пять машин или шесть? Одной больше? Да кто это может знать кроме хозяина? А он это заметит самое раннее во вторник утром, когда откроет лавочку! Что же касается полицейских, вряд ли они станут проверять. Беглец, на которого полиция устраивает облаву, не тратит время на то, чтобы поставить арендованную машину на стоянку агентства, особенно если расстояние от нее до отеля, из которого он сбежал, всего метров триста.

Так что у него есть два дня...

Софа входит в кактусовый садик. С любопытством наклоняется над большим лохматым шаром. Еще одно растение, которое похоже на животное! На свернувшегося в клубок пустынного ежа.

— Тещина подушка, — неуверенно читает Софа, ведя пальцем по буквам.

Снова рассмеявшись, бежит к деревянному мостику посреди бамбуковой рощи.

Марсьяль идет следом за ней, погруженный в собственные мысли. У агентства «ITC Tropicar» есть еще одно преимущество — его стоянка граничит с лесочком, позволяющим обогнуть Сен-Жиль под прикрытием, пройти так целый километр, до входа в сад «Эдем». Ботанический сад в эти праздничные выходные почти совсем пуст, креольские семьи устраивают пикники в горах. Навстречу попадают лишь редкие туристы, немолодые, с голубыми путеводителями в руках. Никто явно еще не в курсе того, что за оградой устраивают облаву.

Пока что сад «Эдем» — неприкосновенный рай, идеальное убежище, в

котором можно переждать.

Пока что...

Софа поднимает глаза, замороженная деревом путешественников с его кроной в форме солнца, выстреливающей в небо сотни зеленых лучей. С той минуты, как вошла в сад, она не устает читать таблички рядом с растениями, бесконечно долго пытается разобрать названия. Ученые латинские слова, сложные ботанические термины — столько всего непонятного.

Равенала.

И все же Софа делает перерыв, морщит лоб, проводит рукой по своим длинным волосам. В точности копирует мать, отмечает Марсьяль, когда та приходит в музей или на выставку. Он сам удивляется, что в последние несколько минут дышит спокойнее, наслаждается мгновением, несмотря на полицейских, которые гонятся за ним по пятам. Никуда не спешит, любит дочкой. Софа — настоящий чертенок, но она совершенно очаровательный чертенок. Одаренная. Страстная. Волевая.

Конечно, Лиана слишком ее избаловала. Но кто он такой, чтобы этому помешать? И какое место будет занимать отныне? Лиана бросила изучать свою социолингвистику ради того, чтобы растить Софу. Лиана должна была защитить диссертацию во время беременности, так предполагалось: девять месяцев на то, чтобы написать четыреста страниц на тему малоизвестных переводов «Маленького принца». Теоретически это было возможно сделать, даже работая три раза в неделю по полдня библиотекарем в детском фонде де Сент-Экзюпери в Исси-ле-Мулино.

Лиана даже введение не дописала. Бросила работу на четвертом месяце беременности, хотя после защиты ее с распростертыми объятиями приняли бы в штат фонда.

Беременность может изменить женщину. Как Марсьяль мог до такой степени позабыть об этом? Лиана внезапно отбросила всякие личные амбиции и полностью посвятила себя малышке весом в 3 кг 512 г. «Всякие личные амбиции...» Лиана взвыла бы, услышав от него эти слова. Он ничего не понимал! С тех пор как родилась Софа, Лиана пребывала в полной гармонии с собой...

Он напрочь перестал понимать Лиану...

И перестал понимать, что с ними происходит...

Беременность, потом рождение ребенка не оставили и следа от той Лианы, которая обвивалась вокруг него, от Лианы, обожавшей их на редкость изобретательные эротические игры. Не то чтобы у них вообще не было сексуальной жизни с тех пор, как появилась Софа... но теперь они

занимались этим урывками, в лучшем случае любовные утехы были запланированы, еще немного — и их стали бы включать в список дел на неделю. Разумеется, необходимых, но первостепенную важность они утратили... Как, собственно, и он сам. Марсьяль никуда не делся, он по-прежнему занимал место в жизни Лианы, но уже не главное.

С этим примириться нелегко.

Софа бежит дальше, по сторонам мелькают деревья. Иногда она притормаживает, иногда смотрит в небо, иногда таращит глаза, разглядывая деревья, вырядившиеся словно для карнавала. Баобабы. Хлебные деревья. Масличные пальмы. Вакоа.

Внезапно она наклоняется и ныряет под красный мост, обвитый бугенвиллеями.

На мгновение Марсьяль теряет ее из виду.

«Это жизнь! — мурлыкала Лиана, укачивая Софу. — Это жизнь, Марсьяль! Повседневность, будни. То, что навсегда нас связало... Все пары, долго живущие вместе, через это проходят».

Нет, Лиана! Марсьялю столько раз хотелось это выкрикнуть. Нет, Лиана, не все пары!

Лиана никогда ни в чем его не упрекала, но молчание было таким гнетущим, недомолвки — такими понятными. Способен ли Марсьяль заботиться о Софе? Хотя бы любить ее? Можно ли на него положиться? Лиана никогда не упоминала о прошлом. Ни разу не произнесла имени Алекса. Лиана была умной, тонкой, чуткой и тактичной, но порой Марсьяль читал сомнение в ее взгляде, попадая в его пугающий водоворот. *Софа, твой папа — чудовище?*

— Осторожно!

Марсьяль инстинктивно рванулся вперед и схватил Софу за руку. Дочка бросает на него недобрый взгляд. Скорее обиделась, чем рассердилась.

— Это пальма «рыбий хвост», — объясняет Марсьяль, указывая на висящие над тропинкой гроздья зеленых плодов. — Если съесть такой — отравишься, а если потрогаешь — будешь долго чесаться.

Софа недоверчиво и подозрительно оглядывает странное растение, потом, ни слова не ответив отцу, идет по тропинке дальше.

Софа, твой папа — чудовище?

Ответа он не знает.

Он больше не должен ни на что отвлекаться. Сад закрывается в 18 часов. Через несколько минут они окажутся на улице. Никакого плана у него нет. Квартал, наверное, битком набит полицейскими, они стекаются сюда со всего острова только ради него и его дочери. Его лицо вот-вот покажут по первому каналу Реюньонского телевидения. И лицо Софы.

Одинокий отец с дочкой...

Кто-нибудь неизбежно их узнает. Какой-нибудь турист или прохожий.

Софа остановилась в конце тропинки. На стебле «фарфоровой розы» нежится крохотный хамелеон. Цветок покачивается, и он меняет цвет — от красного до зеленого.

Творческий подход, чуть-чуть воображения...

Вот уж чего Софе не занимать.

— Побудешь здесь, маленькая? Я пойду к выходу.

Софа не отвечает, ее заворожили глаза хамелеонового детеныша, которые вращаются в разных направлениях, словно два волчка. Марсьяль, в последний раз взглянув на Софу, входит в увитую лианами крытую галерею. Он сознает, что у них больше нет машины, нет другой одежды, кроме той, которая на них, им негде ночевать и нечего есть.

Он больше никого не знает на этом острове, и уж тем более — на этом курорте. Один против всех. И на руках у него ничего, ни одного козыря.

Чтобы оказаться у выхода, надо пройти через гигантскую дубовую бочку, изготовленную, как сообщает табличка, в 1847 году и вмещавшую 57 000 литров рома. Марсьяль идет вперед, наблюдая за девушкой у входа, за рядами открыток. Она стучит по клавишам айфона. Крашеные ногти, африканские косички, пирсинг в ноздре. С точки зрения статистики куда больше шансов, что красотка сидит в фейсбуке, чем на новостном сайте, где выложена фотография беглеца...

Марсьяль надевает темные очки. У него нет выбора, он должен попытаться счастья. В холле пустовато, на стойке буклеты, перечисляющие главные развлечения острова, ежемесячный журнал, расхваливающий радости курорта Сен-Жиль, еще какие-то рекламные проспекты...

На первый взгляд — ничего полезного.

На первый взгляд.

У Марсьяля созревает план.

Для его осуществления надо только, чтобы ему повезло. Самую малость. И как следует набраться наглости.

17 ч. 16 мин.

— Алло, Айя?

Капитан Пюрви, закрывшись в большом зале, пересекает идущий от видеопроектора луч света и внезапно накрывает город Сен-Жиль черной тенью, словно грозовой тучей.

— Да?

— Жильдас, капитан из бригады Сен-Бенуа. Ты должна меня помнить, полицейские в резиновых сапогах и плащах...

Айя его помнит. Жильдас Яку уже двадцать пять лет как капитан из бригады Сен-Бенуа. Двадцать пять лет растит свою досаду, как другие — коноплю, просит о переводе в другое место, но никак не дожидается. Сен-Бенуа — это сто дождливых дней в году, больше половины населения — безработные, и рекордные для острова цифры по насилию над личностью...

— Чего ты от меня хочешь, Жильдас? Мы здесь слегка зашиваемся. Если ты хотел предложить мне помощь...

Жильдас кашляет, как будто у них там зима.

— Айя, у меня есть кое-что новое по делу Бельона.

У Айи подкашиваются ноги. Марсьяль Бельон проскользнул сквозь ячейки сети. Он уже на другой стороне острова. Он скроется в Мафате или Салази.^[25]

— Ты... ты засек Марсьяля Бельона?

— Нет... Хотя, знаешь, я бы не прочь. Поимел бы свои пять минут славы после того, как несколько десятилетий служил верой и правдой, и всем на это было начхать. Нет, не я, а — держись крепче — моя стажерка Флора, она дежурит в бригаде эту неделю... Она видела Лиану Бельон.

Айя рухнула на ближайший стул.

— Живую?

Жильдас снова покашлял в телефон. Так и представляешь себе его в шарфе и вязаной шапочке.

— Да, вполне, живее некуда.

Опять закашлялся. Жильдас явно тянет время.

— Но это было пять дней назад...

Оказаться бы сейчас рядом с Жильдасом и удавить его собственными руками.

— Хватит валять дурака, Жильдас. Мы здесь работаем.

Капитан из бригады Сен-Бенуа не обиделся.

— Лиана Бельон сама приходила в участок во вторник, 26-го числа.

За три дня до того, как пропала, подсчитала Айя.

— И чего она хотела?

— Трудно сказать. Насколько я понял, она разговаривала довольно странно, но подробности надо узнавать у Флоры, это она записывала показания.

— Ясно, Жильдас. Быстро давай сюда вместе со своей Флорой. Мы тебя ждем...

Жильдас забулькал смехом сквозь кашель.

— Ты не меняешься, Айя! Настоящая командирша. Представь себе, у нас здесь тоже работы хватает. Если хочешь увидеться с Флорой, тебе достаточно сесть в машину и обогнуть остров. Тебе повезло, в ближайшее время урагана не обещают...

— Жильдас, у нас убийца на свободе разгуливает.

— Ага... я так и понял... У меня, представь себе, каждую неделю по убийству. Не считая изнасилований и нападений...

— Не занудствуй, Жильдас. Если не будешь нам помогать, управление с тебя голову снимет.

Жильдас взорвался, и теперь в его голосе не слышится ни малейшего цинизма.

— Слушай, Айя, со мной эти штучки не пройдут! Мне-то какое дело до зореев из Сен-Дени? Давай договоримся, что приоритеты у нас разные, и останемся добрыми друзьями. Поделим пополам, идет? Я доеду до Ле-Тампона, а ты проделаешь другую половину пути, и мы встретимся в Антр-Дё, у кладбища Бра де Понто.

Айя смотрит, как гигантская карта на стене медленно, очень медленно окрашивается в желтый цвет, — это означает, что патрули прочесали территорию.

— Делать мне больше нечего. Жильдас, я нужна им здесь.

— Надо доверять своим людям, Айя, надо делить обязанности...

17 ч. 21 мин.

Кристос знаком предлагает супругам Журден сесть, а сам с наслаждением устраивается в глубоком кожаном кресле директора отеля «Аламанда».

Он ликовал, выгоняя Армана Зюттора из его кабинета.

Проваливай, дружище, твой кабинет реквизирован. Чрезвычайные обстоятельства!

Кристос просто залюбовался его перепуганной физиономией. И пусть скажет спасибо, что задница у младшего лейтенанта, согнавшего его с места, чтобы допросить с пристрастием его же постояльцев, не черная... Кристос поглубже забрался в кресло, расположенное с точным расчетом, — так, чтобы струя прохладного воздуха от вентилятора под потолком ласкала затылок сидящего. В общем-то Зюттора можно понять. К жалким привилегиям вроде этой так быстро привыкаешь...

Парочка напротив явно чувствовала себя неудобно. Адвокат и его жена. Жак и Марго Журден.

Кристос положил нож из набора, купленного в «Maisons du Monde», на письменный стол.

— Мадам и мсье Журден, еще раз спрашиваю: это нож Марсьяля Бельона?

— Ну-у...

Неразговорчивый попался адвокат.

Кристос не обманывается. Жак Журден, разумеется, узнал нож, но упирается. Вопрос чести, классовой солидарности, молчаливого сговора. В конце концов, еще вчера они с Марсьялем Бельоном сидели за одним столом...

Кристос поправил седую прядь, которую назойливо трепал ветерок от вентилятора.

— Мадам и мсье Журден, давайте говорить напрямик. Пока мы тут прохлаждаемся в директорском кабинете, все полицейские острова мобилизованы для псовой охоты. Свора, крупная дичь — а между ними жизнь шестилетней девочки. Так что думайте быстрее...

Кристос крутанул нож, словно стрелку лотерейного колеса.

— Это оружие торчало в груди одного бедолаги, на рукоятке остались отпечатки пальцев Бельона. Вы никого не выдадите... Я прошу у вас всего лишь подтверждения.

Жак Журден принимает вид достойный и ответственный.

— Трудно сказать...

Да-да, продолжай держать меня за дурака...

Кристос вздыхает. Как же его это бесит. Поднимает глаза от ножа, оглядывает комнату. Стены увешаны черно-белыми гравюрами, явно предназначенными для младшего персонала, заходящего в кабинет. Картинки рассказывают историю острова, но эта история обрывается в

1946 году, с его превращением в заморский департамент. Каторжный труд креолов на плантациях сахарного тростника, роскошные виллы в колониальном стиле, с резными украшениями по краю крыши, а перед ними — дамы в кринолинах, полуголые чернокожие и белозубые девушки, портреты каких-то забытых гордых и высокомерных вислоусых европейцев...

Доброе старое время...

Кристос готовится к бою.

— Я вас понимаю. Солидарность, так? Когда ветер крепчает, надо уметь сплотиться.

Можно подумать, он подсунул адвокату под зад морского ежа. Жак Журден завелся с четверти оборота.

— Почему вы так говорите?

Чтобы тебя, дурачка, расшевелить.

— Потому что по острову бродит убийца! Потому что он уже убил и будет убивать дальше, а нам необходимо подтверждение. В этом случае и речи быть не может о профессиональной тайне, мсье Журден. Вы не адвокат Бельона. Вы ничем ему не обязаны. Вас не просят сотрудничать с иностранной полицией и доносить на соотечественника. Здесь вы на французской земле...

Не перегнул ли я палку, спрашивает себя Кристос.

— Это его нож, — неожиданно шепчет Марго Журден.

Он так и подскочил, кресло под ним мягко пружинит.

— Вы уверены?

— Да. Три дня назад мы поднимались в горы. Пикник в лучших креольских традициях. Мы останавливались на одной из площадок для барбекю. И все мы держали в руках этот нож.

Марго рассматривает его более пристально, изучает каждую царапину на лезвии и на рукоятке и подтверждает:

— Это его нож.

Жак бросает на жену свирепый взгляд. Для виду! Он скорее доволен, что Марго взяла это на себя. Кристос убирает нож в прозрачный пластиковый мешок.

— Спасибо, мы сдвинулись с места... Так что было вчера после обеда? Вы, кажется, плескались в бассейне вместе с Бельонами.

Жак, профессиональный лицемер, подхватывает:

— Совершенно верно. Перед тем как подняться в номер следом за Лианой, Марсьяль попросил нас присмотреть за Софой.

Кристос передвигает с места на место бронзовые часы, сделанные,

должно быть, еще до отмены рабства. Циферблат окружен четырьмя маленькими голыми креолами, они тащат корзину, полную экзотических плодов.

— Извините, но не могли бы вы сказать поточнее? Лиана Бельон поднялась в номер в 15 часов 01 минуту. Наиво Рандрианасолоаримино открыл пустой номер 38 в 16 часов 06 минут, поднявшись туда вместе с Марсьялем Бельоном. Вопрос предельно простой: покидал ли Марсьяль Бельон сад отеля между 15 и 16 часами?

Жак Журден отвечает чуть поспешнее, чем надо:

— Трудно сказать. Вы же знаете, как это бывает. Сиеста, чтение, приятное безделье. Никто ни за кем не следит. Живем, не глядя на часы...

Ну да, конечно.

— Мсье и мадам Журден, я не стану заново выкладывать вам все аргументы насчет сбежавшего убийцы, маленькой Софы, важности ваших показаний...

Жак не сдается и пытается открыть все запасные выходы.

— Лейтенант, я предполагаю, что Марсьяль Бельон именно это должен был вам подтвердить. Кроме того, я слышал, что вы допросили служащих отеля. И троих детей, игравших на улице. Вам этого недостаточно?

Кристос смотрит на колониальные картинки, потом снова переводит взгляд на Жака Журдена.

— Мне — достаточно... А другим... Не стану скрывать от вас, версия Марсьяля Бельона с течением времени изменилась.

И на этот раз первой не выдержала Марго.

— Марсьяль ушел из сада пятнадцать минут спустя после Лианы. Потихоньку. Все дремали в шезлонгах, одна я плавала в бассейне. Он мог подумать, что никто его ухода не заметит. Его не было полчаса, вернувшись, он пробыл с нами минут двадцать и снова поднялся в номер, на этот раз так, чтобы все это заметили, попросив нас присмотреть за Софой.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена. Я сначала подумала, что он собрался провести с женой эротическую сиесту... и позавидовала ей.

Получил, адвокат? Отличный удар справа...

— Время шло, и я подумала, что ей и правда очень повезло.

Отличный удар слева...

Кристос улыбнулся. Если присмотреться как следует, не такая уж она пресная и бесцветная, эта Марго Журден. Жак Журден продолжал улыбаться своей профессиональной улыбкой.

— Как видишь, дорогая моя, на самом деле ей не повезло.

Адвокат уклоняется от удара и наносит апперкот.

Внезапно взгляд его жены затуманился, она почти искренне воскликнула:

— Лейтенант! Вы правда думаете, что Марсьяль убил свою жену и этого... мм... туземца?

Осторожно, голубушка, это скользкая почва. Никогда, никогда не произноси этого слова здесь, на острове. Твои муж-адвокат сумеет тебе это объяснить лучше меня. Под одеялом — ты это вполне заслужила.

— Возможно, мадам Журден. И я надеюсь, что больше он не оставит трупов на своем пути.

17 ч. 33 мин.

Марсьяль сел на стул и на тот случай, если девица у входа поднимет глаза от своего айфона, спрятал лицо за сен-жильским листком, газеткой на четырех мелованных страницах. Да нет, вряд ли, она перебирает пальцами со страстью вундеркинда, исполняющего Моцарта в Альберт-холле.

Внимание Марсьяля привлек заголовок на первой полосе муниципальной газетки.

Отмена надбавки к пенсии. Недвижимость в Сен-Жиль-ле-Бен затаила дыхание.

Уже и одного заголовка оказалось достаточно для того, чтобы у Марсьяля появился набросок стратегии, но все же ему надо было узнать об этом побольше. Как и все на острове, он слышал разговоры о временной надбавке к пенсии, но он не может рисковать даже самую малость, ему надо собрать как можно больше сведений.

На мгновение опустив газету, он убедился, что Софа по-прежнему в райском саду. Хамелеона на стебле она бросила и переключилась на бабочек. Сейчас она пыталась проследить глазами за полетом оранжево-черного монарха, порхавшего между двумя орхидеями.

Успокоившись, Марсьяль погрузился в чтение статьи. Начиная с 1952 года любой французский государственный служащий, вышедший в отставку на Реюньоне, получает пенсию, увеличенную на 35 процентов, и единственное условие, которое он должен соблюдать, — не покидать остров более чем на сорок дней в течение года. Такую надбавку получают больше тридцати тысяч человек, и несколько сотен из них не живут или почти никогда не бывают на острове. Реформа 2008 года отменяет эти привилегии только через двадцать лет... Нельзя слишком быстро зарезать курочку, несущую золотые яйца: пенсионеры — это сотни миллионов евро, закачанных в реюньонскую экономику... и в частности, в недвижимость Сен-Жиля.

Марсьяль снова взглянул на Софу — все в порядке, она опять принялась мучить хамелеона, просунула руку позади него, чтобы посмотреть, станет ли он розовым, — и стал читать дальше.

Правду сказать, подробности его не интересуют и будущее островитян-пенсионеров ему безразлично. Единственное, что для него

имеет значение, — Сен-Жиль битком набит пустыми квартирами; официально они более трехсот дней в году заняты выходцами из метрополии, но в действительности эти люди почти никогда там не появляются. Марсьяль подозревает, что некоторые из них пытаются извлечь двойную выгоду. Они не только получают надбавку к пенсии, указывая как свое место жительства квартиру, которую не занимают или занимают редко, но к тому же еще и сдают эти пустующие квартиры. Как устоять перед искушением? Свободное жилье в тропиках, с видом на лагуну. Если можно оказать услугу...

Марсьяль отложил газету. Пальцы девицы у входа продолжали скользить по тактильному экрану с олимпийской скоростью, выполняя двойные аксели и тройные лутцы. Даже если полицейские явятся ее допрашивать, риск, что им удастся выудить у нее хоть какое-то описание посетителей, весьма невелик.

Марсьяль снова прошел через увитую лианами галерею и снова оказался в райском саду. Софа с расстояния в десять метров умоляюще смотрит на него.

— Папа, можно я еще раз схожу к мимозам?

— Да, Софа, только быстро. Нам пора.

На мгновение он призадумался: не лучше ли оставить Софу здесь и бежать одному! Способен ли он предвидеть, какой оборот примут события в ближайшие несколько часов? Способен ли он предсказать собственные поступки? Лиана никогда не отпустила бы с ним Софу. С самого рождения их дочери она всегда была против этого по очень простой причине.

Из-за стра...

Но Лианы здесь уже нет.

На висках у Марсьяля блестят капли пота. Он не должен поддаваться панике. Его метания смешны, у него нет выбора, Софа должна остаться с ним. Его дочь — его заложница. Удобная заложница, послушная и сговорчивая.

И разменная монета, когда придет время для этого.

Марсьяль вытаскивает из кармана свой мобильник, BlackBerry Curve 9300, три дня назад купленный у китайца в Сен-Дени, на улице Бойни, нелегально, он даже имени не называл, так что никакого риска, что через этот телефон полицейские на него выйдут. С Интернетом полный порядок. Он быстро набирает адрес: www.parcances.fr

Этот сайт дает доступ к пятидесяти тысячам объявлений о сдаче частного жилья частным лицам. Меню предлагает выбирать по всему миру.

Регион или город?

Его большой палец скользит по клавиатуре.

СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН

На сортировку ушло не больше четырех секунд. Сорок семь объявлений. Марсьяль быстро их просматривает. Предлагают по большей части квартиры. Он вздыхает. Слишком рискованно. Возвращается в меню.

Тип ЖИЛЬЯ?

Марсьяль ограничивает выбор.

ДОМ ИЛИ ВИЛЛА

На этот раз хватило трех секунд. Осталось восемнадцать объявлений.

Марсьяль быстро тюкает по иконке «Подробнее». С помощью приложения Google Earth он определяет, где находится каждый из домов, потом переходит к адресам электронной почты владельцев. Это отнимает у него меньше минуты. Дойдя до двенадцатого объявления, он находит, что искал. Дом на улице Мальдив, меньше чем в трехстах метрах от «Эдема». Более определенное представление о нем дают четыре фотографии, приложенные к тексту: скромный садик за бетонной оградой, застекленная стена, выходящая на веранду.

Идеальное место...

Обращаться по адресу: Chantal95@yahoo.fr

Есть даже адрес в метрополии.

Шанталь Летелье

Улица Клерво, 13

Монморанси

Марсьяль перепроверяет: точно ли дом свободен? Да, сдается на пять недель в году... И как раз на ближайшие пять недель... Все складывается как-то слишком уж прекрасно. Марсьяль не должен ничего оставлять на волю случая. Он возвращается назад.

www.google.fr

Картинки

Набирает, стараясь не ошибиться в написании слов.

Шанталь Летелье Монморанси

Секунду спустя появляются полтора десятка фотографий улыбающейся женщины лет шестидесяти с голубыми волосами.

Марсьяль выбирает первую.

corainsdavant.linternaute.com

Марсьяль прокручивает всю биографию Шанталь Летелье. Сведений немного. Тридцать восемь лет проработала медсестрой в больнице Биша. Он переходит к следующей фотографии и оказывается на странице

фейсбука. Шанталь-с-голубыми-волосами украсила ее портретами внуков. Дедушки рядом не видно.

Марсьяль еле сдерживает восторг. О таком можно только мечтать! Шанталь Летелье сдает на пять недель в году свою реюньонскую квартиру... Если эта медсестра — честный человек, речь идет о периоде, который она по закону имеет право проводить в метрополии, ездит туда навещать внуков... А если она мошенничает — значит, сама в тропики ни ногой, а дом сдает на пять недель, которые в течение всего года сдвигаются на ее сайте.

В том и в другом случае дом пустой, до него рукой подать, и стоит уединенно...

Лучше и быть не может.

Он сохраняет в памяти телефона адрес — улица Мальдив, 3 — и наконец поднимает глаза.

Софа? Где Софа?

Рядом с мимозами ее нет!

Софа?

Марсьяль перепуган. Других посетителей расспрашивать опасно, еще опаснее окликать дочку по имени. Он засовывает мобильник в карман и пускается бежать.

Аллея, другая аллея. Он натывается на растения. Он не должен был оставлять ее без присмотра. Лиана была права. Он плохо соображает, что делает. В глубине сада есть пруд. В нем живут угри, гуппи и прочие разноцветные рыбки. Она могла...

Вот она, Софа.

Изумленно разглядывает странный дзенский садик.

Здесь, в отличие от всех прочих частей сада, где без умолку щебечут птицы, царит поразительная тишина. Земля цвета охры. Ровно лежащий серый гравий. Между округлыми холмиками черного песка вьются змейки, выложенные из белых камешков. Марсьяль без единого слова ласково кладет руку на плечо Софы.

Девочка умоляюще смотрит на него.

— Папа, мы можем еще здесь побыть?

— Нет, Софа, нам пора идти.

Она улыбается ему. На мгновение она почти позабыла обо всех драматических событиях. О завываниях полицейской сирены. О погоне в машине.

О своей маме.

На мгновение.

Встречаемся в Ле-Тампоне

18 ч. 12 мин.

Айя припарковалась прямо у кладбища Бра-де-Понто. Могилы там разбросаны на пологом склоне довольно далеко одна от другой, словно каждой полагается в вечное пользование широкий вид на реку и на Равин-де-Ситрон с природными базальтовыми колоннами.

Воздух теплый, огромная тень от Снежного пика создает иллюзию сумерек, которые опустятся здесь не так внезапно, как в других местах.

Айя, чертыхаясь, смотрит на часы. У нее осталось меньше часа, потом Ларош возьмет дело в свои руки, на счету каждая минута, а она застряла здесь, на краю света, ждет опаздывающего тупого полицейского, который чаще всего дергает ее попусту.

18 ч. 25 мин.

Наконец Жильдас Яку появляется. Вылезает из желтого джипа с поднятым верхом. В расстегнутой рубашке с цветастым галстуком. Стиль сериала «Гавайи 5.0», версия Болливуда.

Толстый полицейский обнимает за талию дрожащую молоденькую креолочку, не особенно красивую, разве что ресницы длинные и трепещут, словно крылья бабочек. К счастью, только их и видно. Флора не отрывает взгляда от камней.

— Флора, знакомься, это Айя. Я знал ее совсем малышкой вроде тебя. Она у меня начинала. Очень боевая.

Жильдас улыбается Айе, как ему кажется, с заговорщическим видом, затем продолжает:

— Немного зануда и раздражительная, но порядочная девушка.

Айя чертит ногой по пыли.

— Ты уже закончил выступление?

— Угу...

— Тогда начнем. Мне бы надо быть в Сен-Жиле, и если бы ты не валял дурака...

— Потихе, Айя, потихе. Девочка ни в чем не виновата...

— Против девочки я ничего не имею. А вот тебе...

Глаза у Жильдаса блестят, как у рыбака, которого шторм уже не пугает.

— Успокойся, Айя... Девочка здесь всего-то третий месяц, она

приехала из Хель-Бурга, и ей пришлось потрудиться, чтобы сюда попасть, ты можешь это понять... Так что спрашивай, но не дави на нее.

Полицейский отечески обнимает Флору за плечи. Она слегка дрожит. Айе трудно угадать, отчего — от ласки ли ее начальника, или оттого, какой садисткой тот изобразил ее, Айю... или оттого, что ей предстоит сейчас рассказать.

Айя поворачивается к Флоре.

— Так, значит, ты видела Лиану Бельон?

Флора мнется, ежится.

— Да... Во вторник. Пять дней назад.

Жильдас упирается Флоре в живот своим толстым пузом и шепчет ей на ухо:

— Говори, лапуля, она тебя не съест.

Айя хмурится. Эти двое от нее что-то скрывают. Девочка где-то лопухнулась, и эта свинья Жильдас старается ее покрыть.

Во всех смыслах этого слова...

Флора не говорит, а бормочет:

— Она... она приходила в участок Сен-Бенуа.

— Что?

Питбуль в Айе встrepенулcя. Надо успокоиться. Не мешать девочке рассказывать.

Флора собралась с силами и заговорила, механически нанизывая слова. Постепенно она разогналась, и они покатались будто с горки.

— Я дежурила. Была в приемной одна. Она пришла утром, к началу рабочего дня, около девяти. И попросила о странной вещи. Она довольно путано объясняла, но я в конце концов поняла, что она просит ее защитить.

Айя с трудом удерживала пса, который рвался с поводка. И с трудом удерживалась, чтобы не заорать.

— Попросить защиты у полиции — это ты называешь странным?

Жильдас положил руку Флоре на талию, стал перебирать пальцами у нее по спине, прикрытой рубашкой, словно суфлировал реплики по Брайлю. Флора смутилась.

— Нет, капитан Пюрви. Нет... Я не это имела в виду. Лиана Бельон не так это сформулировала. Она, в общем, спросила, может ли полиция обеспечить защиту человеку... людям вообще...

— Но она говорила о себе?

— Да... Это сомнений не вызывало.

Айя попыталась сдержать выброс адреналина.

— Ты ведь не дура. Ты, должно быть, попыталась что-нибудь у нее

выспросить?

— Конечно, капитан Пюрви, я пробовала ее разговорить. Я осторожно спросила у нее, кому требуется защита и от чего. Вот тут-то Лиану Бельон и заклинило. Она ответила что-то вроде «защищать людей, которые не могут открыть, что им угрожает».

— Что?

Флора почувствовала себя увереннее. Она шагнула вперед, и теперь у Жильдаса руки оказались слишком коротки для того, чтобы ее лапать.

— Вот-вот, капитан... Именно так и я ответила Лиане Бельон. «Что?» После этого она совершенно запуталась в объяснениях и только тогда начала говорить от первого лица. Она ходила по кругу. «Я боюсь, мадам, — говорила она. — Именно потому что я боюсь, я и не могу ничего вам сказать». А потом спросила, что сделает полиция, если она станет откровеннее.

— И что ты ей ответила?

— Что мы проверим факты! А что я еще могла ей ответить? И тут она вышла из себя и завопила: «Будет только хуже! Неужели вы не понимаете? Вы должны доверять мне. Если вы не поверите мне на слово, если начнете расследование, то угроза перестанет быть всего лишь угрозой».

Айе не терпелось задать вопрос. Жильдас потянулся к Флоре, пытаясь ухватить ее за руку или за край рубашки, добраться до кусочка голой кожи. Флора властно подняла руку, требуя, чтобы ее не прерывали.

— Я настаивала, капитан Пюрви. Поверьте мне, я настаивала. «Вы должны рассказать мне больше, — говорила я Лиане Бельон. — Как, по-вашему, мы можем вмешаться, если от вас невозможно добиться никаких подробностей?» И тогда Лиана Бельон сломалась. Она была очень красивой женщиной и выглядела достаточно самоуверенной, но в этот момент она утратила контроль над собой. «Вы меня не поняли? — кричала она. — Вы вообще меня слышите? Я ничего не могу сказать! Я просто хочу, чтобы вы меня защитили!»

Флора внезапно замолчала, две черные бабочки, трепетавшие на краях ее век, повернулись к Снежному пику и взлетели к вершинам. Айя постаралась говорить так мягко, как только могла.

— А как ты, Флора, вела разговор после этого?

— Я старалась добиться от нее хоть каких-то уточнений, выйти хоть на какой-то след, хоть что-то нащупать. Лиана Бельон постепенно успокоилась. Она больше ничего не пожелала сказать, если не считать безумной идеи, что мы должны предоставить в ее распоряжение телохранителя или приставить к ней незаметную охрану, при этом она

отказывалась даже намекнуть на то, что за опасность ей угрожала. Несколько минут спустя она сама захотела свернуть разговор, как будто пожалела о том, что пришла. И удалилась, сказав на прощание что-то вроде: «Ничего страшного, я, наверное, подняла панику по пустякам, это не так уж важно».

И это всё?

Айя про себя ругала последними словами эту дурочку, и ей стоило немалых усилий не дать ярости вырваться наружу.

— Флора, и ты ее отпустила? Ты ей поверила?

— Нет... Нет, капитан Пюрви... Не то чтобы поверила, но... Что мне еще оставалось делать? Она не хотела писать заявления, она не хотела говорить, она извинялась за то, что напрасно меня побеспокоила...

И стажерка внезапно разревелась. Жильдас не упустил случая. Он снова прилип к ней, испепеляя Айю взглядом разгневанного отца. Хорошо еще, что у него хватило такта промолчать.

— Капитан Пюрви... — всхлипывала Флора. — Вы... вы думаете, это из-за меня? Она не решилась сказать, что чувствует себя в опасности, что муж ей угрожает, потому что слишком боялась за себя.

— Не за себя, — холодно и резко отозвалась Айя. — Она боялась за дочь.

Флора зарыдала еще сильнее, сквозь слезы едва можно было разобрать слова:

— Если бы... если бы я...

Жильдас решил поиграть в психолога.

— Да нет же, лапуля, ничего подобного...

У Айи недоставало духу ее добивать. Зачем? Можно ли было избежать трагедии, если бы Флора не решила, что Лиана Бельон все выдумала? Ответ не имел ни малейшего значения... Свидетельство Флоры всего лишь добавило еще одну строчку к списку обвинений против Марсьяля Бельона.

Тоже неплохо...

Айя задумчиво смотрела на кладбище. На большей части могил не было ни плит, ни памятников. Усопшие довольствовались торчавшей над травой прямоугольной клеткой, иногда с узорной решеткой, чаще всего — из ржавых прутьев. Снова повернувшись к жандармам, она спросила:

— Как вы думаете, почему Лиана Бельон отправилась ради этого в Сен-Бенуа, на другую сторону острова?

Ответил ей Жильдас. Рубашка у него промокла от пота, смешанного с Флориными слезами.

— Анонимность, Айя. Жены, которых избивают мужья, редко подадут

жалобу в ближайший участок...

Совершенно верно, Жильдас.

Жильдас — мерзкий придурок с блудливыми руками, она узнала это на собственном опыте, когда ей было столько лет, сколько Флоре сейчас, но полицейский он неплохой.

Флора продолжала хныкать. Колодец ее стыда все еще был переполнен.

— Я... я не могла предвидеть, капитан...

Айя не ответила. Собственно, она только лицемерно притворялась безупречной. На самом деле чувствовала себя виноватой не меньше, чем Флора. Она упустила Марсьяля Бельона. Она беспомощно барахтается. Расследование — тоже. Ошибка этой стажерки — ничто в сравнении с ее некомпетентностью...

Она взглянула на часы, потом на экран мобильного телефона. Ничего нового. Она не справилась. С минуты на минуту расследованием займется этот придурок Ларош со своей командой.

Но ведь совершенно ясно, что Лиана боялась за нее, боялась за дочь.

Айя уже не могла отвести взгляда от разбросанных по кладбищу оградок, за которыми росли цветы, от тонких металлических прутьев, от жестяных украшений. Она уже не видела перед собой никаких могил — только десятки детских кроваток, спальню под открытым небом, где спят заживо погребенные младенцы.

Дом старой дамы

19 ч. 50 мин.

Марсьяль, затаившись, разглядывает сквозь кружевную занавеску дома, стоящие вдоль улицы Мальдив. Слабый рассеянный свет лампы с улицы заметить невозможно.

Попасть в жилище Шанталь Летелье оказалось даже проще, чем он предполагал. Дом был до мельчайших подробностей описан на сайте www.purvacances.fr. Если судить по плану и фотографиям, окно ванной комнаты было расположено укромнее других, да и разбить его было легче всего. Собственно, самым трудным оказалось объяснить Софе необходимость взлома.

Маленькая моя, одна старушка разрешила нам у нее пожить... но она забыла оставить нам ключи.

Софа ничего не сказала. Она просто дождалась, пока он откроет ей стеклянную дверь веранды, а потом стала с любопытством разглядывать фотографии на стенах: на них была незнакомая бабуля с голубыми волосами и ее загорелые светловолосые внуки, мальчик лет десяти и другой, почти ровесник Софы. Смешные снимки мальчишек, позирующих перед фотоаппаратом на крокодиловой ферме, перед серебряными струями водопада, на плантации сахарного тростника, где стебли были в три раза выше обоих.

Марсьяль продолжает подстергать малейшие проявления жизни в безлюдном коттеджном поселке. Не мелькнет ли тень под казуаринами, не пробежит ли рябь по поверхности воды в бассейне, не послышатся ли шаги на тротуаре. Малочисленное постоянное население этого почти необитаемого квартала пенсионеров, должно быть, только тем и занимается, что высматривает какие-нибудь непривычные детали. Они немедленно позвонят в полицию, стоит им только заметить, что где-то шевельнулась занавеска или без надобности горит свет...

Или — что ворота гаража открыты...

Марсьяль предпочел рискнуть, оставив железные ворота гаража приоткрытыми, — ровно настолько, чтобы с улицы можно было убедиться в том, что гараж пуст. Два часа назад он приметил на другом конце поселка полицейских, они — похоже, наугад — открывали гаражи один за другим,

не иначе как в поисках взятой напрокат серой «клио». Если жандармы пойдут мимо дома Шанталь Летелье и увидят, что он заперт, безмолвен и темен, а гараж пуст, они здесь и не остановятся.

По крайней мере на это можно надеяться...

Отойдя в глубину комнаты, Марсьяль взял пульт от маленького телевизора, включил его, убавил громкость до минимума и завалился на диван.

Софа спит за стенкой, в детской, прелестной комнатке одного из внуков Шанталь Летелье, где на восьми квадратных метрах разместились креольские марионетки, ракушки, морские звезды, воздушные змеи и игрушечные парусники.

Софа была послушной. Слишком послушной. И молчаливой. По правде сказать, Марсьялю не с чем было сравнивать, он впервые остался с ней наедине. Что может взбрести в голову этой малышке, которую с рождения оберегали, будто хрупкую куколку? Хватит ли у нее сил выстоять против обрушившейся на нее лавины событий? Конечно, она его поцеловала, она ему улыбнулась, ответила «Да, папа» на его неловкое «Спокойной ночи, маленькая моя».

Но что она может думать о нем в глубине души?

20 ч. 45 мин.

По первому каналу реюньонского телевидения вот уже час без перерыва крутят один и тот же выпуск новостей. Марсьяль в третий раз видит, как на экране появляется фотография Лианы, затем ее сменяет сообщение о начале применения плана «Папанг».^[26] В нижней части экрана бегущей строкой — номер телефона полицейского управления, а выше тем временем высвечивается его собственная фотография и следом за ней — фотография Софы. Голос за кадром повторяет: двойное убийство... Явные улики... Опасен и, возможно, вооружен... Обращаемся к свидетелям...

Портреты Марсьяля и Софы наконец исчезают с экрана, уступая место удрученному журналисту, который с каждым очередным экстренным сообщением все нагнетает: срочность, бдительность, осторожность...

Марсьяль устраивается поудобнее на диване, кладет ноги на низкий столик перед ним. Он чувствует себя до странности спокойно, он почти чужд всей этой им же порожденной суете, хотя и знает, насколько чудовищными будут последствия. Словно безрассудный мальчишка, чиркнувший спичкой на заваленном соломой поле или бросивший камень

на шоссе перед началом большой велогонки... И наблюдающий за бедствием, не имея ни малейшей возможности повлиять на ход событий.

20 ч. 51 мин.

Папа убил маму!

Я и так в этом почти не сомневалась из-за тех детей в бассейне, а теперь знаю точно, это несколько раз повторили в новостях. Папа совсем приглушил звук, но я все равно слышала.

И наши фотографии показали.

Папа убил маму.

Мне кажется, я уже несколько часов стою за открытой дверью гостиной. Я правда старалась уснуть, долго старалась, но у меня ничего не получилось.

Так и не смогла.

Я слезла с кровати и тихонько, бесшумно подошла к двери. Папа сказал, чтобы я громко не разговаривала, ничего не роняла и не зажигала свет.

Папа сидит на диване, но я со своего места вижу только его ботинки на столике. А всего целиком — только когда он встает, идет к окну и через занавеску смотрит на улицу.

Вот как сейчас. Шум от машины, проехавшей мимо, вдруг заглушил голоса в телевизоре. Фары на миг осветили комнату, а потом все пропало, машина уехала.

Папа продолжает следить.

Я не буду говорить громко, только так, чтобы папа слышал меня, а не журналистов из телевизора.

— Папа, а маме было больно, когда ты ее убил?

20 ч. 52 мин.

Марсьяль резко оборачивается, как будто его током ударило. И не находит, что ответить Софе, только прикладывает палец к губам. В соседнем доме зажигаются лампы. Наверное, соседи вернулись домой. Марсьяль замечает, что все еще держит в руке пульт от телевизора, и выключает звук.

— Замолчи, Софа.

Он оборачивается. И все рушится.

Ноги его не держат.

Софа лежит на плитках пола. Под ее лбом растекается лужица крови.

21 ч. 02 мин.

Айя устроилась на террасе позади полицейского участка. Внутренний дворик погружен в темноту, только стол освещен тусклой лампочкой, свисающей с закрученного вокруг балки провода. Тепло, тихо. Айя обожает вот так заканчивать день — поставить ноутбук на садовый стол, подключиться к вайфаю, довольствоваться слабой лампочкой и голубым свечением экрана, слушать пение птиц, тревожное, как будто они впервые оказались в сумерках. Отец научил ее различать голоса чекана и райской мухоловки, а главное — своей любимицы, саланганы, которая летает только по ночам и ориентируется по эху собственного щебета.

На экране выстраиваются слова. Айя выстукивает их километрами, даже не перечитывая, полковник Ларош ждет от нее рапорта к полуночи, он уточнил, что сам передаст его дальше по инстанции.

Решение начальства было с безупречной точностью объявлено ровно в двадцать часов: план «Папанг» официально приводится в действие. Люди Лароша берут на себя координацию облавы на Марсьяля Бельона с объявлениями о розыске по всем каналам телевидения и по радио, а также переговоры с метрополией, связь между различными островными бригадами, мобилизацию боевых отрядов национальной полиции.

С размахом...

Айе даже не пришлось ничего выторговывать. Ларош до утра оставил за ней руководство расследованием на территории коммуны Сен-Жиль, заграждения на выезде из города и обыски в домах. Всем остальным он занимается сам, вплоть до новых распоряжений.

Айя слышит у себя за спиной шорох радио на разных частотах. Глухо звучащие распоряжения. Иногда смешки, чаще — ругательства, вырывающиеся у измученных полицейских. По последним сведениям, пробки на выезде из Сен-Жиля, вызванные тем, что полиция обыскивает каждую машину, растянулись на несколько километров. Несчастных сыщиков, которым пришлось взяться за работу таможенников, осыпают градом проклятий. Еще пятнадцать жандармов более или менее наугад обшаривают все дома с гаражами. Пока ничего не нашли.

Даже намек на хоть какой-нибудь след.

Айя закрывает глаза и прислушивается к доносящимся издали, со скал,

крикам фаэтонов, защищающих свои гнезда. Конечно, она что-то упустила.

Слишком молода, слишком женщина, слишком креолка. Три недостатка. Завтра утром ей дадут это понять.

Вот она и корпит над рапортом.

Подробнейшим.

Вторник, 26 марта. Доказанный факт. Лиана Бельон приезжает в Сен-Бенуа и просит защиты у жандармерии. Она чувствует себя в опасности.

Пятница, 29 марта. Доказанный факт. Лиана Бельон покидает сад отеля «Аламанда» и входит в свой номер. Все постояльцы и персонал отеля это подтверждают. Ева Мария Нативель категорически заявляет, что Лиана Бельон из своего номера не выходила.

15 ч. 15 мин. Этот факт теперь доказан. Марсьяль Бельон присоединился к находившейся в номере жене. Подтверждено показаниями супругов Журден и служащих гостиницы.

15 ч. 25 мин. Факт почти доказанный. Марсьяль Бельон выходит из своего гостиничного номера, толкая перед собой тележку для белья, на которой может лежать тело. Показания Евы Марии Нативель, садовника гостиницы Танги Дижу и детей, игравших на стоянке, совпадают. Факт подтвержден также признаниями Марсьяля Бельона.

15 ч. 45 мин. Доказанный факт. Марсьяль Бельон вернулся в бассейн при гостинице.

16 часов. Доказанный факт. Марсьяль Бельон снова поднялся в свой номер. Показания персонала гостиницы совпадают. В номере обнаружены следы борьбы, а также кровь, принадлежащая Лиане Бельон.

Между 15 и 16 часами Амори Оаро по прозвищу Роден был убит в порту Сен-Жиля, приблизительно в километре от отеля. Орудие убийства, нож, принадлежит Марсьялю Бельону. Результаты анализа не оставляют ни малейших сомнений: на лезвии ножа остались пятна крови Лианы Бельон. Единственные отпечатки пальцев, найденные на рукоятке ножа, — это отпечатки пальцев Марсьяля Бельона.

Воскресенье, 31 марта, 16 часов. Марсьяль Бельон как раз перед тем, как его должны были задержать, сбежал из «Аламанды» на взятой напрокат серой «клио» и увез с собой свою дочь Жозафу.

С тех пор его не могут найти.

Сомнения в виновности Марсьяля Бельона: отсутствуют.

Неизвестные факты: отсутствие явных мотивов. Не найдено тело Лианы Бельон.

Наиболее правдоподобная версия: ссора между Марсьялем Бельоном и его женой закончилась плохо. Смерть в результате несчастного случая.

Марсьяль Бельон пугается, а потом оказывается втянутым в опасную спираль, из которой не может выбраться.

Дополнительный вопрос: до какой степени он способен свихнуться?

Айя поднимает глаза. Она споткнулась на последнем слове. «Свихнуться». Ей хотелось бы найти для Лароша какую-то другую формулировку, но ничего лучше этого в голову не приходит.

Расследование, начатое в метрополии, пока никаких особенных результатов не дало. Обычная пара. Марсьяль Бельон работает охранником в гимназии коммуны Дей-ла-Барр. Женился на Лиане восемь лет назад. Вскоре она бросила изучать социалингвистику и занялась воспитанием их дочери Жозафы.

Агама, словно канатоходец, идет по балке рядом с проводом, на котором висит лампочка, старается подобраться поближе к свету. Бескрылый Икар.

Айя вымученно улыбается.

Предумышленное убийство случайно не совершают. В прошлом Марсьяля Бельона непременно должна найтись какая-то зацепка. Полицейский участок Дей-ла-Барр в течение ночи пришлет все сведения о чете Бельон, какие им удастся найти. Они там, похоже, стараются вовсю, хотя в метрополии сейчас около семи вечера, а Ларош нисколько не верит в психологическую подоплеку дела. Вернее, она его не интересуется. Его вполне устраивает такое объяснение: семейная сцена обернулась трагедией. Первым делом надо поймать этого типа, пока он еще кого-нибудь не убил. А потом можно будет найти какие-нибудь смягчающие обстоятельства...

Только об этом и речи быть не может. Айя дважды встречалась с Марсьялем Бельоном. Что-то здесь не сходится. Человек, который нечаянно убил жену, а потом поддался панике, уже попался бы. Зачем было обращаться к полицейским, зачем было добровольно идти в участок, чтобы потом сбежать? Вся эта игра напоминает инсценировку, выстроенную с определенной целью.

Но с какой?

Нелепо рапортовать о своих догадках — ей тотчас ответят, что она хочет подстраховаться, что она выдумывает себе коварного противника, лишь бы не признаваться в том, что ее обвел вокруг пальца дилетант.

Ну и пусть.

Все слова на экране подчеркнуты красным и зеленым. Она вздыхает. Наверное, есть дела более срочные, чем исправлять орфографические ошибки, чтобы доставить удовольствие зорейскому начальству... И все же, несмотря на то что вся эта бюрократия ее достала, она все исправит, и

очень тщательно.

Вопрос гордости.

21 ч. 01 мин.

— Спокойной ночи, Габен!

Бармен оборачивается, но угольно-черную руку протянуть не решается. Он уже минут пятнадцать усердно чистит гигантский мангал «Аламанды». Меню «Песчинки», ресторана при отеле, составляет Арман Зюттор. В те вечера, когда жарят мясо, Габен не только готовит пунши, ему вменяется в обязанность еще и работа трубочиста. Что поделаешь, приказ есть приказ...

Он пристально смотрит на Еву Марию Нативель. Уборщица стоит перед ним, вцепившись обеими руками в свою холщовую сумку. Явно собралась идти домой.

— Не могу пожать тебе руку, Ева Мария! До завтра.

Старуха креолка, не трогаясь с места, улыбается ему из-под своей голубой косынки. Медленно поворачивает голову, желая убедиться, что ни один турист не может их услышать. Почти все они ушли от бассейна подальше, москитов испугались.

— Нет, — отвечает Ева Мария. — Завтра я вкалываю у белого богача. Тот еще болван, хуже Зюттора, но он мне платит в четыре раза больше...

— Ну, тогда счастливой тебе Пасхи...

Бармен, смирившись, опускает глаза и разглядывает свои вымазанные сажей руки. Ему еще долго придется с этим возиться. Его, мастера коктейлей, вынуждают гробить кожу и горло в тучах золы... На него нападает тоска, какую испытывал бы трубач, которому пришлось бы до блеска начищать медь инструментов.

Ева Мария не сдвинулась ни на сантиметр. Стоит и перекатывает во рту какое-то слово, будто бесконечно пережевывает стебель сахарного тростника.

— Ты им что сказал, этим сыщикам?

Габен едва не плюхнулся задом в уголь.

— Сыщикам?

— Да, малышке Айе и пророку — что именно ты им сказал?

Габен заставляет себя ответить не задумываясь.

— Рассказал все как было. Рассказал, что видел из-за своей стойки. А что еще, по-твоему, я мог рассказать?

Старая креолка прикрывает глаза — трудно понять, от усталости или

от раздражения. Снова открыв их, она смотрит на бармена убийственным взглядом.

— Например, о прошлом. О прошлом Марсьяля Бельона.

Габен медлит, вытаскивает из кармана «Мальборо».

— Ни слова, Ева Мария. Сыщики меня об этом не спрашивали. Я мальчик дисциплинированный, отвечаю только на те вопросы, которые мне задают.

— Не заговаривай мне зубы, Габен! Это вопрос нескольких часов. Полицейские непременно все проверят.

Бармен наклоняется над мангалом и раздувает последние дотлевающие угольки, чтобы прикурить от них.

— Посмотрим. Что-нибудь придумаю на ходу. Мне не привыкать.

— В отличие от меня.

Ева Мария, еще больше согнувшись, словно деревянный крест, висящий у нее на шее, весит тонну, слабым голосом прибавляет:

— Мне... мне есть что терять, еще больше, чем вам.

Бармен не спеша затягивается. Сигаретный дым поднимается в небо и обворачивается вокруг Южного Креста.

— Ты все еще держишь зло на Бельона?

Ева Мария Нативель снова закрывает глаза, потом вперяет взгляд в мангал, будто предсказательница, способная узнавать будущее по говяжьему жиру.

— Я рассчитываю на тебя, Габен. Полицейские станут ворошить золу. Раздувать угли. Я... я не хотела бы, чтобы при этом упоминалось имя Алоэ. Я столько лет ее оберегала. Ты же понимаешь, о чем я говорю, Габен. *Pis ra ka rété assi chyen mō.*^[27]

Габен щелчком отправляет окурок в очаг.

— Понимаю. Только Айя упрямая. И она хорошо знает эти места, лучше, чем кто бы то ни было.

Ева Мария медленно поворачивается к выходу.

— Я рассчитываю на тебя, Габен. Передай сообщение Танги, Наиво и другим...

Бармен смотрит ей вслед и ищет какие-нибудь слова, способные доказать, что он на ее стороне, не на стороне полицейских.

— Не порть себе кровь, Ева Мария. В конце концов, вероятнее всего, Бельон получит пулю, и его попросту заруют, незачем будет выкапывать кого-то вместо него.

21 ч. 09 мин.

Кристос появляется на веранде полицейского участка с бутылкой «Додо» в руке. Айя едва поднимает глаза от компьютера.

— Отличная работа, Кристос... я про показания Журденов.

Кристос, равнодушно выслушав похвалу, приканчивает пиво.

— Что-нибудь новое, Айя?

— Нет, ничего...

Она нажимает на клавишу. На экране разворачивается карта Сен-Жиля, на которой отмечены уже проверенные жандармами дома.

— Но мы продвигаемся, Кристос, мы его поймаем. В квартале Каросс всего двое, и оба стажеры, если бы ты пошел им помочь...

Бутылка летит в урну. Кристос потягивается.

— Я сваливаю, Айя. Иду домой.

Айя роняет руки на колени. Она даже не пытается скрыть, насколько ошеломлена его словами.

— Ты что, Крис? У нас есть время до завтрашнего утра, чтобы его найти. После этого люди...

— Нет, Айя... извини. Надо работать посменно. Иначе ничего не получится.

— Какого черта, Кристос, у нас убийца гуляет на свободе...

— И не один. А кроме них — торговцы наркотиками. И педофилы. И всевозможные психи. И есть еще вдовы, которых надо защищать. Я свое дело знаю. И мои коллеги тоже.

Айя выпрямляется. Ее густые брови сошлись в одну прямую темную линию.

— У тебя нет выбора, Кристос. Ты обязан работать. Как все остальные. План «Папанг» — тебе это о чем-то говорит?

— И что ты со мной сделаешь, Айя? Выговор объявишь? Я буду здесь завтра утром. Рано. А сейчас пойду спать. Вообще-то тебе следовало бы сделать то же самое.

Айя, совершенно растерянная, прислушивается к странной смеси птичьего свиста с потрескиванием полицейских раций. И с усталым смешком произносит:

— Ты совершенно безответственный человек...

Кристос бесстыдно улыбается, прохаживается по саду:

— Тебе никому ничего не надо доказывать, Айя. Даже если ты поймаешь Бельона, награда, которую ты за это получишь...

Она не дает ему закончить:

— Я хочу поймать этого типа до того, как он еще кого-нибудь убьет. И только. На все остальное мне плевать.

Кристос бесшумно аплодирует в темноте.

— Айя, я тобой восхищаюсь. Ты святая... Не забудь позвонить мужу и детям.

Айя поднимает голову — в глаза ударяет свет голой лампочки. На мгновение она вспоминает про Тома и дочек, Жад и Лолу. Лола всего на три месяца старше Жозафы Бельон. Том прислал ей сообщение сразу после того, как по телевизору объявили о начале плана «Папанг». Айя не успела ему ответить. В любом случае он понял, что она не придет домой ночевать. И объяснил это девочкам перед тем, как рассказать им сказку на ночь и подоткнуть одеяла. У нее самый лучший муж на свете.

Она щурится, вглядываясь в силуэт Кристоса. В глазах еще несколько секунд мелькают зеленые вспышки.

— Я только понапрасну теряю из-за тебя время, Кристос. Ты прав, лучше тебе отсюда свалить.

Площадка Жозафы

21 и. 13 мин.

Пластырь телесного цвета на лбу Софы едва заметен. Уже завтра ни от шишки, ни от царапины не останется и следа. Марсьяль сидит на кровати рядом с Софой, отодвинув вышитые подушки и плюшевых зверей. Софа безропотно подчинялась. Он обработал ранку. Раздел девочку. Уложил в постель. Собственные жесты казались ему почти нереальными, словно, заново проделывая то, что полагается делать отцу, он обучался этому на безжизненной кукле.

Парализованной кукле.

Он выключил телевизор. Софа больше не произнесла ни слова. А те последние, которые он от нее услышал, все еще звучат у него в голове.

«А маме было больно, когда ты ее убил?»

Марсьяль сжимает в руке сборник сказок про Ти-Жана и чувствует себя идиотом. Самый лучший способ наладить отношения с дочкой — это почитать ей? Едва ли не с самого ее рождения Лиана подолгу рассказывала ей сказки.

Бесконечный ритуал.

Мучение.

Марсьяль ненавидел эти минуты близости перед сном, близости, от которой он был отлучен: если он слушал, о чем они говорят, чувствовал себя соглядатаем, если уходил — ощущал себя чужаком. Он встает, возвращает книгу на заваленную ракушками полку. Снова, очень осторожно, садится на кровать.

— Я сейчас расскажу тебе одну историю, Софа. И даже больше того — я открою тебе тайну.

Ни слова в ответ. Софа сворачивается в клубок под одеялом нежной расцветки.

Марсьяль продолжает говорить тихим, успокаивающим голосом.

— Знаешь, почему тебе дали такое необычное имя — Жозафа?

Софа по-прежнему молчит, но дыхание ее слегка учащается.

— Я уверен, что мама никогда тебе об этом не рассказывала.

Голова высовывается из-под одеяла. Любопытство победило, об этом морзянкой сообщают веки Софы. Марсьяль улыбается.

— Видишь ли, Софа, папа с мамой хотели ребенка. Очень сильно

хотели. Для того чтобы появился ребенок, папа с мамой должны обняться, прижаться друг к дружке так же сильно, как сильно они хотят ребенка. Понимаешь?

Глаза у Софы распахиваются, становятся круглыми. На стенах висят фотографии: на одной из них мальчик ее возраста гладит панцирь исполинской черепахи, его светлые волосы торчат из-под бейсболки с надписью «Коралловая ферма»; на другой бабушка усаживает его на летние санки в парке Маидо. Сказочные каникулы. Безмятежное счастье.

Голос у Марсьяля чуть-чуть дрожит.

— В тот день папа с мамой решили уехать в отпуск куда-нибудь к морю, ненадолго и недалеко, как можно ближе к дому. Мы поехали в Нормандию, в Довиль. Мы опять ездили туда в прошлом году, помнишь, там был пляж с разноцветными зонтами, ты еще сказала, что вода слишком холодная?

По лицу Софы видно, что помнит. Она приоткрывает рот, но ни звука с ее губ не слетает.

— Но я рассказываю тебе про другой день, который был задолго до твоего появления на свет. В тот день папа заказал для них с мамой номер в гостинице, он хотел, чтобы из окна было видно море. Такой сюрприз он придумал к маминому дню рождения. Мы сели в нашу машину, на ее заднем сиденье еще не было твоего детского кресла. В Нормандию надо ехать по не очень длинному шоссе, которое часто оказывается забитым. В тот вечер папа с мамой тронулись в путь поздно вечером, почти ночью, чтобы двигаться не в толпе. Маме не терпелось добраться до гостиницы, нам обоим не терпелось обняться, крепко-крепко прижаться друг к дружке, чтобы скорее появился ребенок...

Софа ерзает под одеялом. Теперь ее рука касается отцовского плеча.

— На шоссе, сразу за будкой, где платят дорожную пошлину, есть место для отдыха — это единственная площадка, дальше до самого моря нет ни одной. Папа и мама так торопились с ребенком, что не смогли дотерпеть до гостиницы, они остановились там, на этой стоянке у дороги... И знаешь. Софа, как называется это место?

— Н... нет, — еле слышно шепчет Софа.

Марсьяля захлестывает теплая волна.

— Оно называется площадкой Жозафы, маленькая моя. Не знаю, почему ей дали это красивое имя. Вокруг ничего нет: ни деревни, ни домов, просто площадка и несколько деревьев рядом. Вот там-то ты и спустилась с небес к маме с папой, маленькая моя. Когда мы снова сели в машину и поехали дальше, твоя мама сильно сжала мою руку и тихо спросила: «Тебе

не кажется, что Жозафа — красивое имя?»

Горячая и влажная ладошка Софы скользнула в руку отца. Марсьяль наклоняется, теперь его голос едва различим.

— Только ты одна на всем белом свете носишь это имя, Софа. Это сокровище. Сокровище, тайна которого была известна только папе и маме, а теперь — еще и тебе. Понимаешь, маленькая моя, каждый день миллионы легковых машин и грузовиков проезжают мимо указателя с названием «Площадка Жозафы», и никто не догадывается, что это имя самой красивой в мире малышки.

По щеке у Софы катится слеза.

Девочка все еще не решается заговорить, но пристально смотрит на отца.

И, хотя они не обменялись ни единым словом, Марсьяль понимает, что потерял Софу.

Почему же тогда ты убил маму? — спрашивают ее мокрые глаза. Почему, если ты так ее любил?

Марсьяль замечает на стене еще одну фотографию, еще одно счастливое мгновение: бабушка, внука явно балующая, повела его в «Ванильный дом». Ладошка у Софы вялая, безвольная. Голая рука покрылась мурашками и чуть дрожит. Марсьяль вздыхает, отводит взгляд и наконец решается.

— Ты должна поверить мне, Софа. Поверь мне.

Он откашливается, прочищает горло.

— Я... я не убивал твою маму. Я никого не убивал, маленькая моя. Никого!

Ладошка Софы — словно мыло, тающее в его руке. Марсьяль смотрит на стену, на фотографии, он неспособен больше ни на какие проявления близости, он не может ни обнять дочку, ни прижать к себе, ни пропустить сквозь пальцы ее длинные волосы.

Он даже взгляда ее избегает. У него перед глазами назойливо пляшут три короткие фразы.

Встреча завтра
В бухте Каскадов
Приходи с девочкой

Он начинает говорить. Он понимает, что утешить Софу — это только первый этап. Затем он должен будет ее убедить. Она ему необходима.

— Ты должна быть смелой, Софа. Ты... ты помнишь, на стекле

машины была записка, вчера, на стоянке у отеля. Этой запиской мне назначили встречу на другом конце острова, у подножия большого вулкана, в таком месте, которое называется бухта Каскадов.

Марсьяль сжимает в руке пять крохотных, насквозь мокрых пальчиков — как пропитанная слезами губка.

— Мы должны туда добраться, Софа. Завтра. Это будет трудно, очень трудно, там, снаружи, повсюду полицейские, которые нас ищут, но мы должны это сделать...

Софа всхлипывает, с трудом сквозь слезы выговаривает четыре слова:

— И найдем живую маму?

Очень долгая пауза, она длится целую вечность.

— Я бы очень этого хотел, Софа...

21 ч. 34 мин.

Марсьяль открыл окно ванной комнаты, то, что выходит в маленький внутренний дворик, невидимый с улицы. Вернее, приоткрыл всего на несколько сантиметров, только для того, чтобы выпустить дым, который поднимается к звездному небу.

Между пальцев у него зажата самокрутка. Сколько же лет он не курил коноплю. Он купил травку на улице Бойни, у китайца, того самого, у которого купил телефон.

Покупать травку...

Обхохочешься. Он почувствовал себя булочником на пенсии, который каждое утро ходит за хлебом. Еще немного — и он начал бы давать китайцу советы насчет его мелкой торговли.

Он снова затягивается. Звезды в небе на мгновение тускнеют, а потом снова рассыпаются, будто в калейдоскопе, за разбитым стеклом окна.

Во дворе поют какие-то ночные птицы. Марсьяль позабыл их названия, он помнит только серых воробьев парижских предместий.

Он почти все позабыл.

Когда три дня назад он отправился на улицу Бойни, ему пришлось пройти мимо старого автовокзала. Под фонарями, перед разрисованной стеной, ждали с десятков шлюх, и Марсьяль непроизвольно замедлил шаг.

Он поискал взглядом среди этих метисок Алоэ. Ее там не было. Он скользил взглядом по девочкам, похоже несовершеннолетним, по креолкам с платиновыми волосами, по толстухам в тесной одежде, но ни одна из них не была на нее похожа. Или он ее не узнал. Последний раз он о ней слышал пять лет назад. Он знал, что она сменила имя. А может, и цвет волос поменяла. Может быть, у нее даже появились дети.

Еще одна затяжка.

Какой была бы жизнь Алоэ, если бы он не встретился на ее пути? Если бы она не привязалась к Алексу?

Три дня назад он говорил об этом с Лианой. Они поссорились, как бывало всякий раз, когда он упоминал об этой части своей жизни. Во всяком случае, о том, что Марсьяль ей об этом рассказал.

Ссора...

Все это сейчас казалось ему таким пустым и ничтожным...

Это было до бесповоротного шага.

Марсьяль давит окурок о стекло.

Он так привык врать. Врать Алоэ — в другой жизни. Лиане — на этой неделе. Полицейским — в последние три дня. Теперь — своей дочери.

Скрываться. Врать. Убегать. Убивать.

Есть ли у него другой выбор?

Грот Первых Французов

21 ч. 26 мин.

Старушка «рено» Кристоса медленно катит в верхний город Сен-Луи. И еще больше замедляет ход на крутом повороте Лаймовой улицы. Половина дороги занята десятком кафров, ждущих с бутылками пива в руках перед баром-фургоном, пока освободится белый пластиковый столик под натянутым между двумя пальмами пестрым навесом.

До чего же радужный народ, философствует Кристос.

Еще три поворота.

За несколькими многоэтажками начинаются хижины, крохотные кубики, окруженные садиками-свалками, — цветочки, торчащие среди ржавых велосипедов, строительного мусора и металлолома.

Трущобы. И это еще за казуаринами не видно худшего.

На следующем повороте Кристос срезает напрямик. Он по-настоящему понял Реюньон только в тот день, когда увидел его сверху; нет, не с вертолета, незачем было для этого подниматься в небо, он всего-навсего открыл Google Maps, и перед ним появился сфотографированный со спутника сплюснутый остров. Тысячи маленьких белых квадратиков — совершенно одинаковых домиков в окружении одной и той же тропической природы, подрумяненных одним и тем же солнцем; единственная деталь, вносящая разнообразие в это унифицированное изображение, — это маленькие голубые овалы... Если посмотреть сверху, уравнение выглядело простым: чем ближе к пляжу, чем ближе к лагуне, той, где можно было купаться, не опасаясь ни камней, ни акул, ни течения, тем больше было голубых овалов рядом с домами. И никаких исключений этот детерминизм не знал: плотность расположения бассейнов на острове была строго обратной теоретической потребности в них...

Кристос показал карту Айе, но та только плечами пожала. А ему метафора показалась невероятно многозначительной. «Наш остров — это мир» — провозглашает туристический слоган Реюньона. Собственно, так оно и есть. На сорока квадратных километрах собран типичный образчик неравенства между народами пяти континентов.

Лаборатория человечества.

Этот остров — терраса, пристроенная на краю мира для того, чтобы наблюдать за будущим человеческого рода. В тени, во вьетнамках, со

стаканом пунша в руке.

Кристос останавливается на Мишу-Фонтен — идущей под уклон маленькой улочке со ржавыми машинами по обеим сторонам. Можно подумать, что это свалка металлолома, а на самом деле — стоянка. Дом Имельды — четвертый от угла. Перед домом, сидя на трех трухлявых досках, заменяющих ступени крыльца, курят трое мальчишек.

Назир — старший из сыновей Имельды. Ему пятнадцать. Длинные тощие ноги — будто аист шорты натянул. Выдохнув дым, он поднимает глаза на Кристоса.

— А, это ты, Деррик?^[28] Я-то думал, ты ловишь врага общества номер один.

В пяти метрах от них орет радиоприемник, стоящий на пластиковой канистре. Облава на Марсьяля Бельона заменяет вечерний телесериал.

Назир, снова затянувшись, прибавляет:

— Я-то тебя держал за Джеймса Бонда...

Кристос ставит ногу на ступеньку.

— Я отдыхаю, малыш. Видишь ли, Деррик тоже спит, жрет и срет. То же относится и к Джеймсу Бонду.

Оба приятеля Назира захихикали. А Назир — нет. Он уже изображает из себя скептика.

— Не понимаю, что моя мать в тебе нашла. Зорей, сыщик. И к тому же тупой.

Кристос поднимается на две ступеньки, смотрит на подростка сверху вниз.

— Но романтик. Ты должен усвоить урок, малыш. Спать, жрать и срать — но романтично. В этом весь секрет. Ну ладно, дай-ка мне курнуть...

Назир зажимает окурок между пальцами, прячет руку за спину.

— Не трогай, дядя, это запрещенное вещество...

— Тем более. Не забывай о том, что разговариваешь со служащим, который давал присягу.

Подросток с вызовом сверкает глазами.

— Да что ты?

— Да-да! В наказание отдавай косячок, а заодно и пакет с травкой, который ты прячешь в кармане. Конфисковано!

Назир, нисколько не смутившись, вытаскивает из кармана пакетик с листьями и трясет им перед жандармом.

— Ты об этом говорил, дядя? Я тебе его уступлю за полторы сотни

евро. Это стоит вдвое дороже, но ты ведь почти родственник, верно?

Кристос протягивает руку.

— Продано. Деньги я оставлю твоей матери.

— Еще чего...

Пластиковый пакетик снова исчезает в кармане. Назир вытащил оттуда всего один листик.

— Ну, бери, Деррик, — он протягивает его Кристосу, держа между большим и указательным пальцами. — Подарок от фирмы! Травка из нашего огорода, утром только сорвана...

Когда Кристос, с сигаретой в руке, входит в дом, Имельда стоит к нему спиной, наклонившись над раковиной. Трое детишек, Дориан, Жоли и Амик, сидят рядом с краю стола.

— Кристос, какого черта! — вопит Имельда не оборачиваясь. — Брось сигарету!

Полицейский вздыхает.

— Только не при детях! К Назиру это тоже относится, я все слышала. Ты не должен его поощрять, ему всего пятнадцать. Он берет с тебя пример...

Кристос покашливает.

— Ну да, я для него пример, а как же! Скажи еще, что я его приемный отец, раз уж на то пошло. Имельда, со мной этот дешевый психологический шантаж не пройдет.

Чашки и тарелки стучаются о выщербленный фаянс. Ножи и вилки с грохотом сыплются в раковину.

— Сейчас же потуши сигарету. А завтра ты для начала отберешь у него пакет с травкой, а потом выдернешь всю, какая растет в саду. Не хочешь быть в роли отца, так побудь хотя бы в роли полицейского.

Кристос тушит окурок об пол. Дотягивается до бутылки рома и плюхается на деревянную табуретку.

— Ничего не скажешь, вечер удался...

Развернувшись, Имельда одним движением сгребает стоящие перед детьми тарелки и стаканы.

— Я слушала новости. В Сен-Жиле дела серьезные. Я не ждала тебя так рано.

Белый ром обжигает небо младшего лейтенанта.

— Одним придурком больше играет в прятки, одним меньше — от этого мало что меняется...

Имельда пожимает плечами. Чиркает спичкой, зажигает газ под низкой

алюминиевой кастрюлей.

— Спорю, ты ничего не ел?

Кристос только кивает в ответ. Он обожает эту черную богиню. Обожает ее карри. Обожает сидеть в ее хижине-развалюхе.

Как только он допивает ром, Жоли запрыгивает к нему на колени. Ее длинные курчавые волосы пахнут шампунем на кокосовом молоке.

— Расскажешь мне историю про злодея?

Кристос отодвигает бутылку подальше от девочки.

— Про настоящего злодея?

— Угу-у-у-у.

— Историю про злодея, который убивает креолов большим ножом? Который убивает свою жену, чтобы не делить с ней маленькую дочку?

Жоли хохочет.

— Ага-а-а-а!

Имельда убирает посуду в пластиковый кухонный шкафчик. Кристос сквозь бутылку рома смотрит на ее царственный зад. Он до безумия хочет ее прямо сейчас. Имельда просто создана для того, чтобы трахаться с ней по-собачьи.

Жоли тянет его за рукав.

— Ну, Иисус, ты будешь на мамину попу смотреть или рассказывать мне историю?

Вот паршивка!

Кристос переворачивает девочку вверх тормашками. Она хохочет во все горло. Дориан и Амик, не утерпев, лезут на ринг и получают каждый свою порцию кетча.

— Осторожно, горячее, — предупреждает Имельда, ставя перед Кристосом тарелку с карри. — Малышня, ну-ка, живо в постель!

Угрожающе замахнувшись тряпкой и тем самым заставив недовольных умолкнуть, она снова поворачивается к Кристосу.

— Мне надо с тобой поговорить. Немного попозже, когда останемся вдвоем. И серьезно...

— Тогда лучше не надо.

Имельда продолжает чуть более раздраженно:

— Поговорить про твоего сбежавшего убийцу, идиот! В этой истории, которую нам уже сто раз рассказали по телевизору, меня кое-что смущает. Кое-что странное, о чем, похоже, никто почему-то не подумал...

21 ч. 35 мин.

Двадцать минут отдыха. Айя позволяет себе устроить передышку.

На двадцать минут — по часам.

Она решила, что лучше выбраться из Сен-Жиля, и, как часто бывало, когда ей требовалось собраться с мыслями, доехала на машине до Сен-Поля, чтобы походить в темноте мимо безлюдного кладбища моряков, от пустой рыночной площади до укрытого казуаринами грота Первых Французов.

Айя только что звонила домой. Там все в порядке. Том укладывает спать Жад и Лолу. Айя терпеть не может вот так звонить, в трех фразах рассказывать, как прошел день, как можно скорее отключаться, чтобы не занимать линию, а потом выстраивать по порядку слова, набросанные в трубку сочувствующим мужем и взволнованными дочками.

Береги себя, дорогая! Мама, мы тебя по телевизору видели... Не волнуйся, дорогая, я справляюсь. Мама, ты когда вернешься? Девочки только твоего звонка ждали, сейчас выключим свет. Папа читал нам про Ти-Жана, а потом нашел хамелеона, он прятался под камнями за домом... Поцелуйте маму, девочки, она торопится...

Том — совершенство.

Он уже шесть лет как стал учителем, работает в верхней части Сен-Жиля. Занимается со старшими дошкольниками. Спокойный. Разумный. Добрый. Она часто спрашивает у него, с какой стати такой безупречный человек должен терпеть такую зануду, как она.

Ты не зануда, неизменно отвечает он. Ты цельная натура.

Цельная...

Иногда Айе кажется, что она живет с надежно закрепленной на подставке боксерской грушей: сколько раз ни ударь, всегда возвращается на место. Невредимая. Красивая боксерская груша из черного бархата. Потрясающий отец. Нежный любовник.

Айя не любит спать без Тома.

Но что поделаешь, если по острову разгуливает убийца с девочкой Лолиного возраста.

Она вытаскивает мобильник, смотрит, который час. У нее остается семь минут. Ей совершенно не из-за чего дергаться, Моресу строго велено немедленно звонить ей, если появится хоть что-то новое. Пока что он молчит.

Айя идет в сторону грота Первых Французов. Вдали виднеется порт Пуэнт-де-Гале... Именно здесь, если верить легенде, на берег сошли первые жители острова. Остров Бурбон, как его называли в те времена, до того был необитаемым. Никаких туземцев, колонистам никого убивать не

пришлось. Остров был всего-навсего камнем посреди океана, не принадлежащим никому. Или принадлежащим всем...

Айя идет мимо кладбища моряков к своей припаркованной машине. Недавно она узнала, что ее прапрадед похоронен здесь, рядом с могилами пиратов. Аби Пюрви, ее предок, прибыл на остров в 1861 году, во времена ангажизма — местный политкорректный термин для обозначения рабства после его отмены Французской республикой. Следом за африканцами и тамилами сюда тысячами везли зарабов для работы на плантациях сахарного тростника... И вот тут в метрополии как раз научились делать сахар из сахарной свеклы, после чего мгновенно рухнула вся экономика острова. Насмешка зарождающейся экономической глобализации — тысячи рабов оказались безработными. Прапрадед Айи, как и другие зарабы, пытался сколотить состояние на торговле тканями. Этническая солидарность. Он нашел себе нишу — плетеные соломенные шляпы из стеблей чайота. Они дали ему возможность выжить, во всяком случае, ему это удавалось лучше, чем большей части креолов, подыхавших с голоду.

Джалад, сын Аби Пюрви, продолжил дело отца. Чайот, соломка, шляпы — они не перестанут продаваться, пока тропическое солнце будет припекать головы. В 1906 году он женился, свадьба была в мечети Нур-аль-Ислам в Сен-Дени — самой старой мечети Франции. Купил клочок земли в Сен-Жиле, не предполагая, что как раз напротив этого каменистого участка, вдоль которого тянулась грязная канава, французы построят вокзал Сен-Дени. Поначалу он хотел перебраться оттуда куда-нибудь еще — из-за шума, дыма, толпы. Потом привык. В конце концов он сдал свою хижину жителям Сен-Дени, которые проводили выходные у лагуны. Пять лет спустя, в 1912 году, он бросил плести соломку и построил пансион на семь комнат.

Фарис, дед Айи, родился в 1915 году в большом доме, выстроенном в колониальном стиле, в верхней части Сен-Жиля. Дела семьи Пюрви шли как нельзя лучше. Теперь не только по железной дороге, но и на пассажирских судах, бросавших якорь в порту Пуэнт-де-Гале, прибывали потоки отборных туристов: руководителей предприятий, богатых семей, жаждущих экзотики. В 1937 году Фарис заложил первый камень достойного этого названия реюньонского отеля, который открылся двумя годами позже. Первые его постояльцы задержались дольше, чем предполагали: это были богатые европейцы, бежавшие от нацизма, большей частью евреи. Иудаизм — единственная религия, которой до тех пор недоставало на острове!

Отец Айи, Рахим, появился на свет одновременно с открытием отеля

«Лагуна», в 1939 году. Он был единственным сыном и нашел себе сестренку-ровесницу по имени Сара Абрамова, дочь еврея-предпринимателя, для которого отель стал убежищем на время войны и который после 1945 года не захотел покидать тропики ради молодого государства Израиль. Они росли вместе и были неразлучны, проводя время то в коридорах отеля, то на берегу лагуны. Для Фариса, Айиного деда, свадьба была делом решенным. Его деловое чутье, подкрепленное банковским счетом его тестя, давало возможность написать историю счастливого соединения евреев с мусульманами, какая могла произойти только на Реюньоне, и надежду на создание туристической империи. Когда Рахим и Сара достигли совершеннолетия, их отправили в Соединенные Штаты изучать международную торговлю. В одном и том же учебном заведении, на одном курсе. Рахим был робким и послушным, но семейное предприятие интересовало его меньше, чем его предполагаемые художественные способности, которые проявлялись в работе с фаянсом. Сара, со своей стороны, вскоре променяла креольские мелодии своего детства на рок группы Beach Boys. Она так и не вернулась домой. Подцепила светловолосого калифорнийца и осела в Сан-Диего. Прощайте, грезы о гостиничном комплексе посреди Индийского океана... Ее отец, Натан Абрамов, покинул Реюньон в 1967 году и поселился в Тель-Авиве. Рахим вернулся из Соединенных Штатов один, без денег и даже без диплома. В довершение ко всему этот недостойный сын, едва вернувшись, утешился после всех своих неудач, влюбившись в самую красивую девушку в гостинице, — Лайла, неграмотная креолка, только-только ставшая совершеннолетней, мыла туалеты. Отцовское разочарование, гнев, угрозы — ничего не помогло. Рахим, который и мечтать не мог о том, что такая красавица на него хотя бы посмотрит, впервые решился противостоять отцу. Он отплыл вместе с Лайлой на Мадагаскар, убегая от проклятий семьи и насмешек заравов и надеясь разбогатеть благодаря занятиям искусством. И снова у него ничего не вышло. Он кое-как выживал, таская камни для строительства дамбы на озере Алаотра. На Реюньон он вернулся только шесть лет спустя, после смерти отца. Лайла тогда была беременна Айей. Денег не было. Работы тоже.

Рахима встретили как зачумленного. После его отъезда отель, оказавшийся на грани разорения, перекупила крупная международная корпорация — Marriott Corporation, одним из акционеров которой был — вот ирония судьбы! — Натан Абрамов. Управляющему отеля, переименованного в «Аламанду», бельгийцу с кучей дипломов, до семейного наследия никакого дела не было. Он взял мать Айи на работу,

потому что она была красивая, а заодно уж и потому, что она знала свое дело и была местная. Время от времени, если Лайла очень уж просила, он давал работу и Рахиму — по его специальности, по фаянсу: ванны, бассейн, туалеты. Айя помнила, как другие служащие, когда она смиренно ждала родителей в гостиничном коридоре, не стеснялись при ней унижать сына прежнего хозяина. Как аукнется, так и откликнется! Фарис Пюрви был не из тех, кого могли разжалобить проблемы мелких служащих, а неудачники среди зарабов были редкостью. Только намного позже она поняла, что на Рахима все смотрели как на последнего представителя пришедшего в упадок рода, который, пытаясь восстановить династию, женился на самой красивой девушке острова... До того как ей исполнилось десять лет, ее родители жили на убогой окраине с несколькими покосившимися хибарками, отделенной от Сен-Поля и Сен-Жиля восьмидесятиметровыми скалами, потом перебрались в Флеримон. Рахим умер в пятьдесят два года, Айе тогда было семнадцать. Он оставил после себя бедную семью и удивительный дом, снизу доверху выложенный плиткой. Местная достопримечательность. Ее мать и сейчас живет в этом доме.

Айя появляется там не чаще раза в месяц. Сегодня вечером ее мать, должно быть, не отлипала от телевизионных новостей, гордясь тем, что полицейский участок ее дочери вышел на первый план, и, наверное, удивлялась странному совпадению — тому, что местом преступления оказалась «Аламанда».

Айя дошла до парковки. Через несколько часов, как и каждое утро, здесь раскинется самый красивый рынок острова. В воздухе — а может быть, только в ее воображении — стойко держался запах пряностей: кардамона, мускатного ореха, куркумы...

Телефон зазвонил, когда она уже садилась в машину.

Морес.

Что-то новое?

— Айя?

— Да, Морес?

— У нас есть новости!

— Что, Бельона поймали?

— Нет... Нет. Не горячись. Но у нас появились сведения о его прошлом. Представь себе, у Бельона на совести есть еще один труп... И если говорить о том, что давит на мозги, похоже, ничего более тяжелого не придумать.

22 ч. 13 мин.

Кристос мягко двигается под простыней туда и обратно. Тело у Имельды жаркое, складки ее кожи — будто пуховая перина, листва, сливки; он плавает в плотном море, по которому ходят волны, выплескиваются на простыни, растекаются по ним; он купается в океане околплодных вод. В ней он всякий раз становится одновременно любовником и зародышем. Он мог бы часами оставаться на взводе и двигаться внутри нее в ритме колыбельной.

Первозданный рай.

— Можно мне включить телевизор?

Кристос не успевает ответить: Имельда, продолжая лежать под навалившимся на нее жандармом, дотягивается рукой до пульта.

— Тебя это тоже отчасти касается, — вздыхает негритянка. — На всех каналах острова сегодня вечером бригада Сен-Жиля заменяет «Место преступления — Майами»...

Вот уж точно.

— Ты осознаешь, что трахаешься с Горацио Кейном?

Она прибавляет громкость.

— А ты разве не должен там быть?

— Нет... Как видишь, мы сменяемся. Я вернусь туда завтра с утра пораньше. Свеженьким. Ая требует от своих людей, чтобы они отдыхали...

И Горацио Кейн долгим и мощным движением входит в нее.

— Да уж, отдых у тебя что надо...

Кристос, опираясь на локти, продолжает мягко скользить взад и вперед внутри нее. Телевизор — нечестный соперник, но он не сдаётся...

— Кристос, там девочка в опасности.

— Ага, и еще есть торговцы наркотиками, педофилы, голодающие дети в бедных кварталах, рабовладельцы, а если у меня останется немножко времени — пьяные мотоциклисты и сводники, которые подстерегают девочек у школы. Это никогда не прекращается. И как я еще могу спать, а?

Имельда тихо застонала и выронила пульт от телевизора, бессмысленно глядя в потолок. Кристос ускоряет темп. Младший лейтенант знает наизусть каждый вздох подруги, до взрыва остается несколько секунд. Он обожает вулканические извержения ее тела.

— Он... он опасен, — задыхаясь, шепчет Имельда. — Опасен для своей дочери. Он... он уже убил другого ребенка... Это... это было...

Голова Кристоса внезапно показывается из-под простыни.

— Что? Какого еще ребенка?

Имельда, глубоко вздохнув, чуть расслабляется.

— Мальчика, на пляже Букан-Кано. Несколько лет назад. Не помнишь?

Нет, Кростос не помнит. Только реюньонские женщины способны откладывать в уголке мозга вычитанные из газет происшествия, копить их там, неделя за неделей.

— Объясни, лапушка...

— Я тебе расскажу, как помню. Это случилось лет восемь назад, не меньше. Кажется, вечером. Отец присматривал за сыном на пляже Букан-Кано. Во всяком случае, должен был присматривать. Шестилетнего мальчика нашли на следующее утро, он утонул в океане. Собственно, никто никогда толком так и не узнал, что произошло.

Кростос почувствовал, что эрекция его тает, словно эскимо, позабытое на залитой солнцем террасе.

— Черт. Ты уверена, что этим отцом был Марсьяль Бельон?

— Совершенно уверена. То же имя, и с виду похож.

По лицу младшего лейтенанта видно, что он не очень-то ей верит. Имельда спрашивает:

— Что, никому в полиции не пришло в голову сопоставить одно с другим?

— Мы считали Бельона туристом...

Оправдание кажется почти ирреальным. Они ненадолго замолкают, предоставляя выкрикам телерекламы заполнить паузу. Рука Кростоса обхватывает черную грудь, губы теребят розовый сосок.

— Кростос, ты что, не собираешься звонить коллегам? — вяло возмущается Имельда.

Кростос чувствует, как его член снова наполняется кровью. Эта женщина — ведьма, стоит только прикоснуться к ее коже, и у него встает, как у молоденького. Она, должно быть, перед его приходом прячет под кроватью зарезанных черных петухов, жжет камфару и свечи в скорлупе кокосовых орехов — словом, весь набор белой, малабарской и коморской магии.

— Завтра. Завтра прямо на рассвете. Обещаю.

И проникает в нее.

— Ты с ума сошел, — шепчет она. — Ты — позор полиции острова.

— Напротив, у меня есть принципы. Профсоюзный перерыв! Не все ли равно, выложу я им это все сегодня ночью или завтра утром. Этот тип где-то бегают...

Он по-детски пристраивает голову на ее уютном плече, а нижняя часть

его туловища тем временем не перестает двигаться, и его плоть забирается все глубже в тайные лабиринты тела Имельды. Дикая и влажная пещера, куда никогда не входил ни один зорей.

22 ч. 32 мин.

Имельда гладит Крестоса по голове. Он, как всегда, уснул, едва кончил. Не переставая его поглаживать, левой рукой она берет с прикроватного столика грязную книгу с пожелтевшими страницами. Агата Кристи, «Немезида». Рассеянно перелистывает. Она снова думает об этом деле. О том, что говорили по телевизору, о том, что рассказал ей Крестос, об исчезновении этой женщины, о смерти Родена, о бегстве этого типа, о показаниях служащих отеля. Все сходится.

Истрепанные страницы книги с трудом разлепляются. А в показаниях что-то не склеивается. Еще тогда, сразу после того, как мальчик утонул в океане, ее смутили некоторые подробности. Надо постараться вспомнить. Может, поискать газеты того времени? Старуха Мари-Колетт с улицы Иоанна XXIII хранит у себя все ежедневные издания Реюньона за последние тридцать лет.

Да как же его звали, того утонувшего малыша?

Она переворачивает страницы «Немезиды». Эту книгу Назир откопал для нее на барахолке в Сен-Жозефе. Крестосу нравится называть Имельду своей мисс Катриной Марпл. В самую точку, если учесть, что она проглатывает больше сотни романов за год. Весь квартал тащит ей книги, у половины недостает последней главы. Это дело напоминает ей роман, который она читала лет десять назад, «Kahului Bay», история такая же, как у Бельона, только все происходит на Гавайях. Все факты, казалось, говорили о том, что виноват этот тип... Вот только существовал еще один персонаж, свидетель, который появлялся в этой истории намного позже и менял весь расклад. Как всегда, несмотря на все старания автора ее обдурить, Имельда догадалась обо всем задолго до финала.

Крестос мурлычет, словно котенок.

Имельде надо поработать мозгами. Начать с самого простого. Порыться в своей слоновьей памяти.

Как его звали, того шестилетнего мальчика?

ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АПРЕЛЯ 2013 Г

7 ч. 21 мин.

Я вижу в зеркале папину руку с блестящим лезвием. Наточенным. Острым.

Папа приближает его к моему затылку, я чувствую, какое оно холодное.

До крови закусываю губы.

Я трясусь от страха, но не решаюсь выговорить ни слова. Папа стоит у меня за спиной. Он, наверное, догадывается о том, как я боюсь, чувствует, как я дрожу, видит, что вся кожа у меня покрылась пупырышками.

Папа придвигает лезвие еще ближе. Теперь острие упирается мне в шею. Совершенно ледяное. Лезвие поднимается к моему левому уху.

Я стараюсь совсем не шевелиться, я должна просто ждать и не двигаться. И не кричать. И не пугаться.

А то папа может сделать мне больно.

Может нечаянно меня поранить.

Мой папа не очень ловкий.

В умывальник падают клочья волос.

У меня текут слезы. Я обещала папе, что не буду плакать, но это трудно.

Папа же объяснил мне: для того чтобы найти маму, мы должны очень рано встать и как можно быстрее выехать, нам назначили встречу на другом конце острова. И еще он сказал мне, что я должна быть самой смелой девочкой на свете.

Я смелая, я обещаю, что буду смелой, я хочу найти маму. Но все-таки мои волосы... Я мечтала, что они отрастут до попы и будут такие же красивые, как у мамы, я была готова ждать этого несколько лет и часами расчесывать и распутывать их каждое утро.

А папа взял ножницы и разом их отстриг. Ну просто ужас.

Странная все-таки мысль — сделать из меня мальчика! Ему это пришло в голову, когда он смотрел на фотографии в комнате, где я спала. На них был мальчик, ему примерно столько же лет, сколько мне, и он время от времени живет в этой комнате, когда приезжает к бабуле на каникулы. Хорошо, наверное, когда у тебя есть бабуля на Реюньоне. Это лучше, чем гостиница. И потом, с виду она добрая, и немножко смешная, с этими ее

голубыми волосами. На всех фотографиях у нее длинные бусы из ракушек или из крокодильих зубов.

«Ты сможешь переодеться мальчиком, — сказал мне папа. — Это будет, как на карнавале».

Он заставил себя засмеяться. А я — нет. Когда папа старается шутить, у него редко получается смешно.

Лезвия ножниц пробираются у меня за ушами, стригут еще короче.

На самом деле я знаю, почему папа хочет переодеть меня мальчиком. Не для того, чтобы меня не узнали. Не только для этого.

Решив застигнуть папу врасплох, я оборачиваюсь.

— Папа, а скажи, это правда, что у меня был братик? Раньше был. И я его не знаю, потому что он умер.

Папа чуть ножницы не выронил. В последний момент он успел их подхватить, но все-таки немножко уколол мне шею, наверху, за ухом. Я так ждала ответа, что почти и не почувствовала.

Вот только папа мне не ответил.

7 ч. 24 мин.

Марсьяль долго молчал, несколько минут, прежде чем заговорить снова. Можно подумать, он надеялся, что Софе наскучит ждать и она забудет свой вопрос.

— Ты очень красивая в роли мальчика, солнышко мое.

Ее отражение в зеркале показывает ему язык.

Еще немножко подстричь. Хоть сколько-нибудь подравнять челку. Сосредоточиться на этой работе парикмахера-дилетанта, хотя думать он сейчас способен только об одном.

Отправить дочку на улицу одну — безумная мысль. Но у него нет другого выхода.

— Ты все поняла, маленькая моя? Я приготовил список, тебе надо только показать его продавцу.

— А прочитать нельзя? Знаешь, папа, я умею читать!

Он, как услужливый парикмахер, склоняется над дочкиной шеей.

— Солнышко мое, ты должна как можно меньше разговаривать. Никто не должен заметить, что ты — девочка. Так вот, ты только покажешь ему список и убедишься, что он все тебе дал. Карта в масштабе 1:25 000.

— Очень сложно...

— Компас.

— Остальное я знаю. Фрукты и сэндвичи.

— А если спрысят, ты скажешь, что тебя зовут...

— Поль!

— Да.

Он заставляет себя рассмеяться. И смеется в одиночестве. Ему никогда не удастся насмешить Софу.

— Дорогу я тебе уже объяснил, надо идти к морю, все время прямо, вниз по широкой пешеходной улице. Все магазины там. Разговаривай только с продавцами, больше ни с кем, понятно?

— Понятно. Я уже не маленькая.

Марсьяль снимает с дочки покрытое волосами полотенце. Софа недоверчиво разглядывает себя в зеркале: неужели это она со стрижкой под горшок? Под выщербленный горшок.

— Мама всегда добавляет в конце списка покупок еще две строчки. Сюрприз для своей любимой дочки и сюрприз для своего милого-дорогого.

Совершенно верно. Лиана умела любую неприятную или скучную обязанность превращать в игру. Он медлит с ответом.

— Самым лучшим сюрпризом, солнышко, будет вернуться как можно скорее.

Он подходит к двери, приоткрывает ее, внимательно оглядывает пустую улицу.

— Постой, Софа, последний штришок.

Он наклоняется к дочке и сажает ей на нос темные очки, найденные им на полочке в прихожей.

— Слушай внимательно, Софа. Ты, может быть, с трудом меня узнаешь, когда вернешься. Я тоже замаскируюсь, подстригу волосы, сбрею бороду. Понимаешь?

— Да...

Трудно хоть что-нибудь прочесть во взгляде Софы.

Она боится? Удивляется? Возбуждена тем, что кажется ей игрой?

Марсьяль пропускает между пальцев дочкины коротенькие прядки. К его руке десятками липнут мелкие неживые волоски.

— Ну беги, моя умница.

7 ч. 51 мин.

— Чаю, дорогая моя?

Сначала Айя пошевелила ноздрями, приняхиваясь к горячему пару. Потом открыла глаза. Поднос. Чашка, чайник, сахарница. Корзинка с тремя круассанами.

Четвертый Кростос затолкал в рот и весь обсыпался крошками.

— Ты хоть поспала, Айя? Ну и видок у тебя — как у измученной бессонницей старушонки.

— Спасибо, Крис. Приятно, едва проснувшись, услышать комплимент. Да, поспала часок урывками, минут по десять.

— Я слушал радио по дороге. Так, значит, ничего нового?

— Ничего. Можно подумать, Бельон растворился в воздухе. Я разговаривала по телефону с Ларошем, который дирижирует планом «Папанг». Над всем островом с рассвета кружили шесть вертолетов. Нигде ни следа ни серой «клио», ни Бельона, ни его дочери. Ларош на Реюньоне полгода. Он должен мне перезвонить, как только поговорит с префектом. Он... он производит впечатление компетентного специалиста.

— В тон не попадаешь, Айя.

— Что?

— В тон не попадаешь, когда произносишь эти слова — «компетентный специалист».

Айя вздыхает, потягивается, обхватывает обеими руками обжигающую чашку. Кростос присаживается на подоконник.

— Зато у меня новости есть. И не какие-нибудь...

У Айи заблестели глаза. Последние ночные звездочки между сном и пробуждением.

— Правда? Ты даже в койке трудишься?

— Ты попала в самую точку. Я получил сведения от подруги. В голове у нее все равно что процессор Intel Core, а к нему еще память, как у слона, типа жесткий диск на три терабайта, и эта память занимается исключительно тем, что сортирует реюньонскую хронику происшествий с начала времен. Короче, моя подруга по койке уверяет, что несколько лет назад Марсьяль Бельон был замешан в мутную историю — там мальчонка утонул на пляже Букан-Кано.

Глаза у Айи тускнеют. Южный Крест растворяется в бледных утренних лучах.

— Ты в это не веришь? — спрашивает разочарованный Крестос.

— Верю... нам всего-навсего семь раз позвонили со вчерашнего дня, чтобы рассказать ту же самую историю. У реюньонцев фантастическая память на самые поганые местные происшествия... Во всяком случае, получше, чем у нас. Ни один из полицейских острова не связал этого беглого французского туриста и давний случай с утонувшим мальчиком. Сам понимаешь, после этого мы начали копать, я получила несколько мейлов из метрополии, мне надо внимательно их перечитать, но если вкратце: Марсьяль Бельон потерял своего первого ребенка от первой жены, той, которая была до Лианы. Мальчика звали Алекс. Ему было шесть лет. Он утонул в океане. Бельон, с которым его оставили, недоглядел. Пока что я не вижу связи с двойным убийством в Сен-Жиле. Зато хорошо понимаю, что наш турист, затерянный во враждебной среде, на самом деле знает остров как свои пять пальцев.

— Айя, надо уметь во всем находить хорошую сторону, — насмешливо замечает Крестос. — Он, конечно, нас поимел, но у нас есть смягчающие обстоятельства.

— Бельон прожил на острове девять лет, — продолжает, будто ничего и не слышала, капитан Пюрви, — с 1994-го по 2003-й. Работал в гребном клубе. Судя по тем сведениям, которыми управление, так уж и быть, со мной поделилось, у Бельона на острове кое-кто остался. Приятель в Ланжевене, раньше они вместе занимались подводным плаванием, владелец плантации сахарного тростника у реки Мат и бывшая жена в Равин-а-Малер. Все они утверждают, что после его возвращения в метрополию потеряли с ним всякую связь и даже теперь, когда он снова прилетел на остров, с ним не виделись. Тем не менее все они под наблюдением: прослушка, слежка, полный набор... Но Бельон не подавал признаков жизни.

Крестос доедает уже второй круассан.

— Он не так-то прост. Извини, дорогая, за бесполезные сведения...

— Ты не виноват. Извини за то, что вчера так грубо тебя послала...

— Сам напросился. И потом, ты была совершенно вымотанная. А сейчас еще того хуже... Тебе бы еще часок-другой поспать...

Айя дует на слишком горячий чай.

— Нет уж, милый мой, только не теперь. Я чувствую, что все произойдет в ближайшие несколько часов. Бельон на всю ночь где-то затаился, но ему непременно придется вылезти из норы, чтобы запастись

едой... Кростос, он не просто так сбежал, у него есть цель. Совершенно определенная цель.

— Айя, если бы я предложил тебе помощь, несколько, как бы это сказать, нестандартную, ты бы согласилась ее принять?

— В моем теперешнем положении...

— Моя подруга по койке, негритянка с процессором Intel Core в голове, всю ночь думала над этой историей. Она тоже считает, что здесь дело нечисто. Что-то за всем этим кроется.

— Надо уметь переключать свои обязанности на других, Кростос. На чем она гадает, твоя подружка? На козлиных потрохах, на кофейной гуще? Коморское гадание?

— Скорее гадание по Харлану Кобену.^[29] Угадывает за три главы до конца книги...

Айя обжигает горло чаем, морщится и решает:

— Ладно, в конце концов, почему бы и нет? Скажи ей, чтобы зашла, хуже не будет...

Кростос улыбается.

— Замечательно, шеф. Ты не разочаруешься. Имельда — это такая глыба.

Он вытаскивает из кармана пакетик с травкой, делает самокрутку. Айя хмурится.

— Кростос, успокой меня, ты ведь не станешь курить здесь коноплю? Как-никак это полицейский участок. И тем более сегодня, когда вот-вот сюда явится управление в полном составе...

— Спокойно, Айя. Мы на веранде, рядом с морем, пассаты все унесут... И потом, это было доброе дело, травку я перед уходом конфисковал у ребенка!

Айя безнадежно вздыхает.

— Отстань. У меня нет ни малейшего желания еще и сегодня с утра с тобой ругаться.

Кростос затягивается.

— А больше ничего нового, дорогая моя?

— Как же, минуты без этого не проходит... Еще бы — план «Папанг», десятки людей к этому подключены, здесь и в метрополии.

— Ну тогда выкладывай с разбором. Только самые пикантные подробности.

— Насчет пикантных ты в самую точку. Среди самых свежих новостей — компьютерчики из управления немного покопали насчет Журденов. Эта парочка действительно не была знакома с Бельонами до того, как они

несколько дней назад встретились на острове. Но зато...

Младший лейтенант ухмыляется, не выпуская изо рта самокрутки, он предчувствует, что продолжение ему понравится.

— Но зато?

— Им пришло в голову пошарить в сети, в частности, проверить, как там обстоят дела у Журдена. Угадай, что этот скрытник прячет у себя на Пикасе?

— Это такая штука, где хранятся фотографии, да?

— Бинго, Крис! Жак Журден коллекционирует сделанные тайком фотографии молоденьких и хорошеньких туристов в одних трусиках, от расплывчатых снимков, которые он нащелкал на пляже в упор своим мобильником, до других — в стиле папарацци, сделанных хорошей камерой с трансфокатором.

— Вау! Не ожидал от адвоката такого. А можно его за это посадить?

— Не так просто. Правда, среди прочих девиц, которых он там у себя выложил, не меньше десятка фотографий Лианы Бельон. Нашей красавице явно нравилось загорать так, чтобы не оставалось следов от купальника.

Кристос расплывается в улыбке, косячок чудом удерживается у него в зубах.

— Можно взглянуть на снимки? Я готов прямо сейчас этим заняться!

Айя хохочет.

— В управлении уже нашлось несколько таких же озабоченных, они раньше тебя вызвались добровольцами. Не надо было прогуливать, голубчик...

Кристос роняет самокрутку.

— Я не меньше твоего ненавижу этих типов из управления! Думаешь, Жак Журден положил глаз на Лиану Бельон?

— Как знать...

Капитан Пюрви допивает чай и только потом снова поднимает глаза на Крестоса.

— Я для тебя кое-что другое приготовила. Раз уж ты так рано встал, не хочешь ли с пользой потрудиться?

— Дорогая моя, я и встал только ради этого! И, если уж говорить все как есть, я даже от утреннего секса отказался...

Айя со вздохом отставляет чашку.

— У нас появилась еще одна зацепка, надо проверить! Сегодня ночью, после экстренных сообщений по телевизору, позвонила одна девица, Шарлина Тай-Ленг, она работает регистраторшей в аэропорту Сен-Дени. Судя по тому, что она рассказала нам по телефону, Марсьяль Бельон пять

дней назад, за сорок восемь часов до двойного убийства, обращался к ней, хотел поменять билет на самолет. Если это подтвердится, ко всем обвинениям против Бельона вполне можно будет добавить заранее обдуманый умысел. Сегодня у нее выходной. Она живет в Рокфее.^[30] Сейчас она дома, ждет, чтобы кто-то из полиции пришел записать ее показания.

Айя протягивает ему бумажку с нацарапанным на ней адресом. Младший лейтенант давит ногой окурок.

— Ну, красавица моя, если ты решила играть на моих чувствах... Я просто о-бо-жа-аю стюардесс, — и, глядя на усталое лицо начальницы, прибавляет: — Ничего, Айя. Тиски сжимаются. Мы его возьмем, мы обязательно его возьмем.

Ястреб взлетает, все замирает

8 ч. 04 мин.

Я иду по широкой пешеходной улице, которая спускается к морю. Дома по обе ее стороны похожи на неярко раскрашенные кубики и на новенькие кукольные домики, у которых снимается крыша и разбираются стены. Стараюсь прочесть название улицы на табличке, прикрепленной под зеленым крестом аптеки. «Аллея Родригеса».

С той минуты, как папа закрыл за мной дверь, я делаю все в точности, как он велел. Я его слушаюсь. Не бежать. Идти по тротуару. Спуститься по лестнице. Перейти дорогу. Когда попаду на широкую аллею, по ней бежать тоже нельзя.

Я хорошо запомнила, что надо делать потом. В каждом магазине надо показывать продавцу список покупок.

Подождать. Заплатить.

Это легко, даже при том, что из-за больших темных очков я ничего не вижу, как только оказываюсь в тени.

Но папа очень строго сказал, что я не должна их снимать!

Там, внизу, в конце улицы, у самого пляжа, стоит полицейский в форме. Больше никого рядом нет. Он стоит прямо, неподвижно и только глазами водит туда-сюда, будто ленивый кот, подстерегающий воробьев.

Теперь он смотрит на меня. Наверное, я что-то такое сделала, что его удивило. Хорошо еще, что я не закричала, не побежала — я сдерживалась, как могла, хотя в голове у меня такое творилось!

Это я в газете!

Огромная фотография на первой странице — я с папой и мамой. Почти перед всеми магазинами лежат стопки газет. И все равно я должна идти спокойно, как папа велел. Мне надо их перехитрить. На газетной фотографии я в желтом платье, с длинными волосами и глаза видно. Никто не может меня узнать. И уж точно — не этот толстый полицейский котище.

Смело вхожу в лавочку.

— И чего же ты хочешь, деточка?

Молча, словно воды в рот набрала, протягиваю список тетеньке, стоящей среди деревянных ящиков. Мне надо хлеба, ветчины, печенья и бананов. Она целый час укладывает все это в пакеты, а потом еще целый час отсчитывает мне сдачу. Когда со всем этим покончено, я тихонько,

почти шепотом, говорю:

— Спасибо, мадам.

Папа сказал, чтобы я не старалась изменить голос, просто надо говорить как можно тише, как будто я очень застенчивая.

Выхожу на улицу. Толстый полицейский котище все еще здесь, стоит неподвижно, но мне кажется, что он подобрался ближе, как в «замри-отомри».

Иду дальше как ни в чем не бывало.

Четыре магазина. Два с одеждой, один цветочный и блинная.

Прохожу мимо. Заставляю себя идти не спеша.

Книжный магазин.

Вхожу.

— Что ты ищешь, малыш?

Поднимаю глаза — и мне тут же становится страшно.

Китаец.

Я боюсь китайцев, после людоедов и карибских пиратов я больше всего на свете боюсь китайцев. Я даже в Париже, в ресторанах, их боюсь. Когда мы с мамой идем по магазинам, часто заходим в китайские рестораны, маме там еда очень нравится, а мне — нет. В школе Тимео рассказывал, что они едят всякие странные штуки: бездомных собак, пауков, безглазых рыб. А здесь вот — липучие огурцы. Я медленно разворачиваю папин список и молча обзываю себя идиоткой.

Я же прекрасно знаю, что Тимео болтает всякие глупости. И потом, этот-то китаец продает книги.

И газеты.

Опять натыкаюсь на свою фотографию, газета оказалась у меня прямо перед глазами. Читаю про себя, что написано большими печатными буквами.

У-БИЙ-ЦА В БЕ-ГАХ.

— Тебе газету, малыш? Ты уже умеешь читать?

Я опускаю голову, смотрю на свои мальчишковые сандалии. Мне надо купить всего одну вещь, но для того, чтобы сказать, что мне надо, я должна прочесть, а в магазине слишком темно, темнее, чем в пещере у троллей. Ничего не поделаешь, по-другому никак не получится, я снимаю темные очки и отчетливо говорю:

— Карту 1:25 000. 4406PT.^[31]

Китаец, четверть секунды подумав, протягивает мне сложенную

книжечкой голубую карту.

— Что, малыш, собираешься с родителями на пикник в горах?

Ничего не отвечаю, протягиваю деньги, не поднимая головы, — до чего же у меня уродские сандалии. Вообще-то это даже лучше, что мне попался китаец. Он, наверное, подумал, что я его боюсь. Он, наверное, привык.

Я все купила. Выхожу на улицу.

Полицейский сдвинулся с места. Он жульничает, он идет по пешеходной улице, сейчас он как раз надо мной. Я не смогу его обойти, мы обязательно встретимся, когда я буду подниматься к дому бабушки с голубыми волосами, где меня ждет папа.

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.

Он не может меня узнать!

Еще двадцать метров.

Так, в «замри-отомри» больше не играем, переключаемся на «цыплят и ястреба». В «цыплят и ястреба» я играю лучше всех, мне всегда удается перебежать через всю площадку, и никто не может меня поймать. Там вся хитрость в том, чтобы стать незаметной. Не носиться без толку, как мальчишки, которые воображают, будто бегают быстрее всех, а сами всегда раньше меня попадают.

Я прохожу мимо жандарма с той же скоростью, не быстрее и не медленнее, чем шла, и даже головы не поворачиваю. Может, он на меня уставился, может, он смотрит мне в спину, может, он глаз с меня не сводит, а мне все равно, все равно, все равно — он не может меня узнать, этот толстый глупый ястреб.

Еще тридцать метров.

Мне осталось только перейти дорогу. Теперь я могу обернуться.

Полицейский далеко, на другом конце улицы, он идет в сторону пляжа.

Я же говорила, что играю лучше всех!

Как только я перейду дорогу, мне останется только подняться по лестнице, в ней двадцать ступенек, а потом можно будет побежать, бежать быстро, очень быстро, и до чего же мне этого хочется. Вот только сначала пусть проедут машины.

Машина вообще-то всего одна. Большая, черная, с очень высокими колесами, это чтобы ездить по горным дорогам. Она сбавляет скорость. Останавливается, чтобы меня пропустить.

Я начинаю переходить и машинально поворачиваю голову.

До чего же странный человек за рулем! У него смуглая, почти

оранжевая кожа, на нем индийская рубашка, а на голове зеленая бейсболка с пришитым к ней большим красным тигром. Малабар — так папа их называет, в гостинице тоже был один такой, лужайки подстригал. И он тоже в темных очках.

Оранжевый человек оборачивается и все время смотрит на меня, пока я перехожу улицу и поднимаюсь по лестнице, огибая пальму. Мне страшно, у меня мурашки по всему телу бегают, ноги дрожат, я не вижу глаз этого человека, но... я почти уверена: он догадался, что я только переделась мальчиком.

Он знает, что я девочка! Он не попался на удочку, как тупой полицейский или китаец-людоед из книжного магазина.

Вообще-то, если быстро-быстро подумать, малабаров я боюсь еще больше, чем китайцев.

Ноги у меня дрожат, как будто эта улица с ее тремя пальмами тянется бесконечно или как будто мне надо не по ней пройти, а через заколдованный лес.

Ну и дура же я. Я же почти дошла. Папа ждет меня там, за поворотом, вот-вот покажется наш дом. Теперь я бегу по тротуару не оборачиваясь, не глядя на большую черную машину, которая, наверное, уже тронулась с места.

Папа!

Входная дверь открывается, и я сразу узнаю папу, хоть он и выглядит странно с этой очень-очень короткой стрижкой, и рот без усов и бороды у него какой-то совсем крошечный. Я влетаю в коридор, папа закрывает за мной дверь, обнимает и целует меня.

Обожаю, когда папа меня обнимает и целует. Это случается нечасто. В общем-то мне нравится, что я осталась с папой одна. С ним интереснее, с мамой мы в такие игры не играли.

И я в этих играх побеждаю! Я отдаю папе свои пакеты, я все сделала как надо, я добыла сокровища и не попалась! А главное — мы уже сегодня после обеда поедим к маме!

Папа заглядывает в первый пакет, проверяет, что в нем лежит, видно, что он доволен, он мной гордится, он проводит рукой по моим волосам, как будто хочет их растрепать.

Мне только хочется поплакать из-за волос. Теперь мне кажется, что незачем было их отрезать. Вполне достаточно было бы надеть бейсболку, зеленую и с тигром, как у того малабара.

Марсьяль проверяет последний пакет, тот, в котором лежит карта.

— Солнышко, ты просто героиня!

— А теперь мы поедem к маме?

Марсьяль берет ее на руки.

— Софа, слушай меня внимательно. Я сейчас запрю входную дверь на ключ. Включу тебе телевизор. Сделай звук как можно тише и, главное, никому не открывай. Не вставай с дивана. Теперь, раз ты уже дома, я хочу принять душ. Всего пять минут, а потом поедem...

8 ч. 21 мин.

Я минуты две посмотрела «Титефа», не больше, а потом слышу — прямо перед домом машина. Встать или лучше не надо?

Еще убавляю звук. Титеф мгновенно затыкается!

В гараже, который папа оставил открытым, какой-то шум.

Как будто туда заехала машина.

Мне бы хоть к окошку подойти, чтобы проверить. Мне, правда, кажется, что эта машина не на улице паркуется. Она здесь, совсем рядом, я слышу, как работает мотор.

Между домом и гаражом есть дверь. Может оказаться, что она открыта.

А вдруг кто-нибудь войдет?

Я почему-то вспомнила малабара с оранжевым лицом, в черной машине с большими колесами. Надо позвать папу, но он же сказал, чтобы я сидела как можно тише. А для того, чтобы он под душем меня услышал, надо громко кричать. Я не могу пойти в ванную, он мне даже с дивана вставать не разрешил.

Если только...

Я встаю. Тихонько подкрадываюсь к двери ванной, мои ноги тонут в толстом ковре.

Ничего. Больше ничего. Я больше никаких звуков не слышу.

Ни Титефа, ни Надю, они молча открывают рты в телевизоре.

Ни в гараже.

Я даже не слышу, как шумит вода в душе.

8 ч. 32 мин.

— Полковник, вы что — не понимаете? Снять заграждения сейчас было бы предельной глупостью.

Айя вцепилась в телефон. Ларош позвонил ей сразу после того, как поговорил с префектом. Самое большее — десять минут. А префект непосредственно перед этим связывался с каким-нибудь министром — внутренних дел или по делам заморских департаментов. Самое большее — на две минуты. И потом все явно пошло по нарастающей. Бюрократический поток усиливался на каждом административном уровне и в конце концов выплеснулся на нее из уст полковника Лароша.

— У меня со вчерашнего вечера тридцать человек торчат в ваших дурацких заграждениях, капитан Пюрви... И единственный результат всего этого — бардак, какого Реюньон не знал с февраля 2006 года, когда завалило приморское шоссе.

— Полковник, поверьте мне! Бельон выберется из своей норы, ему пришлось где-то затаиться на ночь, чтобы его дочка могла поспать, у него не было выбора, но теперь он попытается что-то предпринять... Нам надо только набраться терпения.

Айя смотрит на проекцию карты Сен-Жиля на стене полицейского участка. Осмотрены уже не меньше трети домов.

— Если только Бельон не оказался к этому времени на другом конце острова...

Ларош произнес это спокойно. Хладнокровно. Без напора.

Айя взрывается.

— Этого не может быть! Мы набросили на Бельона лассо. И теперь достаточно потихоньку затягивать петлю. Я знаю эти места, полковник...

— Не сомневаюсь, капитан Пюрви. Знаете лучше, чем я, — вы ведь на это намекаете? Но одно другому не мешает: я знаю свое дело, и у меня толковые сотрудники. Сегодня понедельник после Пасхи, день традиционного креольского пикника в горах. Все население покидает города. Ваши заграждения, из-за которых нарушится местная гастрономическая традиция, войдут в историю острова.

— Вот именно, полковник. Бельону это известно. Он попытается воспользоваться моментом, чтобы уйти из сети.

Ларош делает паузу, как будто ему надо подумать. Вообще-то Айя должна была рассказать ему про девушку из аэропорта, к которой обращался Марсьяль Бельон. Скрывать такого рода сведения — профессиональное нарушение, и она это сознает. Но она-то на самом деле ничего не утаивает, просто дает себе небольшую отсрочку. Как только Кростос явится с отчетом, она сразу обо всем и сообщит. Если это действительно важно...

Ларош на другом конце провода вздыхает.

— Хорошо, капитан Пюрви. Мы еще на несколько часов оставим заграждения вокруг Сен-Жиля. Оглушим, конечно, от воплей, но все равно у нас пока никакой другой версии нет.

Айя прислоняется к белой стене зала. Она победила.

— Спасибо, полковник. Люди уже совершенно выдохлись, они всю ночь не спали, но, если я попрошу их еще некоторое время продержаться, они останутся...

— Не перестарайтесь, капитан Пюрви.

— Что вы хотите этим сказать?

Ларош не раздражается. Айя подозревает, что у него заведены карточки на всех офицеров острова, и там должны быть указаны особенности характера капитана Айи Пюрви. И подчеркнуты красным.

— Как бы вам объяснить, капитан? Чтобы было проще, воспользуюсь вашей же недавней метафорой, помните, вы говорили про лассо и петлю? Хорошо сказано, но неверно. Точнее, она не полностью описывает ситуацию. План «Папанг» — операция предельно сложная, даже на таком острове, как Реюньон. Мы не накидываем лассо, мы раскидываем сеть, состоящую из многих связанных между собой нитей. Вот это-то и есть самое главное, капитан, то есть способ, каким они связаны. Речь идет не о простой сетке, а скорее о нескольких окружностях, вписанных одна в другую, от первой и самой простой, очерчивающей несколько сотен метров вокруг того места, где бесследно исчез Бельон, до более сложных, для которых требуется множество людей и транспортных средств, требуются системы наблюдения, специализированные бригады...

Куда он клонит, этот мудака?

— Можете не сомневаться, капитан Пюрви, мы полностью на вас полагаемся...

Снова пауза. На этот раз — хорошо рассчитанная.

— ...в том, чтобы удержать в руках веревку первой окружности.

Айя представляет себе лицемерную улыбку Лароша. Вряд ли он догадывается, что в эту минуту она показывает ему средний палец.

8 ч. 36 мин.

Айя устроилась в гамаке, подвешенном между двумя казуаринами, поставила на колени ноутбук. Ей всегда казалось, что глупо было вешать гамак на парковке полицейского участка (еще одна дурацкая выдумка Кристоса), но не станет же она из-за такой чепухи восстанавливать против себя всех коллег... А сегодня, после почти бессонной ночи, ей нравится, вот так покачиваясь, просматривать почту.

Солнце поднялось еще невысоко, между домами пробирается ветер с океана... Самое время, сидя в тени пальм, ненадолго отвлечься от погони и сосредоточиться на психологии Марсьяля Бельона. Несмотря на то что Айя не очень-то верит в туманные теории насчет убийц-рецидивистов, которыми им забивали головы в школе полиции так называемые специалисты по профилированию: способ действий, почерк, нарциссическое расстройство личности, кататимный кризис и прочая чушь в том же роде, она всегда считала, что эти полицейские, создавая видимость деятельности, прикрывают таким способом свою профнепригодность, вроде тех преподавателей, которые неспособны читать лекции и которых запикивают в институты повышения квалификации.

Полицейское управление засуетилось, они разослали всем бригадам, которым поручено было натягивать одну из веревок пресловутой Ларошевой сети, защищенное письмо с четырьмя вложениями. Айя открыла первое. Это было срочное сообщение от комиссара Дей-ла-Барра, содержащее краткие сведения о Марсьяле Бельоне.

Родился в Палезо в 1972 году. Детство провел в Орсе, затем жил в Лез-Юлисе.

Проучившись два года на факультете физкультуры и спорта в университете Париж-юг-ХІ, он бросил учебу, не получив диплома, — только два свидетельства, инструктора по плаванию и сопровождающего на каяке, и отплыл на Реюньон. Ему тогда был двадцать один год. Он стал спортивным организатором в гребном клубе в Сен-Жиле, проработал там девять лет. В сентябре 1996 года женился на Грациелле Доре, управляющей баром-рестораном «Кап-Шампань» на пляже Букан-Кано. Грациелла была на четвертом месяце беременности. Алекс родился 11 марта. Полтора года спустя его родители развелись и присматривали за ребенком по очереди. Одни выходные малыш проводил с мамой, другие — с папой.

В воскресенье 4 мая 2003 года — на той неделе была очередь Марсьяля брать к себе сына — туристы обнаружили тело Алекса: мальчик утонул в океане. Происшествие в течение нескольких дней занимало

первые полосы газет. Следователь долго колебался между убийством по неосторожности и причинением смерти в результате случайного стечения обстоятельств, в конце концов, после долгих обсуждений, было решено, что произошло причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств, что позволило Марсьялю Бельону избежать исправительного суда... и чем объясняется, почему в полицейских картотеках не сохранилось никаких следов этого дела.

Несколько месяцев спустя Марсьяль Бельон покинул остров. Вернулся во Францию. В 2005 году он познакомился с Лианой Армати. В январе 2007 года родилась Жозафа. С 2009 года Марсьяль работает охранником спортивного зала в Дей-ла-Барре. Лиана Бельон бросила учебу ради того, чтобы растить их дочь.

Это все.

Айя зевает. Солнечные лучи, пробираясь сквозь кроны казуарин, припекают ей затылок. Гамак покачивается. Ей кажется, будто она плывет по океану на надувном матрасе.

По океану, где есть вайфай.

Снова зевнув, она открывает второе вложение.

Там оказывается краткий протокол несчастного случая с Алексом Бельоном, составленный следователем Мартен-Гайяром, который вел это дело.

В тот вечер, когда случилась трагедия, Алекс был с Марсьялем Бельоном. Все произошло между 22 часами — в это время Марсьяль забрал сына у матери на пляже Букан-Кано — и 6 часами утра, когда на другом конце пляжа было найдено тело шестилетнего утопленника. Расследование установило вину Бельона, было доказано, что отец не следил за мальчиком. Все посетители бара, расположенного в сотне метров от пляжа Букан-Кано, подтвердили, что в то время, когда утонул его сын, Марсьяль Бельон сидел там и пил ром, стакан за стаканом. Отягчающее обстоятельство — Марсьяль Бельон так и не поднял тревогу. Печальную новость сообщили ему полицейские, явившись на следующее утро в его квартиру в Сен-Поле. У Марсьяля в крови нашли 1,2 грамма алкоголя, а в моче — 150 нанограммов конопли.

Ничего себе...

Айя закрывает глаза. Разумеется, она думает о Жад и Лоле.

Как родители могут пережить такое несчастье?

Что после этого еще можно построить?

Сделался ли Марсьяль Бельон чудовищем по недосмотру? Почти случайно? Она представляет себе идиотское и вместе с тем омерзительное

стечение обстоятельств. «Алекс, побудь здесь, никуда не уходи, папа только покурит и выпьет рюмочку в баре на том конце пляжа и сразу вернется, детям в таких местах делать нечего...»

Неужели несколько лишних стаканчиков могут все перевернуть? Сначала одну жизнь, потом еще...

Лиана Бельон. Роден. Софа Бельон.

Айя открывает третье вложение: появляется копия в формате pdf — статья из реюньонской ежедневной газеты, датированная 1 июля 2003 года, то есть написанная спустя два месяца после несчастного случая. В заметке сообщается о закрытии бара-ресторана «Кап-Шампань», которым управляла Грациелла Доре. Журналист не упустил случая напомнить о трагической смерти Алекса, чтобы выжать слезу у читателя. Да, он понимает, что Грациелле Доре трудно оставаться здесь, рядом с волнами, которые вынесли на песок безжизненное тело ее сына, но последствия закрытия ресторана также трагичны: со дня на день семь креолов останутся без работы! Бармен, официанты, повара...

...Уборщицы...

Айя отмечает странное совпадение. Ее собственные родители не один год проработали в отеле «Аламанда». Временная работа, как и у тех семи креолов, о которых говорится в статье. Взволнованная Айя продолжает рассуждать: наверное, некоторые из этих креолов, оставшихся без работы из-за смерти Алекса Бельона, пытались устроиться на работу в «Аламанду». Однако ни один из служащих отеля, которых допрашивали после исчезновения Лианы Бельон, не упомянул об этой давней истории.

Габен Пайе.

Ева Мария Нативель.

Наиво Рандриасолоаримино.

Танги Дижу.

Почему?

Айя краем сознания отмечает, что надо узнать имена этих семи работников ресторана «Кап-Шампань». Все ее расследование с самого начала опиралось на аксиому: единственный, кто мог совершить преступление, — это Марсьяль Бельон. Пять свидетельств против одного, в том числе показания Евы Марии Нативель, утверждающей, что Лиана Бельон больше не покидала тридцать восьмой номер. Она слово в слово помнит собственный вывод, которым поделилась с Кростосом: «Трудно себе представить, чтобы все служащие отеля объединились против одного

и того же человека. Что могло бы заставить их так поступить?»

Пять против одного.

У нее ум за разум заходит.

Ей надо бы поспать.

Ее тело требует сна. Настойчиво. Если не считать пляшущих по клавишам пальцев, все части ее тела, все ее органы, кажется, работают замедленно, почти переключились в режим ожидания. Ее мысли устремляются к пляжу Букан-Кано, она не может не думать о странной судьбе самого известного пляжа острова. Вся его притягательность заключается именно в том, что он опасен, там нет никакой лагуны, Букан-Кано — это перепад уровней и волны, для серфинга лучше не найти. Так считалось до сентября 2011 года, когда самый знаменитый из местных бодибордеров в пятнадцати метрах от пляжа стал жертвой акулы. Травма для туристов и катастрофа для отелей, ресторанов и прочих заведений, все это не идет ни в какое сравнение с забытым всеми несчастным случаем, гибелью мальчика, утонувшего десять лет назад...

Айя зевает и, изо всех сил стараясь не заснуть, открывает четвертое вложение.

У нее перед глазами запись долгого разговора с Аньес Суриссо, учительницей Алекса Бельона. Этот документ явно получен все от того же следователя Мартен-Гайяра.

Вопрос следователя.

Каким отцом был Марсьяль Бельон?

Айя читает по диагонали длинный ответ учительницы.

Марсьяль Бельон был скорее рассеянным, непостоянным отцом, не слишком интересовался ребенком. Грациелла Бельон, в отличие от него, твердо стояла на земле и с воспитанием Алекса справлялась одна. По мнению учительницы, это довольно распространенный случай, так бывает во многих семьях. Марсьяль Бельон просто-напросто не готов был стать отцом. Не готов был пожертвовать своими пристрастиями ради ребенка.

Пристрастиями?

Спорт, друзья, алкоголь, травка... женщины.

Женщины?

Марсьяль Бельон был красивым парнем. И спортивным. Порхал с цветка на цветок. Ему достаточно было поманить... хотя мне кажется, что за несколько месяцев до гибели Алекса он остепенился и жил более или менее семейной жизнью с молоденькой креолкой.

Можно ли сказать, что трагедия не стала для вас неожиданностью?

Нет-нет, ничего похожего я не говорила. Марсьяля Бельона нельзя было назвать вполне благоразумным отцом, но представить себе, что случится такое несчастье...

Так что же все-таки там могло произойти?

А кто может это знать? Букан-Кано, в отличие от других пляжей острова, опасен, там резкий перепад глубины, и дно мгновенно уходит из-под ног. Алекс этого не знал. Мальчик обожал плавать наравне со взрослыми. Очень тяжело говорить об этом, но он восхищался отцом, постоянно рисовал его на доске для серфинга или виндсерфинга, окруженного рыбами. Марсьяль Бельон, со своей стороны, как я вам уже сказала, предпочитал друзей, девушек, которые у него постоянно менялись, шумные ночи... Он не был плохим человеком, просто он скорее был мальчику старшим братом, чем отцом... А кроме того... Все, о чем я вам сейчас рассказываю, выстраивается по порядку задним числом, в виде объяснения. Если бы вы задали мне те же вопросы до того, как случилась трагедия, я заверила бы вас, что Алекс — спокойный и уравновешенный мальчик, что жизнь его налажена, несмотря на то что родители в разводе, и он будет дальше расти на этом острове, словно в волшебной сказке, ему только на пользу то, что кроме разумной и властной матери у него есть легкомысленный отец...

Как сказала на других детях в школе гибель Алекса?

Ответа Айя не прочтет.

Во всяком случае, прямо сейчас.

Она незаметно уснула, убаюканная пассатами и покачиванием гамака.

Дверь гаража

8 ч. 47 мин.

Я боюсь.

Ни в доме, ни в гараже больше не слышно ни звука, если не считать того, что я луплю кулаками по двери ванной.

Колочу все сильнее.

Папа наконец выходит из ванной комнаты. Он переоделся. Он обнимает меня.

— Я здесь, маленькая моя. Я здесь.

Странно, что он не спрашивает меня, почему я колотила в дверь как ненормальная. И я не решаюсь рассказать ему про то, что слышала, как в гараже остановилась машина. Совсем рядом, прямо за дверью. А потом я замечаю еще более странную вещь. У папы волосы не мокрые. Он, наверное, их высушил или не лил воду на голову. А мне в душе больше всего нравится, когда вода льется на голову.

— Пойдем, солнышко? Теперь лучше не задерживаться.

Папа запихивает вещи в большую сумку: кеды, штаны, пуловеры. Похоже, там, куда мы едем, холодно. Мне трудно в такое поверить. С тех пор как мы приехали на Реюньон, здесь все время жара. Мне никогда в жизни не было так жарко. И потом, мальчик, который живет в этом доме, тот самый, чьи шорты и рубашка сейчас на мне, чуть повыше меня, и я хотела бы не спеша выбрать себе другую одежду, все примерить.

— И так сойдет, — сказал папа.

Еще он сказал, чтобы я не капризничала, что старушка с голубыми волосами и так уже была настолько любезна, что не только в дом пустила, но еще и разрешила взять все вещи, какие нам понадобятся.

Папа выгреб все из шкафчика над раковиной и бросил в сумку пачки печенья.

Я морщу нос.

— Папа, это не бери, по-моему, оно невкусное...

Папа не отвечает. Вытаскивает печенье, кладет на стол. Он нервничает. И опять странно смотрит на меня, так же как смотрел недавно, когда только вылез из-под душа. Может, это из-за моего старшего брата, который умер. Мой старший брат точно был немножко похож на меня, вот потому папа и

попросил меня переодеться мальчиком.

Как бы мне хотелось, чтобы у меня была фотография моего старшего брата...

Папа берет сумку. Я поднимаю на него глаза.

— Папа, мы далеко едем?

И голос у папы раздраженный.

— Да, я же тебе говорил... На другой конец острова, к твоей маме.

Он идет к двери гаража. Еще секунду поколебавшись, я не выдерживаю:

— Папа... Только что, пока ты принимал душ, я слышала, как подъехала машина. Слышно было так, как будто она остановилась совсем рядом... Здесь... в гараже.

Папа смотрит на меня испуганно, как будто я ему сказала, что позвонила в полицию и сообщила, где мы.

— Ты... ты что-нибудь видела?

— Нет, папа. Ничего не видела. Дверь гаража не открывалась. Никто не входил...

Папа быстро идет через весь дом. Я бегу следом за ним. Папа приоткрывает дверь гаража, оборачивается.

— Постой здесь, солнышко, я взгляну...

Он закрывает за собой дверь.

Я приготовилась долго ждать, но папа почти сразу возвращается. Он улыбается мне, но я вижу, что он заставляет себя улыбнуться.

— Ну что?

— Ничего, Софа. Ты... тебе, наверное, показалось... Там... там никого нет.

Папа врет. И у него это плохо получается. Я все вижу, но веду себя как примерная девочка.

— Вот и хорошо, папочка, а то я немножко испугалась...

— Побудь здесь, Софа, я только выгляну в сад, надо убедиться, что на дороге никого нет. Как только я тебя позову, сразу иди ко мне.

— Смотри, как бы полицейские тебя не узнали...

— Ты моя хорошая...

Он целует меня и уходит.

Что там такое, в гараже?

Что папа еще от меня скрывает?

Мне надо узнать...

Открываю дверь.

В гараже стоит желтая машина. Маленькая, круглая и блестящая. Не

знаю, что это за марка.

Вхожу в гараж.

За рулем кто-то сидит.

Подхожу поближе. Теперь я ее узнала.

Это старая дама с голубыми волосами.

Она неподвижно сидит на водительском месте. Ее синие очки упали на пол. Я бесшумно подхожу еще ближе. Уснула она, что ли...

Опираюсь рукой на желтую дверцу, встаю на цыпочки.

Не надо было этого делать.

На какую-то четверть секунды мои глаза отказываются верить тому, что увидели.

А потом я начинаю орать!

У старой дамы с голубыми волосами из шеи, внизу, торчит нож!

Вся шея у нее в крови, и подбородок тоже, кровь стекает ей на грудь, как будто она неопратно ела и вся облилась. Ее голубое, под цвет кудряшек, платье насквозь промокло, стало почти фиолетовым. И кудряшки вымазаны в кровавой каше.

Я готовлюсь снова заорать, перебудить весь квартал, но мне затыкает рот чья-то рука.

Здоровенная волосатая мужская рука. Самого мужчину я не вижу, только его тень.

8 ч. 49 мин.

Кристос ставит пикап под аркой недавно построенного здания в новом квартале Сен-Жиля в двух шагах от лагуны. Здесь, в соответствии с долгосрочными планами градостроительства, дома для богатых, с бассейнами, оградами и решетками, искусно перемешаны с более чем социальным многоэтажным жильем: предполагалось, что все эти люди будут посещать одни и те же школы, магазины и даже городские парки.

Ага, как же, думает Кристос, которого эта перетасовка напоказ не очень-то убедила. Лично он твердо верит в то, что на всем острове существует одно-единственное место, где перемешаны все расы, и место это — пляж! Все раздетые, все равны. Как ни странно, чем больше вокруг голой кожи разных цветов, чем легче забываешь про цвет кожи.

Младший лейтенант поднимается на три ступеньки, входит в вестибюль и принимается изучать выгравированные на медных табличках имена.

Шарлина Тай-Ленг. Лестница Б. Второй этаж. Квартира 11.

Меньше одного процента реюньонцев соглашаются покинуть свои дома или виллы ради того, чтобы набиться в многоэтажки, и потому таких обхаживают, пылинки с них сдувают; строить в высоту — единственный способ ежегодно давать приют еще десяти тысячам островитян и остановить анархическую урбанизацию, которая истребляет природное пространство острова так же верно, как лесной пожар.

Беззвучный лифт. Розовый коврик у порога. Красная дверь. Позолоченный звонок.

До чего шикарно!

Перед тем как второй раз нажать на звонок, Кристос освежает в памяти свои фантазмы с участием стюардесс-азиаток, поднятых с постели рано утром.

Дверь наконец открывается, и в проеме появляется секс-бомбочка примерно метр шестьдесят ростом. Смотрит на жандарма большими, как у персонажей манги, заспанными глазами. Ее круглое лицо обрамлено прямыми черными волосами, подстриженными как у Доры-следопыта. Ниже Кристос старается не смотреть — футболка, в которую одета девушка, едва прикрывает бедра, и ему кажется, что с каждым вздохом

маленькие торчащие грудки приподнимают ткань ровно настолько, чтобы выставить наружу лобок.

Он показывает удостоверение. Девушка трет глаза и роется в затуманенной памяти.

— А, ну да, конечно, тот тип из аэропорта. Входите.

Бесстыжая Дора первым делом предлагает ему сесть на диван, потом — выпить кофе.

Кристосу здесь нравится. Он любуется прекрасным видом на Индийский океан за окном или, чуть повернувшись, круглой загорелой попкой Шарлины, когда девушка наклоняется, придвигая поднос с завтраком. Кофе, печенье и мед.

— Рано вы там, в полиции, встаете!

Кристос веско объясняет:

— Чрезвычайные обстоятельства, мадемуазель. У нас убийца в бегах. Так что, сами понимаете, каждая минута на счету...

Она понимает. Усаживается, в свою очередь, на диван, скрещивает ноги. Майка задирается до пупа. Дора строит из себя Шерон Стоун. Кристос сжимает губы, чтобы не обжечь горячим кофе ненароком высунувшийся язык. Красотка улыбается, ничуть не смущаясь, волнение полицейского ее скорее забавляет.

— Но хотя бы пару секунд вы можете подождать? Я что-нибудь на себя накину.

Жаль...

Она скрывается в спальне и почти сразу же — у Кристоса едва перестало стоять — возвращается. Накинула она легкое платье из розового поплина, которое прикрывает ее голые ляжки не больше чем на дополнительный сантиметр...

Представление Доры о стыдливости.

Зато скромный вырез майки сменился головокружительным декольте платья на двух тонких бретельках, с трудом обуздывающих темные соски, которым не терпится полюбоваться утренним небом.

Кристос отводит глаза, поворачивается в сторону моря. Весь балкон занят доской для серфинга.

Она еще и спортсменка...

Младший лейтенант прочищает горло.

— Так, значит, вы видели Марсьяля Бельона в аэропорту Ролан-Гаррос? Пять дней назад?

Шарлина хихикает.

— Да... этот особо опасный преступник — довольно красивый парень.

Если бы он был насильником, а не убийцей, я бы, пожалуй, не отказалась от утренней пробежки по Сен-Жилу...

Она снова запрыгивает на диван и принимает позу Лолиты — поднимает коленки к груди.

Эта сучонка его завлекает! Может, на самом деле малышка грезит героическими представителями сил охраны правопорядка? Он не уверен в диагнозе и пока ограничивается тем, что складывает руки внизу живота, маскируя эрекцию.

— Чего хотел Марсьяль Бельон?

— Ничего особенного. Всего лишь поменять дату обратного билета.

— Он объяснил вам почему?

— Личная жизнь клиентов нас не касается — это записано первой строкой в уставе нашей компании.

Кристос хмурится.

— Бельону в итоге удалось поменять билет?

— Нет, это было невозможно! Он хотел как можно раньше вернуться в Париж, но мест не было. Прямым рейсом он мог улететь только через неделю, а там уже всего ничего оставалось до 7 апреля — обратный билет у него был на это число.

— И как он это воспринял?

— Запаниковал. Стал спрашивать. Мы пытались что-то сделать... Это было сложно, у него не было паспорта. Единственная возможность — лететь с пересадкой, через Сидней или через Дели. В три раза дороже.

— И?

— Он отказался... Но не без колебаний.

— Ага...

Кристос старается сосредоточиться на теневых участках расследования, но для этого надо отвлечься от теневых участков, виднеющихся между краем платья Шарлины Тай-Ленг и ее промежностью. Марсьяль Бельон потихоньку готовился свалить пораньше! Почти любой ценой. С точки зрения прокурора, это могло означать, что убийство жены не было всего лишь несчастным случаем, преступление планировалось заранее... При этом не очень понятно, зачем надо было бежать во Францию? Потому что в метрополии легче спрятаться, чем на острове? Ну это как-то...

— Марсьяль Бельон больше ничего вам не сказал?

— Нет. Он показался мне довольно милым, хотя заметно было, что у него неприятности.

Девушка, сияя улыбкой, тянется за печеньем. Когда она наклонилась,

приняв совсем уже акробатическую позу, платье поехало вверх, задралось сзади до копчика, а грудки, высвободившись, заплясали прямо перед носом у младшего лейтенанта. Притворяться каменным и ничего не предпринимать было бы крайне невежливо. Кростос протягивает руку к подносу, мимоходом касается соска.

— Хотите еще чего-нибудь, инспектор?

Она и на сантиметр не отодвинулась от его руки.

— Ме... меду... — запинаясь, мямлит Кростос.

Ну полный идиот.

И пока он колеблется, не зная, на что решиться, — проигнорировать ли более откровенный игривый намек или попросту облапить наглую грудь, кто-то спускает воду, и этот звук заглушает его похотливые мысли. Потом кто-то открывает и снова закручивает кран. Скрипит дверь.

В комнату входит дружок Шарлины — полуголый, в одних красных шароварах, сплошные мускулы, волосы светлые и растрепанные. Из тех, кто способен всю ночь трахаться, а остальное время заниматься серфингом.

— Меду, инспектор? — переспрашивает Дора-сучонка.

— Спасибо...

Медовая сладость отбила горький привкус.

Серфингист оказался неразговорчивым. Развалился на стуле и выхлебал литр воды.

— Мадемуазель Тай-Ленг, — спрашивает Кростос, — вам не показалось, что Марсьяль Бельон намеревается бежать?

— Что именно вы понимаете под словом «бежать», инспектор?

— Ну, он вроде бы хотел любой ценой покинуть остров... Как по-вашему, он чего-то боялся?

Серфингист встает, запускает руку в штаны и почесывает промежность. Шарлина, влюбленно на него посмотрев, снова уставилась на Кростоса своими большими кукольными глазами.

— Да, инспектор. Вот именно, он чего-то боялся.

Место смертника

9 ч. 03 мин.

Волосатая рука зажала мне рот, я не могу дышать.

Я задыхаюсь от слез. И от страха. Мне бы хотелось укусить эту руку, впиться в нее зубами, как дикий зверь, разодрать ее, выплевывая пальцы один за другим.

Чудовище сопит у меня за спиной, горячо дышит мне в шею.

— Тише, Софа. Не кричи. Только не кричи...

Папа?

Рука меня отпускает. Я оборачиваюсь. Ничего не понимаю.

Папа?

Папа опускается на корточки, чтобы мы с ним стали одного роста, и смотрит мне в глаза.

— Успокойся, солнышко, я прибежал сразу, как ты завопила. Больше так не делай. Никогда. Я закрыл дверь гаража, но соседи могут нас услышать. Они могут позвонить в полицию. Они могут...

Я не хочу дальше слушать папу, я закрываю уши руками и кричу, что бы он там ни говорил.

— Она мертвая, папа! Старая дама с голубыми волосами умерла...

Папа гладит меня по голове, рука у него холодная и волосатая, как паук.

— Тише, Софа. Не думай об этом. Нам надо уходить. И поскорее.

Огромный, смертельно опасный паук.

— Папа, у нее нож в шею воткнут. Ты ее убил.

Смотрю ему прямо в глаза.

— Это ты ее убил, папа. Больше никому! Это ты.

Папа придвигается еще ближе ко мне.

Паук опускается мне на плечо, его лапы щекочут мне шею.

— Конечно, нет, Софа! Как тебе только такое в голову пришло? Никогда больше этого не повторяй. Слышала, Софа? Никогда. Ты должна доверять мне, всегда, всегда доверять, что бы тебе ни сказали и что бы ты ни увидела. Все, нам пора, берем сумку и уходим.

Меня трясет. Слышать ничего не хочу. И с места не сдвинусь.

— Папа, я знаю, что это ты ее убил. Кроме нас, в доме никого нет.

— Софа, хватит болтать глупости, я все время был с тобой.

Паук сползает к моему сердцу, другой паук тем временем снова опускается на мои волосы. Я дрожу. Я плачу. Я знаю, что я права.

— Ты не принимал душ! Ты ее убил, чтобы забрать ее машину. И чтобы забрать ее дом. И ее вещи тоже. И одежду мальчика, которая сейчас на мне.

И тут я понимаю, что ору все громче и громче. Паук внезапно взлетает над моей щекой. До меня не сразу доходит, что мне влепили пощечину.

Я отступаю, мгновенно онемев от удивления.

— Все, Софа, хватит! Мы не можем задерживаться! Отвернись!

— Нет!

Паук снова поднимается, он угрожает мне.

На этот раз я сдаюсь.

Папа открывает дверцу желтой машины со стороны пассажирского сиденья. Очень тихо, осторожно, почти бесшумно.

Даже если я этого не вижу, я все равно знаю, что сейчас делает папа.

Он вытаскивает старушку из машины, не обращая внимания на то, что кровь заливает сиденье. Ему наплевать, что она умерла. Ему наплевать, что она больше никогда не сможет поиграть с мальчиком, чьи шорты, рубашка и сандалии сейчас на мне.

Ему на все наплевать.

Кроме одного. Ему нужна машина, чтобы жандармы его не догнали. Потому что он убил маму, теперь я в этом уверена.

Потому что он ее убил и не хочет, чтобы его посадили в тюрьму.

9 ч. 11 мин.

— Софа, можешь повернуться.

Папина голубая рубашка вся в крови.

Я вижу старушкины ноги, они торчат из-за двух старых шин и газонокосилки.

— Садись в машину, Софа. Мне очень жаль, что пришлось дать тебе пощечину, но у меня не было выбора. Хотя ты еще маленькая, но ты должна понять. Нам надо любой ценой двигаться дальше. Вот посмотришь, Софа, я покажу тебе удивительные пейзажи, ты таких никогда не видела...

Красивые пейзажи?

Я сижу на заднем сиденье машины.

Машины, которая принадлежит покойнице.

Папа сошел с ума.

— Не нужны мне никакие пейзажи. Я маму хочу увидеть!

Папа снова успокоился.

— Тогда, Софа, ты должна ехать со мной. И доверять мне. Если ты хочешь увидеть маму, сегодня днем нам надо оказаться на другом конце острова.

— Ты мне обещаешь?

Не знаю, зачем я об этом спрашиваю. Все равно я ему не поверю.

— Да, солнышко. Да. Я тебе обещаю.

9 ч. 17 мин.

Марсьяль то поглядывает в зеркальце — присматривает за Софой на заднем сиденье желтого «ниссана», то смотрит прямо перед собой — нет ли там каких подозрительных признаков. Пока что дорога почти пустая.

Марсьяль проезжает всего-навсего километр.

Не больше.

Дорога на Сен-Пьер впереди перегорожена. От полицейского ограждения, устроенного перед круговым перекрестком на шоссе, ведущем к Брюникелю, на несколько сотен метров растянулась вереница машин. Слегка сдвинувшись вправо, Марсьяль наблюдает за происходящим. Полицейские останавливают каждую машину, проверяют документы водителя, всматриваются в каждого пассажира, открывают багажник. У него нет ни малейшего шанса проскочить, несмотря на то что Софа переодета мальчиком, несмотря на то что он попытался, как мог, изменить собственную внешность, сбрив бороду и брови, надев очки с толстыми стеклами и глубоко надвинув бейсболку с широким козырьком.

Отец с шестилетним мальчуганом.

Без документов.

Они непременно что-то заподозрят.

Ничего не выйдет. Он попал в западню.

Внедорожник позади него сигналит. Он еще больше сдвигается в сторону, давит корни деревьев.

Марсьяль исподтишка поглядывает на Софу, неподвижно сидящую на заднем сиденье, и раз за разом прокручивает в голове не имеющее решения уравнение.

Полицейские ищут отца с шестилетним ребенком.

Есть только один способ решить уравнение. Решение жестокое для Софы, еще более чудовищное, чем все то, что из-за него пришлось испытать дочери, еще более травмирующее, чем история в гараже с трупом этой старухи.

И все же у него и на этот раз нет выбора.

Он как можно незаметнее маневрирует, и Софа тарачит на него

удивленные глаза.

— Папа, почему мы разворачиваемся?

9 ч. 19 мин.

— Айя! Айя!

Капитан Пюрви в конце концов просыпается. В небе покачиваются лица Кристоса и Мореса — словно ангелов закрепили на пружинках. Айе требуется несколько секунд на то, чтобы осознать: качается она сама, лежит в гамаке, подсунув под голову ноутбук вместо подушки. Она осторожно выбирается из гамака, опираясь на протянутую руку Кристоса.

— Что-нибудь новенькое есть? — осведомляется капитан Пюрви, глядя на часы и пытаясь понять, долго ли она спала.

Два часа восемнадцать минут. Нормально, но вместе с тем слишком много.

Морес отвечает первым:

— И да, и нет. Мы толком не знаем, потому и решили тебя разбудить. Нам сообщили, что пропала Шанталь Летелье, шестидесяти восьми лет, проживающая на улице Мальдив. По словам друга, у которого она ночевала, около восьми утра она собиралась на минутку заскочить к себе домой, а потом присоединиться в Ла-Салине к нему и другим пенсионерам. Все они состоят в одном и том же клубе, играют в го. Клуб называется «Го Додо». На самом деле! В клубе все еще ждут ее... Уже полчаса звонят ей домой. Никто не отвечает...

Айя потягивается, явно разочарованная. Проводит руками по лицу — ей кажется, что после этой сиесты в гамаке у нее на лице отпечатались ромбы сетки.

— Угу... Бабулька наверняка застряла в пробке. Или уснула. Есть там хоть какая-то связь с Бельоном?

— Кое-какая, — отозвался Морес.

Его большие глаза налиты кровью. Морес безостановочно моргает, как будто его веки, подобно двум лепесткам бугенвиллии, треплет океанский ветер.

— Связь, правда, за уши притянута, Айя, — уточняет он. — Шанталь Летелье живет в двух шагах от ботанического сада. А вчера поздно вечером нам позвонила дежурная из «Эдема» и сообщила о том, что во второй половине дня видела пару, по описанию напоминающую Бельона и его дочь.

Айя включает мозги на полную мощность. Она проспала целых два часа, и теперь ей надо наверстывать упущенное время. Срок, отведенный Ларошем, вскоре закончится. Ей необходимо до того, как управление откроет шлюзы, найти доказательство, что Бельон не мог преодолеть заграждения вокруг Сен-Жиля.

— Морес, ты сам разговаривал с девушкой из ботанического сада?

— Да, только она была не вполне уверена. Отец с дочкой, она толком их и не разглядела, больше ничего эта бестолочь сказать не смогла. Со вчерашнего вечера мы получили полсотни таких сообщений...

Айя похлопывает себя по щекам, чтобы проснуться окончательно. Отпечатки сетки на лице разглаживаются. Морес и Кростос ждут ее реакции. И Айя взрывается.

— Вот только два слабых симптома, ребята, соединившись, дают симптом чертовски сильный. Улица Мальдив, говорите? Едем туда!

9 ч. 27 мин.

Айя кружит по пустой гостиной, наслаждается порядком, чуть старомодной и чопорной обстановкой, непрочным покоем, она сознает, что еще несколько минут — и этот дом станет называться местом преступления, целая толпа экспертов из криминальной полиции примется тщательно изучать каждый квадратный метр, каждый предмет обстановки, каждую безделушку. Она проводит рукой по обоям, разглядывает фотографию Шанталь Летелье. У старушки удивительные голубые волосы. Должно быть, она чудачка, и внуки обожают ее...

Вихрем врывается Морес, глаза у него бешеные, мигают, будто два спятивших желтых маяка, со скоростью стрекозиных крыльев.

— Айя, мы все обшарили. В гараже пол залит кровью. И остальное — газонокосилка, шины, чехлы — тоже в крови. Но тела и следа нет...

— Черт, что бы это значило?

Айя кусает губы.

Кростос минут пятнадцать разговаривал по телефону с другом Шанталь Летелье. Какое-то объяснение наметилось. Шанталь Летелье никуда с острова не уезжала, но почти все время проводила у этого друга, тоже пенсионера, врача по профессии, с которым познакомилась в клубе игры в го в Сен-Поле. Он живет на улице Скалер в Ла-Салине, в трех километрах отсюда. Поскольку в доме Шанталь Летелье большую часть года — за исключением тех периодов, когда приезжали ее дети и внуки, — никто не жил, хозяйка решила его сдавать и поместила объявление на сайте, где частные лица сдавали и снимали жилье без посредников. Бельон,

должно быть, зашел на этот сайт и, прочитав объявление, подумал, что Шанталь Летелье в метрополии, а ее дом стоит пустой.

Он и стоял пустой. Почти.

По дороге в клуб, куда она отправлялась каждое утро, Шанталь Летелье около восьми часов заглянула к себе домой. Обычно старушка этого не делала, но позвонил сосед: она забыла закрыть дверь гаража! Шанталь удивилась — с головой у нее пока что все в порядке, и ей казалось, что она эту чертову дверь закрывала... Но мало ли что — из-за истории с беглым убийцей она решила проверить.

Айя снимает со стены фотографию — ту, не очень четкую, где Шанталь Летелье позирует на фоне водопада.

Судьба безжалостна. Шанталь Летелье не повезло... Эта открытая дверь гаража — улика, благодаря которой можно было поймать Бельона. Для этого достаточно было позвонить в полицию.

Капитан Пюрви кладет фотографию на стол. Надо попросить Мореса, пусть разошлет ее по факсу во все полицейские участки острова. На всякий случай... Поскольку тело не найдено, остается очень маленький шанс, что Бельон не убил Шанталь Летелье. Что она всего-навсего его заложница.

Весь гараж залит кровью...

Совсем крохотный шанс.

У Айи пока нет никаких результатов анализов ДНК, и отпечатков пальцев тоже, эксперты сейчас этим займутся, но улики сходятся. Они даже нашли в ванной окурки самокрутки с коноплей.

Марсель Бельон и его дочь переночевали в этом доме.

Несколько минут назад она связалась с полковником Ларошем, и теперь все начальство из управления на вертолете мчится в Сен-Жиль.

С поджатым хвостом...

Рыбка застряла в садке, Айя была права с самого начала. Она почти грубо оборвала разговор, чтобы подчеркнуть это и чтобы Ларош осознал, сколько сил и времени было напрасно потрачено на облаву, развернутую по всему острову.

9 ч. 29 мин.

Кристос снова входит в комнату. На губах у него играет приличествующая ситуации улыбка — отчасти циничная, отчасти пофигистская. Именно это выражение лица своего помощника Айя ненавидит больше всего.

— Ну что, тело Шанталь Летелье так и не нашли? — тревожно спрашивает капитан Пюрви.

— Нет... но я нашел кое-что другое.

Он осторожно держит пластиковый мешок — и внезапно, больше ни слова не прибавив, высыпает то, что в нем лежит, на низкий столик, прямо перед Айей. Волосы разлетаются по комнате, осыпаются на столик и на пол, за несколько секунд превращая гостиную в дамскую парикмахерскую.

Длинные светлые волосы. Тонкие. Почти кукольные.

Словно какой-то псих остриг наголо сотню Барби.

Или всего одну девочку с золотистыми кудрями.

Взгляд Аии снова устремляется к фотографиям в рамках на стене, на этот раз он задерживается не на бабушке, а на шестилетнем мальчике рядом с ней. На нем клетчатая рубашка и бейсболка. Он разглядывает крокодилов.

Она все поняла.

— Черт! — внезапно вскрикивает Айя. — Их нельзя упустить!

Мечта пожарного

9 ч. 29 мин.

— Вот, пожалуйста, это мамины документы.

Марсьяль открывает бумажник, протягивает полицейскому удостоверение личности, техпаспорт, страховку. Тот улыбается. Обычная проверка. Он, наверное, сегодня с утра уже не одну сотню машин осмотрел. Полицейский заглядывает в салон желтого «ниссана». На пассажирском сиденье спит старушка. Колени у нее прикрыты пледом, шея обмотана шарфом, как будто даже в тридцатиградусную жару она мерзнет. На заднем сиденье, между гамаком и кастрюльками для креольского пикника, втиснут надутый мальчонка.

Ну вот, уже и французы к этому пристрастились...

Полицейский, несмотря на усталость, внимательно и добросовестно изучает бумаги.

— А на ваши можно взглянуть? — наконец спрашивает он у Марсьяля.

Марсьяль виновато опускает голову.

— У меня при себе их нет... Мы только отвезем бабулю в горы немного подышать в холодке. Сами видите — если бы ей удалось найти вязаную шапку, наверное, она и ее бы натянула.

Полицейский с готовностью хохочет. Это креол. Он сочувствует Марсьялю. Протягивает ему документы.

— У меня то же самое, пару раз в месяц приходится... Только мне повезло меньше, чем вам, пока что выгуливаю всех четырех стариков.

Он снова присматривается к мальчику на заднем сиденье. Тот совсем раскис, похоже даже, что недавно ревел. Креол с понимающим видом подмигивает Марсьялю.

— Для мелких это вообще чистое наказание. Ему ведь тоже больше нравится лагуна, да? Как моим! Ну, хорошо вам погулять.

Марсьяль спокойно включает скорость.

Он проскочил!

Поначалу он неспешно катит по шоссе в сторону Сен-Пьера. От заграждения есть и кое-какая польза: из-за проверок дорога пуста, и он сможет быстро отсюда убраться.

Он едет вдоль океана к Сен-Ле, минуя поочередно Труа-Бассен, Гранд-Равин и Равин Фонтен, бросает короткий взгляд на исполинские вантовые

мосты Тамариндового шоссе в километре от побережья. Все равно что три виадук Мийо^[32] меньше чем на десяти километрах... Машины идут по скоростной дороге ровным потоком. Слишком ровным. Его очень легко будет заметить.

Марсьяль резко выкручивает руль — он едва не пропустил поворот между карликовыми пальмами и гигантскими кактусами. Труп Шанталь Летелье на пассажирском сиденье соскальзывает, несмотря на то что пристегнут ремнем безопасности, безжизненная голова медленно склоняется ему на плечо.

Марсьяль вздрагивает, вцепляется в руль, его тошнит от соприкосновения с этой дряблой кожей, оно пробуждает нестерпимые воспоминания. Когда он ехал куда-нибудь с Лианой, даже на небольшие расстояния, она неминуемо засыпала на первых же километрах, и ее мягкие светлые волосы касались его плеча.

Вот так же нежно склонил ему на плечо голову этот труп.

Труп, который снова начал истекать кровью.

Его рубашка опять промокла.

Софа плачет на заднем сиденье.

Она все время плачет с тех пор, как выехали, — кроме нескольких минут, которые они простояли у заграждения, при полицейском она сдерживалась. И все же у Марсьяля нет другого выхода, он должен двигаться дальше, хотя и понимает, что воспоминание об этой сидящей на месте ее матери зарезанной старухе, замаскированной под уставшую бабушку, будет преследовать девочку до конца ее жизни.

Много лет... Или несколько часов.

Кто может знать?

Он больше ничем не управляет.

9 ч. 37 мин.

Марсьяль проезжает Этан-Сале. Еще несколько километров, и за Сен-Луи ему придется выбирать, продолжать ли двигаться вдоль берега океана или повернуть в глубь острова, в сторону Ле-Тампона. Его решение зависит от вопросов, на которые у него нет ответов. Сколько времени пройдет до того, как полицейские заметят исчезновение Шанталь Летелье? Сколько времени им потребуется на то, чтобы опознать машину? Сколько времени понадобится тому жандарму, который его пропустил, чтобы сообщить что к чему? Скоро ли его объявят в розыск? Сколько времени у него есть? Несколько минут? Несколько часов?

Он в нерешительности. Самая короткая дорога к бухте Каскадов —

вдоль берега. Сен-Пьер. Сен-Жозеф. Сен-Филипп. Почти непрерывная цепь домов, круговых перекрестков, пешеходных переходов, светофоров и радаров. На этом пути он окажется словно в воронке между горами и морем, здесь он будет наиболее уязвимым. Полицейским легче легкого будет его поймать, как только они узнают, по какой дороге он выехал из Сен-Жиля.

На дорожном щите указано направление на Ле-Тампон. Надо ехать прямо. Он машинально прибавляет скорость. Некоторое время он будет двигаться в сторону Антр-Де, доедет до равнины Кафров. А оттуда можно, по меньшей мере тремя разными способами, выбраться на дорогу, ведущую к вулкану Питон-де-ла-Фурнез.

Тупик. Вот на что он рассчитывает!

Каждый день сотни туристов поднимаются по этой дороге, фотографируют вулкан, потом спускаются тем же путем. Если и есть такое место, где полицейские не станут его искать, то именно здесь.

9 ч. 42 мин.

«Ниссан» одолевает первые петли дороги, ведущей к вулкану. Поля с сочной зеленой травой на пологих склонах огорожены колючей проволокой, натянутой между деревянными столбами. Пегие коровы высовывают головы поверх изгороди, стараясь получше разглядеть проезжающих мимо туристов. Дома с островерхими крышами напоминают разноцветные шале.

Один из самых удивительных пейзажей острова. Трудно себе представить, что несколькими десятками метров ниже остались кокосовые пальмы, кактусы и жара.

Марсьяль бросает взгляд в зеркальце заднего вида. Софа на заднем сиденье все так же неподвижна и безучастна.

— Видишь, маленькая моя, как меняется пейзаж. Можно подумать, мы в Швейцарии...

Молчание.

Софа всхлипывает.

Марсьяль снова отталкивает тело Шанталь Летелье, которое при каждом повороте направо валится на него. В безжизненной кукле нет уже ни капли крови, от старушки остался лишь бледный, почти прозрачный призрак, чья плоть быстро синееет, становясь того же цвета, что крашенные волосы.

Призрак, начавший разлагаться.

На каждом вираже труп появляется перед Софой. Девочка молчит, но

Марсьяль видит, как она кусает губы, как у нее закатываются глаза.

Черт, какая же это травма для нее!

Ему бы следовало остановиться и выкинуть труп на обочину, это единственный способ сделать так, чтобы дочка не спятила. Или, по крайней мере, затормозить, вытащить тело и засунуть его в багажник.

Но это означало бы оставить полицейским слишком серьезную улику... или потерять драгоценное время.

И это большой риск.

Он рискует потерять все.

Невозможно. Он должен идти до конца в своем безрассудстве.

9 ч. 45 мин.

Теперь Софа не перестает дрожать.

Шанталь вот уже несколько минут как утихомирилась. Марсьяль, резко двинув плечом, оттолкнул ее к дверце, и она уткнулась в окно, словно любуясь пейзажем. Прилипла губами к стеклу и поливает его зеленоватой слизью со сгустками крови.

Еще одна петля.

Марсьяль помнит дорогу, ехать еще долго, не меньше часа, впереди десятки поворотов. Софа этого не выдержит. Он должен что-то придумать. Что угодно. В горле у него стоит огромный комок. Откашлявшись, он начинает говорить.

— Софа, солнышко мое, недавно ты задала мне вопрос. Ты спросила, похожа ли ты на твоего старшего брата. Помнишь? Алекс. Твой старший брат, который... который умер до того, как ты родилась.

Взгляд в зеркальце заднего вида. Девочка по-прежнему безучастна.

— Если хочешь, теперь могу ответить. Да, солнышко мое, ты на него похожа. Конечно, ты очень похожа на маму. Но ты и на Алекса очень похожа.

Софа подняла голову. Взгляд пустой. Отсутствующий.

— Я хочу тебе рассказать одну историю. Знаешь, Софа, я уже второй раз еду по этой дороге. В первый раз это было чуть больше десяти лет назад. И... и Алекс сидел как раз там, где сейчас ты. Сзади. Он был почти того же возраста, всего на два месяца младше, чем ты теперь. Мы были в машине только вдвоем. Я хотел показать ему вулкан.

Софа слушает. Марсьяль это чувствует. Он должен говорить, чтобы не дать ее рассудку и дальше брести к границам безумия.

— Питон-де-ла-Фурнез, самый большой вулкан острова, в очередной раз начал извергаться. В таких случаях все островные газеты и телеканалы

объясняют, что приближаться к нему нельзя ни в коем случае. Тем не менее все островитяне поступают как раз наоборот, они бросаются к вулкану, чтобы полюбоваться зрелищем. Самый прекрасный фейерверк, какой может увидеть человек...

Теперь желтый «ниссан» через каждые двести метров проезжает мимо беседки для пикника. Последнюю, как раз у подножия горы, не разглядеть — она скрылась за дымом от мангала, да еще к тому же Шанталь Летелье замулила все стекло.

— Я хотел сделать Алексу сюрприз. Я заранее ничего ему не сказал. Его матери, разумеется, тоже. Ты ее не знаешь, но она была серьезной и строгой, она никогда не согласилась бы, она сказала бы, что я поступаю безрассудно, сама понимаешь, тащить шестилетнего ребенка смотреть на извержение вулкана, когда все здравомыслящие люди острова пытаются этому воспрепятствовать... Ты... может быть, ты, Софа, со мной не согласишься, но существуют вещи, которых мамы понять не могут.

Ничего. Ни одна ресничка не дрогнула.

Марсьяль продолжает, несмотря на то что Софа замкнулась, заперла вход в свой внутренний мир на два оборота, слушает собственную музыку через наушники воображаемого плеера. Теперь он рассказывает не столько дочке, сколько самому себе.

— В то время я уже читал Алексу сказки про Ти-Жана. Те же самые книжки, что и тебе! Ты же знаешь, Бабушка Калле и ее друг Большой Дьявол живут где-то там, под лавой вулкана, потому-то Алекс немного побаивался ехать по этой дороге. Ты-то не боишься, солнышко?

Марсьяль про себя чертыхается, осознав собственную глупость. Зачем ему понадобилось добавлять ко всему прочему еще и эту историю с Дьяволом? И быстро продолжает, чтобы не дать воцариться молчанию.

— Я тебе еще про другое расскажу, Софа. У Алекса, когда он был совсем маленьким, появилась любимая игрушка — пожарная машинка, которую он нашел на пляже. Знаешь, Софа, такой металлический грузовичок, который почти умещался у него в руке. Не очень красивый. И слегка заржавевший. Он повсюду таскал с собой эту машинку, превратил ее в вездеход. Складки одеяла у него на кровати. Песочница. Трава. Гравий. Высокий стульчик и край стола. Сиденье машины... Понимаешь, солнышко? Алексу было всего шесть лет, но его пожарный грузовичок успел проехать много километров. Мы добрались до ущелья Белькомб, до стоянки у подножия разъяренного вулкана — там, наверху, а дальше ехать не могли, дорога была перекрыта. И знаешь, что больше всего понравилось Алексу?

Лицо Софы в зеркале заднего вида по-прежнему непроницаемо, но ее рука пошевелилась, как будто, слушая рассказ про машинку, девочка шарила вокруг в поисках какого-нибудь друга, спальной игрушки, плюшевого мишки... Или хоть какого-нибудь предмета, на который она смогла бы переключить своих демонов.

— Софа, ты не поверишь! Алекса заинтересовали не огромные столбы пламени, которые выбрасывал вулкан, не снопы искр, которые рассыпались по угольно-черному небу. Нет! Его заморозили грузовики! Вереница пожарных машин, перегородивших дорогу, и десятки пожарных, бегавших взад-вперед и в своих асбестовых костюмах похожих на марсиан! Мы быстро вылезли из машины. Несмотря на адскую жару, опасности не было ни малейшей, до кратера оставалось несколько километров. Мы были не одни. Там уже собралась толпа, нас окружали сотни людей с фотоаппаратами, кинокамерами, биноклями. Приблизиться к заграждению, чтобы получше разглядеть вулкан, было почти невозможно, но в конце концов какая-то толстуха, креолка с огромным крестом на шее, пропустила Алекса вперед. «Это черт кашляет, — сказала она Алексу. — Ты должен это запомнить, малыш. Это черт, который злится на людей!» Алекс ее не слушал, он смотрел, как лава сползает по склону вулкана бесконечной огненной змеей. И можешь мне поверить, Софа, я никогда еще не видел, чтобы у него так блестели глаза. Но старая креолка не унималась, все приставала к нему со своими душеспасительными историями. «А знаешь, малыш, что надо делать, чтобы не давать дьяволу разозлиться? Твой папа тебе не рассказывал? Надо молиться, малыш, молиться всем святым острова. Дьявол их боится».

Марсьяль делает паузу и бросает взгляд на вершину вулкана. Над кратером Доломье раскинулось ослепительно-синее небо, подернутое едва заметной дымкой зноя. В голове у него зарождается мысль, начинают вырисовываться зыбкие очертания дверцы в конце этого тупика, узкой дверцы — но, может быть, они сумеют вдвоем в нее протиснуться. Почему бы и нет? Это надо обдумать, только попозже, сейчас ему надо сосредоточиться на своей истории, не бросать Софу на полпути.

— Алексу не было никакого дела до святых, солнышко, как и тебе, — ты ведь никогда ни в одну церковь и не заходила, но он был воспитанным мальчиком, а старуха продолжала с таким видом, словно боженька говорил ее устами. «Я тебя не обманываю, малыш, слушай меня внимательно, как раз между вулканом и морем есть маленькая деревушка, Сент-Роз, а в ней — маленькая церковь Богоматери. Во время извержения 1977 года вулкан затопил все — и поля сахарного тростника, и дома, и дороги. Все жители

деревни спрятались в церкви и стали, пока их не накрыла и не убила раскаленная лава, молиться святым. И знаешь, малыш, что тогда произошло?» Алекс покачал головой. Нет, он этого не знал — и знать не хотел, он смотрел на пожарных, которые в своих невероятных космонавтских костюмах приближались к кратеру. А старая креолка не умолкала: «Так вот, малыш, святые оказались сильнее дьявола. Он испугался. Лава остановилась у самой церкви. И никто не погиб! Теперь эта церковь называется Нотр-Дам-де-Лав! И сегодня еще можно увидеть остывшую лаву, которая взобралась на несколько ступенек и остановилась, будто не посмела войти. Если не веришь мне, малыш, попроси твоего папу, чтобы он повез тебя туда». Вот тут-то Алекс повернулся к толстухе и спросил: «А как святые остановили лаву? У них была красная машина?» Представляешь себе эту картину, Софа? Он застал креолку врасплох, и она немного смутилась, но засмеялась и сказала: «Нет, малыш, конечно, у святых нет машины». Алекс продолжал расспрашивать: «А блестящие каски у них есть? — Нет... — Или одежда космонавта? И большое ружье, которое стреляет водой? — Нет, малыш, ну попробуй себе представить святых, одетых как космонавты и с ружьями...» Вдали люди в форме суетились так, будто на счету была каждая секунда, хотя сделать ничего не могли — только наблюдать за тем, как течет лава. Алекс пожал плечами и повернулся к креолке спиной. «Ну и зачем тогда становиться святым?» Он не сводил глаз с вулкана и крепко сжимал в руке свою красную машинку. «Я, когда вырасту, хочу быть пожарным».

Он снова заглядывает в зеркало заднего вида.

Софа никак не откликается на его рассказ. Не засмеялась и даже не улыбнулась.

Шанталь Летелье — тем более. Она выглядит так, будто нашла самое удобное положение, какое было возможно, и уснула. У нее даже рот сам собой закрылся, когда машину подбросило на ухабе.

Марсьяль гнет свое.

— И он стал бы им, Софа, поверь мне. Твой брат уже в шесть лет был очень смелым. Больше того — он был бесстрашным. Он стал бы лучшим пожарным на свете.

За окном мелькают беседки, все до одной занятые креольскими семьями и уже заставленные складными стульями и жестяными судками, завешанные полотенцами, чтобы во время сиесты защитить детей и стариков от солнца. Сквозь ветровое стекло виден вулкан, но очертания размыты, и виной тому не только слезь, вытекающая изо рта Шанталь Летелье, — Марсьяль уже не сдерживает накопившихся слез.

Воспользовавшись коротким прямым отрезком дороги, он оборачивается к Софе. Она тоже плачет. Продолжая одной рукой держаться за руль, он протягивает вторую назад и чувствует, как ее касаются пальчики Софы, он с бесконечной нежностью ловит их, будто это пять хрупких насекомых.

— Жаль, что твой старший брат так рано умер. Он бы спасал людей, он бы многих спас, и ты так гордилась бы им, солнышко мое.

Пять насекомых слабо трепещут в его горячей руке, словно у них отрастают крылья. Марсьялю хотелось бы, чтобы это мгновение длилось вечно.

В небе над ними появляется вертолет.

Имельда в холодильнике

9 ч. 50 мин.

Кантен Паче стоит посреди парковки сен-жильской бригады, уставившись на пальцы собственных ног, будто школьник, которого застукали курящим в туалете. И, несмотря на то что роста в нем метр восемьдесят, у него третий дан айкидо и ни одного нарушения или промаха за двадцать один год службы в островной жандармерии, а стоящая перед ним девушка на десять лет моложе, на двадцать сантиметров ниже и на тридцать килограммов легче, ему против нее не выстоять.

— Одинокий мужчина! — вопит Айя. — С шестилетним ребенком на заднем сиденье! Без документов! И вы его пропустили, какого черта!

Кантен Паче открывает рот, чтобы пролепетать что-то в свое оправдание, но Айя не дает ему на это времени. Она уже слышала эту песенку — труп бабульки на пассажирском сиденье, переодетая мальчиком Софа, водитель с заурядной внешностью, в котором трудно было узнать Бельона с фотографии... Сообщение, разосланное всем патрулям, прозвучало по радио с опозданием на несколько минут, большинство полицейских попались бы на удочку, так уж вышло, что Бельону встретился этот болван Паче, а не кто другой. Капитан Пюрви это понимает, но продолжает разоряться.

— Он был у нас в руках, лейтенант. И если бы вы были повнимательнее...

Паче — отлично вымуштрованный полицейский. Служба в жандармерии и занятия в клубе айкидо научили его стойкости. Айя еще долго осыпает его упреками, а он все терпит.

Ей необходимо разрядиться.

А главное — надо произвести впечатление на полковника Лароша.

Он стоит неподалеку от них, в тени казуарины. Десять минут назад он вышел из новенького легкого вертолета «Eurocopter AS350 В», который поднял песчаную бурю, приземлившись на пляже, еще за несколько минут до того очищенном стараниями жандармов.

Кристос, молча наблюдавший за этой сценой с самого начала, наконец решает тактично вмешаться. Наклонившись к уху капитана Пюрви, он шепчет:

— Ну все, Айя, хватит уже. Не перестарайся. Кантен почти тринадцать

часов провел на передовой, по-моему, с него довольно.

Айя кивает.

Кантен удаляется, и она поворачивается к Ларошу. В сравнении с тем человеком, которого Айя себе представляла, разговаривая с ним по телефону, он, пожалуй, выше ростом. И более привлекательный. Сорокалетний красавец, аккуратный и гладкий, во взгляде ровно столько юмора, чтобы дать возможность разглядеть прячущегося за маской холодного бюрократа искусного дипломата. Его можно принять за руководителя неправительственной организации, за банкира, работающего в области микрофинансирования, за генерального советника, придерживающегося социалистических убеждений.

Умный. Энергичный. Внушающий доверие.

Раздражающий.

Дождавшись, пока Паче войдет в здание полицейского участка, полковник говорит:

— Давайте не будем начинать заново эту историю, капитан Пюрви. Из-за Паче мы потеряли всего несколько минут. Желтый «ниссан» объявлен в розыск, у Бельона физически не было времени сменить номерные знаки. Далеко ему не уйти, мы подняли в небо все вертолеты, какие имеются в нашем распоряжении, и сейчас они, все одиннадцать, кружат над островом. Вы отлично поработали, Пюрви, я говорю вам это совершенно искренне. Сначала загнали его в тупик, потом заставили выбраться из логова. Он опережает нас не больше чем на полчаса. Шансов у него никаких.

Пока Ларош все это говорит, его нога рисует кружки на гравии, которым засыпан асфальт парковки, и Айя догадывается, что втайне он нервничает, хотя по виду этого не скажешь, он выглядит уверенным в себе. Перед тем как сесть в вертолет, полковник облачился в камуфляжные штаны и пуленепробиваемый жилет, на ногах у него берцы — словом, полный набор Кена-десантника. Полковнику, должно быть, непривычно было расставаться с галстуком и нашивками ради воздушного крещения и визита к туземцам... И он явно не рассчитывал по случаю своего прибытия на остров получить такой подарок, как план «Папанг».

Айя сдвигает брови так, что они сходятся в одну линию, — тем самым она хочет показать Ларошу, что несколькими дежурными комплиментами ее не улестить.

— А пока что будем делать, полковник? В ожидании возвращения вертолетов? Вытащим колонки и заполним паузу «Полетом валькирий»?

Ларош демонстрирует Айе безупречные зубы. Его улыбку кто угодно назвал бы открытой и заговорщической.

— Помолчим и будем молиться святому Экспедиту,^[33] капитан Пюрви. Так ведь здесь у вас говорят?

9 ч. 57 мин.

— Айя, могу я с тобой поговорить с глазу на глаз?

Кристос тянет Айю за рукав, уводя ее подальше от остальных.

— У тебя важное дело?

— Да.

Кристос смотрит на Лароша, стоящего в трех метрах от них: полковник занят поисками того места на стоянке, где его айфон лучше всего ловил бы сеть.

— С глазу на глаз, — повторяет Кристос. — Не при Лароше. Ты способна понять. А он — нет... Закроемся в холодильнике?

Холодильник — это маленькая, десятиметровая комната без окон, где собраны архивы бригады за тридцать лет и стоят два железных стула и стол, тоже металлический. Сен-жильские жандармы окрестили ее холодильником, потому что она самая прохладная во всем здании. Здесь же при случае запирают на некоторое время обвиняемых, которых никак не удается разговорить.

Кристос затворяет дверь. Щелкает выключателем. Это новая модель холодильника, свет в нем зажигается, когда ты закрываешься внутри.

В прохладной комнате их уже ждет посетительница. Негритянка. Высокая. Толстая. Накрашенная в креольском стиле, но со вкусом, алая губная помада, синие тени на веках.

Кристос знакомит женщин.

— Айя, это Имельда. Моя подруга. Помнишь, я говорил тебе о ней сегодня утром? И ты сказала, что она может зайти. Тебе надо бы ее послушать, она много думала о нашем деле. И у нее больше отстраненности, ты ведь понимаешь, что я хочу сказать... Она не...

— Да, я помню, — перебивает его Айя, обращаясь непосредственно к Имельде. — Значит, вы и есть та единственная женщина на свете, которой удастся заставить пророка-анархиста Кристоса Константинова работать сверхурочно. И, если не ошибаюсь, большая поклонница дедуктивного метода? И любительница Харлана Кобена? Простите меня, мадам, и в первую очередь простите Кристоса, он должен был со мной посоветоваться раньше, и я бы вас заверила, что незачем вам сюда приходить, не стоит труда. По крайней мере сейчас. Марсьяля Бельона в настоящий момент выслеживает десяток вертолетов. Все может начаться с минуты на

минуту...

Кристос не сдается.

— Нет, ты обязательно должна ее выслушать...

— Отстань, Кристос.

Айя расхаживает по комнате, на ходу машинально поправляет криво стоящую папку и наконец сочувственно смотрит на негритянку.

— Мне очень жаль, Имельда, и я ничего против вас не имею, но...

— Я не обиделась, — Имельда улыбается ей. — Не надо извиняться, мадам. Я все понимаю, и я уже вышла из того возраста, когда легко обижаются.

Она встает и поворачивается к Кристосу.

— Твоя начальница права, я пойду домой. Говорила я тебе, что мне здесь нечего делать. Дома ждут дети, у меня гора стирки и глажки, надо купить на рынке овощи для карри и...

Кристос возводит глаза к облупившемуся потолку и внезапно грохает кулаком по столу, подняв тучу пыли.

— Айя, какого черта, тебе что — так трудно пять минут послушать? Имельда — свидетель, просто-напросто свидетель. Она замечала все, даже самые мелкие происшествия на острове, и складывала их в своей памяти задолго до того, как изобрели жесткие диски и поисковые системы...

Айя вздыхает, смотрит на часы.

— Ну хорошо, пять минут — и ни секундой больше.

Кристос придвигает стул, ребром ладони обтирает его. Снова в воздухе повисает облачко пыли, почти невидимое из-за того, что в комнату без окон не проникнуть солнечному лучу. Айя кашляет. Кристос прочищает горло. Чего-чего, а пива и льда в этом холодильнике не держат.

— Валяй, Имельда.

Имельда выступает вперед, останавливается под единственной тусклой лампочкой, темной горой возвышаясь в полумраке комнаты над Айей.

— Мадам, я нахожу, что поведение Марсьяля Бельона в этой истории с самого начала лишено логики.

В зависимости от перемещений Имельды лицо Айи то высвечивается, то скрывается в тени — как будто это ее подвергают допросу.

— Объясните подробнее.

— Так вот, если судить по тому, что говорит пресса, и по тому, что рассказал мне Кристос, складывается впечатление, что мы... как бы это сказать?.. Что мы имеем дело с двумя разными людьми.

Айя хмурится, брови сходятся в горизонтальную черту, напоминая

запрещающий знак, но не перебивает Имельду.

— Поначалу, мадам, все наводит на мысль о самом обычном происшествии. Ссора. Несчастный случай. Марсьяль Бельон впадает в панику, вызывает полицию, признается в преступлении...

— Да-да, — нетерпеливо подтверждает Айя.

— А потом разворот на 180 градусов. Марсьяль бежит. Скрывается от полиции. Превращается в неуловимого преступника, действующего будто по заранее и тщательно продуманному плану или по меньшей мере стремящегося к определенной цели...

— Простите, Имельда, но я скажу вам прямо: обо всем этом мы уже подумали...

Кристос стоит, прислонившись к корешкам пожелтевших папок, и переводит взгляд с одной собеседницы на другую.

— Я об этом догадываюсь, мадам, — поспешно откликается Имельда, — я в этом и не сомневаюсь. Тогда я буду говорить покороче, я все сведу к одному-единственному вопросу: что произошло за эти двое суток, с 16 часов пятницы 29 марта и до воскресенья 31 марта?

Чуть помолчав, Айя резким тоном отвечает:

— Ничего! Ровным счетом ничего. События ускорились после этого — тогда, когда мы решили арестовать Бельона.

Имельда, нимало не смущаясь, продолжает, снова став более словоохотливой:

— Я объясню вам ход моих рассуждений, мадам. В пятницу, начиная с 16 часов, то есть сразу после исчезновения жены, Марсьяль Бельон сотрудничает с полицией, обращается с просьбой найти пропавшую и даже ищет у полицейских защиты. А через два дня все меняется...

Айя нетерпеливо смотрит на часы.

— А тем временем, Имельда, и вам это известно, поскольку Кристос, похоже, не делает различий между секретными сведениями и признаниями под одеялом, тем временем мы собрали улики. Кровь. ДНК. Убийство Амори Оаро. Орудие убийства... Бельон оказался припертым к стенке...

— Он там и раньше был, мадам, в этом отношении ничего не изменилось. Бельон не дурак, он уже знал и про кровь, и про ДНК, и про отпечатки пальцев, которые непременно найдут на рукоятке ножа. Я не отказываюсь от своих слов, капитан Пюрви. Бельон радикально изменил стратегию, и причины этого нам неизвестны. Говоря начистоту, это очень напоминает мне историю с моим сыном — со старшеньким, Назиром, дело было три года назад. Мне позвонили из школы и сказали, что он украл у одноклассника плеер.

Айя опять смотрит на часы, она явно нервничает, но Кростос знаком просит ее набраться терпения и дослушать.

— Поначалу Назир был кроток, словно ягненок, не отпирался, с учителями не спорил. До тех пор, пока приятель его не выдал: Назир не просто украл плеер, он наладил в школе настоящий нелегальный бизнес. Плееры, мобильники, игровые приставки, травка... Узнав о том, что сообщник его заложил, мой старшенький тут же сбежал, и полиция нашла его только через три дня. Ему тогда было всего двенадцать...

Айя вскочила. Ей наконец-то стало интересно. Она пытается провести параллель между этим рассказом и неясностями в деле. Лиана Бельон обращается с жалобой в участок в Сен-Филиппе, Бельон едет в аэропорт и безуспешно пытается поменять обратный билет. И еще прошлое Бельона — красотики, алкоголь, конопля...

— Что вы хотите сказать, Имельда? Что Марсьяль Бельон скрывает от нас нечто другое? Нечто более страшное, чем то, в чем его обвиняют? Он сбежал, чтобы мы до этого не добрались?

Кростос, гордясь подругой, сумевшей зацепить Айю своим рассказом, улыбается до ушей, потом присвистывает:

— Нечто более страшное, чем три убийства... Интересно, а? Пожалуй, стоит еще немного покопаться в прошлом Бельона?

Имельда театрально воздевает руки, но больше ей ни слова прибавить не удастся — дверь холодильника внезапно распахивается.

Врывается растрепанный Ларош в застегнутом до самого подбородка пуленепробиваемом жилете.

— Пюрви, их засекли!

— Где?

— За Равниной кафров, на дороге к вулкану.

— Это тупик! Мы их поймали. Уже иду.

Железный стул падает, подняв тучу пыли, эхо долго мечется, натываясь на стены.

Ларош молчит. Он в явном затруднении.

— Все вертолеты заняты, капитан Пюрви. Для вас... для вас нигде нет места! Операция поручена мужчинам, профессионалам, воздушному и высокогорному подразделениям. Ваша бригада должна продолжать расследование в Сен-Жиле... Это очень важно, в деле осталось еще много неясностей. Убийство Шанталь Летелье, а кроме того...

Айя взрывается:

— Вы что, смеетесь надо мной?

Два здоровенных — в дверь не пролезут — типа в форме за спиной у

Лароша переминаются с ноги на ногу, как будто писать хотят.

— Капитан Пюрви, к «ниссану» Бельона устремятся одиннадцать вертолетов. Тридцать мужчин. Большею частью — снайперы. И каждый из них — лишь один из винтиков плана «Папанг», превосходно обученный и без всяких личных амбиций. Ничего личного, понятно вам, капитан Пюрви? А теперь мне пора...

Топот удаляется, за открытой дверью холодильника — пустота и тишина. Кристос поджимает губы, Имельда пятится к стеллажу с архивами. У обоих на лице написано одинаковое огорчение.

Внезапно железный стол, пролетев через всю комнату, с оглушительным грохотом ударяется о металлические стойки стеллажей.

— Козлы! Ублюдки!

Айя выскакивает из холодильника, влетает в зал. Морес отступает перед начальницей с грацией «чистильщика», желающего освободить штрафную площадку. Айя мчится вперед, она то ли не замечает тянущегося через комнату электрического провода, то ли не хочет тратить время на то, чтобы его обойти, — и мгновение спустя видеопроектор летит на выложенный плиткой пол. Гаснут сотни желтых и оранжевых ячеек, обозначающих дома Сен-Жиля.

Восемьсот шестьдесят евро. Четверть годовой сметы управленческих расходов местной автономной бригады.

— Вот козлы! — комментирует Айя.

Она выбегает на стоянку.

Здесь бушуют вихри песка и гравия.

Вертолет Лароша, стоявший на пляже, пролетает меньше чем в тридцати метрах над ее головой, на пятнадцать секунд поднимается ураган, волнуются листья казуарин.

— Сукины дети!

Айя провожает глазами вертолет, выставив средний палец.

10 ч. 14 мин.

Вертолет Лароша превратился в мошку на горизонте. Айя топчется на месте, будто запертый в деннике жеребец, ворошит ногами камни.

Ни один из полицейских не смеет и рта раскрыть. Кристос прислоняется к стволу казуарины и закуривает, дожидаясь подходящего момента, чтобы тактично нарушить молчание.

Пусть гроза утихнет.

Капитан Пюрви несколько долгих секунд продолжает смотреть в

пустое небо с отчаянием птенца, неспособного вылететь из гнезда. Внезапно она подносит ко рту мобильник и, нисколько не сдерживаясь и не скрываясь, орет в него:

— Жипе? Да, Айя. Очень срочное дело! У тебя остались свободные вертолеты?

Короткая пауза — и Айя снова вопит:

— Есть один? Потрясающе, я тебя обожаю! Это... это для не совсем обычной прогулки. Жди, я через пару минут тебе перезвоню.

Айя отключается.

Кристос недоверчиво смотрит на нее.

— Что еще за Жипе? Твой бывший?

— Почти. Ни с кем я так не улетала, как с ним.

— Он твой любовник?

— Нет. Мой инструктор полетов.

10 ч. 17 мин.

Папа сказал — самый большой букет, какой только смогу собрать! И разноцветный. Для старой дамы с голубыми волосами, которая умерла. Как на кладбище. Умершим нравятся цветы.

Рви цветы здесь, под деревьями, сказал папа, никуда не уходи, и от ямы держись подальше. Это даже не яма, это очень глубокий колодец, по моему, он доходит до центра земли. Страшно опасный! Деревянная загородка перед ним поломана. Рядом стоят большие желтые треугольники, протянуты оранжевые пластиковые ленты.

Я все время оборачиваюсь, чтобы не заблудиться среди кустов. Папа стоит рядом с желтой машиной, метрах в тридцати от меня.

Я все поняла.

Папа съехал с шоссе, как только увидел вертолет. Он сразу свернул с него и дальше поехал по грунтовой дороге, стараясь держаться под деревьями. Вертолет не мог нас выследить, разве что приземлился бы, но все равно бы нас не догнал, мы были уже далеко. Потом папа остановил машину у края ямы. Прямо перед табличкой на поломанной загородке. Я смогла разобрать слова. «Кратер Коммерсон».

Мы здесь совсем одни.

Мы вышли из машины, ну, то есть вышли мы с папой, старушка, понятно, нет. Я сразу хотела подойти к краю, но папа не разрешил.

— Глубина этой пропасти около трехсот метров, — объяснил он мне. — Если засунуть туда Эйфелеву башню, ее почти не будет видно, разве что самая верхушка наружу высунется...

Мне трудно было в такое поверить, но, если не наклоняться, нельзя было увидеть ничего, кроме края колодца и черных дырявых камней, похожих на высохшие губки.

А потом папа отправил меня за цветами...

Теперь у меня их много, еле-еле могу обхватить букет обеими руками. Я иду к желтой машине и все время помню о том, что не должна выходить из-под деревьев. Папа разделся до пояса. Хоть мы и поднялись в горы, но и здесь очень жарко, даже жарче, чем на берегу лагуны, и ветра почти нет. Папа вытащил из машины все наши вещи — сумку, бутылки с водой, карту.

Странно.

Мне показалось, будто машина подвинулась.

Я иду к папе, несу в руках цветы.

— Софа, дальше не ходи!

— Папа, что ты делаешь?

Он весь потный. Держится руками за машину.

— Папа, что ты делаешь?

Прежде чем ответить, он садится на корточки, и его глаза оказываются как раз напротив моих. Мне очень нравится, когда он так делает.

— Софа, ты уже видела могилы на кладбищах? Там роют ямы, чтобы умершие люди могли спать и им не мешали бы шум, солнце, дождь... Спать вечно, понимаешь?

Я киваю. Мне понятно. Умереть — это не значит спать, это значит больше не проснуться.

— На этом острове, солнышко, и землю копать не надо, здесь уже есть огромные ямы — кратеры вулканов. Пятизвездочные могилы — как бывают пятизвездочные отели, понимаешь?

Я снова киваю — да, я поняла.

— Отступи немного, Софа...

Папа отодвигает желтые треугольники и опять начинает толкать машину. Он толкает ее не к деревянной загородке, а немного ниже, через кусты напрямиком к яме. Толкает изо всех сил. Машина потихоньку скользит...

Старая дама осталась внутри, я вижу в окне ее голубые волосы.

Папа одной рукой срывает оранжевую пластиковую ленту. В последний раз наваливается, и машина падает.

Надо же, сначала ничего не слышно, как будто на самом деле у этой ямы нет дна и можно падать час за часом, как Алиса, когда она провалилась в кроличью нору.

А потом внезапно раздается оглушительный взрыв. Так бывает в грозу — молния сверкнет, а гром прогремит прямо над тобой чуть позже, когда уже и не ждешь. Камни дрогнули, и мне показалось, что вот-вот они сорвутся с места и яма закроется сама собой.

Я попятилась от нее. Я далеко не такая смелая, как Алиса.

10 ч. 22 мин.

Марсьяль велит Софе отойти еще дальше и смотрит в небо. Теперь он различает три вертолета, довольно далеко: два кружат над вулканом Питон-де-ла-Фурнез, третий направляется к другому вулкану — Питон-де-Неж.

Он представляет себе полицейских — как они свешиваются в пустоту и, не отрывая от глаз биноклей, высматривают среди деревьев хоть какой-нибудь след, который помог бы им отыскать беглецов. Машина и два человека в ней, где-то между склонами вулкана и рекой — круг поисков заметно сузился.

Именно таким и был его план!

Приманить вертолеты, открыто, у всех на виду, поднимаясь в «ниссане» к вулкану. Помахать красной тряпкой, чтобы раззадорить их. А потом, как в Сен-Жиле, внезапно отделаться от машины, запутать следы и дальше идти пешком... Спуститься по противоположному склону вулкана к Сент-Роз, к океану, к бухте Каскадов.

Марсьяль улыбается Софе, потом начинает складывать вещи в сумку, одновременно стараясь запомнить карту во всех подробностях — перепады высот, леса, ручьи и овраги — и мысленно выстраивая трехмерную проекцию.

Как только они покинут заросли вокруг кратера Коммерсон, им придется столкнуться с двумя серьезными проблемами.

Во-первых, им надо будет пересечь Песчаную равнину, пройти два километра под палящим солнцем по черному пеплу, почти полностью поглощающему солнечные лучи, не отражая их. И нигде никакой тени. Мангал размером в пятьсот футбольных полей, здесь хватило бы места для того, чтобы жарить на нем сосиски для всех, кто населял остров в течение столетия. Им придется идти по открытому пространству, где их будет заметить так же легко, как муравьев на белой скатерти.

А если они каким-то чудом эти два километра преодолению, им надо будет спуститься к океану по склонам вулкана.

Пятнадцать километров. Разность уровней — тысяча семьсот метров. Софа точно не дойдет...

10 ч. 25 мин.

— А теперь иди сюда, солнышко. У тебя получился замечательный букет.

Я стою в нерешительности, прижимая к себе стебли. Мне кажется, что края ямы все еще дрожат.

— Иди сюда, солнышко, у тебя голова не кружится?

— Нет...

— Дай руку. Ты бросишь цветы на дно кратера, и тогда старая дама с голубыми волосами отправится в рай.

Мне хочется сказать папе, что, если бы он не убил эту бабулю, нам не

пришлось бы устраивать весь этот цирк с раем и цветами и сталкивать машину тоже бы не пришлось, но я боюсь, что он опять рассердится.

Я иду вперед. Останавливаюсь в десяти сантиметрах от ямы.

Рука у папы мокрая.

Яма похожа на огромный рот. Голодный рот, который готов проглотить не только мой букет, но и меня вместе с ним.

Как лошадь с ее большими зубами — когда просунешь ей через решетку несколько травинок, она старается захватить вместе с ними и пальцы. И ладонь. И всю руку.

Я упираюсь в камни у самого края ямы, мне хочется, чтобы цветы упали на дно.

— Папа, ты крепко меня держишь?

Мама никогда не разрешила бы мне это делать.

Я наклоняюсь, почти свесившись над ямой. Папа держит меня за левую руку, а правой я, широко размахнувшись, бросаю букет.

Цветы сыплются дождем.

Они падают бесшумно. Я опускаю голову, мне хотелось бы как можно дольше следить за ними взглядом, — до самого центра земли.

Я слышу только, как ветер шелестит листьями и как высоко в небе жужжат насекомые. А может, это вертолеты?

— Папа, ты только не отпускай меня, хорошо?

10 ч. 32 мин.

Все улетели...

Кристос остался один сторожить стены полицейского участка в Сен-Жиле, глупее не придумаешь, он чувствует себя котом, которого хозяева оставили в августе полным хозяином большого дома и сада, а сами уехали в отпуск.

Да нет, он все-таки не один.

С ним осталась Имельда. Негритянка сидит в его кабинете и изучает подшивку «Реюньонского жандарма», ежемесячного издания, которое выпускает управление полиции: несколько страничек, заполненных сочинениями вдохновенных стажеров, прославляющих республику, жандармерию заморского департамента и ее офицеров... Кристос в него почти никогда и не заглядывает. На острове выходит столько журналов с полуголыми девушками на обложке... Кому же захочется читать желто-зеленый журнальчик, в котором если и мелькнет юбчонка, так от полицейской формы...

Кристоса сегодня с утра одолевают грязные мысли. Та стюардессочка его возбудила... Он смотрит на гамак и старается вообразить какое-нибудь гравитационное чудо, благодаря которому он смог бы закинуть туда Имельду, а потом другое чудо — забраться туда вместе с ней... Просто так, для развлечения.

Он не стал спрашивать Айю найти и ему местечко в вертолете этого самого Жипе, упустил возможность поиграть в туриста, полетать над островом, посмотреть сверху на каньон, на Маидо, на Мафат и Салази...

Уникальный опыт встречи с дикой природой.

И задаром!

Но кто-то же должен сторожить лавку... На самом-то деле у Кристоса не было ни малейшего желания любоваться слаженными действиями Ларошевых снайперов. Тридцать вооруженных охотников спустятся с небес, подобно ангелам смерти.

А против них — несчастный мужик и шестилетняя девочка...

Маловато для сафари, на его взгляд.

Кристос идет к холодильнику — настоящему, кухонному — за

бутылкой пива, оттуда — в кабинет, который делит с Айей и где оставил Имельду. Негритянка отложила подшивку «Реюньонского жандарма» и переключилась на труды по криминалистике. Совершенно ими поглощена.

— Можно?

— Не стесняйся. Сегодня — день открытых дверей, библиотекой могут пользоваться все.

Да Имельда и не стесняется! Кростос немного заскучал. Ему приходится признать очевидное: его планам поиграть в миссионера, забравшись в гамак, осуществиться не суждено. И все же более скромные планы он еще строит. Наручники в правом верхнем ящике, прутья решетки в камере — как выйдешь из кабинета, первая дверь налево... Можно не просто по-быстрому перепихнуться, как сегодня с утра, а добавить к этому несколько пикантных деталей.

— О чем ты думаешь, Кростос?

— Ни о чем.

Имельда откладывает потрепанную книгу и жадно косится на папки, сваленные на Айином столе. Кростос допивает пиво и со скучающим видом произносит:

— Валяй, поройся в них, если хочется. Сегодня все в открытом доступе.

10 ч. 45 мин.

Имельда устраивается в Айином кожаном кресле. Перед ней, справа, в прямоугольной рамке хохочут две девчушки. Тут и гадать нечего — капитанские дочки. Очень похожи на ее собственных, отличие только одно, но весьма существенное: у этих веселых малышей есть папа, который на снимке обнимает обеих разом.

Она внимательно изучает все, что собрали полицейские из местной бригады. Протоколы допросов постояльцев и служащих отеля «Аламанда». Показания свидетелей, хотя бы как-то связанных с Марсьялем Бельоном. Анализы ДНК. Фотографии помещений, где предположительно произошло убийство: номер 38 в «Аламанде», дом Шанталь Летелье. Другие снимки, любительские: гостиничная парковка в день исчезновения Лианы Бельон, порт Сен-Жиля примерно в то время, когда был убит Роден, ботанический сад, где Бельон и его дочь, скорее всего, скрывались в течение нескольких часов...

Имельда старается все запомнить. Что бы ни думал на этот счет Кростос, сама она никогда не считала, будто у нее хоть сколько-то развито дедуктивное мышление. Она просто ничего не забывает. Она собирает,

распределяет, раскладывает по полочкам — и очень быстро находит, когда понадобится.

Кристос клюет носом, сидя рядом с ней. Раскрытый на середине — там, где на развороте гордо позируют немногочисленные женщины из морской бригады, — «Реюньонский жандарм» падает у него из рук. Кристос трезво все обдумал и смирился. Да, Имельда чувственная и ненасытная любовница... но она придерживается традиций. И думать нечего трахнуть ее где-нибудь, кроме ее постели...

А если говорить о работе, так телефон в участке молчит уже больше двадцати минут. Все разбежались. Всем на все...

10 ч. 51 мин.

Вот тут он как раз и вошел. Кристос с первого взгляда его даже не узнал в этих темных очках, белом льняном костюме и с каплями пота, повисшими на черной с проседью бороде.

— Я бы хотел поговорить с капитаном Айей Пюрви.

Зато его голос младший лейтенант узнал сразу. Арман Зюттор, управляющий отелем «Аламанда».

— К сожалению, ей пришлось отлучиться...

Кристос пытается жестом изобразить взлетающий вертолет, но понять, что именно он показывает, кроме него самого, не способен никто.

Зюттор чертыхается.

— А что случилось? Еще кого-то из постояльцев недосчитались?

Управляющий вытирает бородку ладонью.

— Двоих!

Кристос падает на ближайший стул.

— Только этого не хватало... Я их знаю?

— В общем, да. Это Жак и Марго Журден.

Младший лейтенант стискивает обеими руками глянцевые страницы «Реюньонского жандарма». Растерянно смотрит на Имельду — а вот Зюттор, кажется, даже и не заметил ее присутствия.

— Журдены пропали? — тупо повторяет Кристос.

Зюттор, похоже, по этому поводу в панику не впадает. Он садится, не спеша снимает темные очки, вытаскивает бежевый шелковый платок, утирает пот с висков.

— Да нет, лейтенант, не то чтобы пропали. На самом деле они просто уехали из «Аламанды». Сказали мне, что решили остаток отпуска провести на Маврикии.

Кристос поднимает глаза к небу, держа скрученный журнал словно

полицейскую дубинку.

— Их можно понять, — все тем же скучным тоном продолжает управляющий. — План «Папанг» не входит в число развлечений для туристов, перечисленных в путеводителе.

— Вот сволочи, — не выдержав, вставляет Кростос.

Арман Зюттор улыбается, а Кростос, вспомнив любимое занятие Жака Журдена — рассматривать весьма откровенные фотографии встречающихся на его пути девушек, в том числе и Лианы Бельон, — разом вскакивает.

— Хоть он и адвокат, а свой отпуск на Маврикии может засунуть себе сами знаете куда, и его женушка — тоже. Они главные свидетели, и, пока Бельон в бегах, они никуда с острова не уедут.

Управляющий отелом покачивает головой с таким видом, словно испытывает одновременно замешательство и облегчение.

— Танги Дижу, наш садовник, сегодня рано утром отвез их в аэропорт.

Он делает паузу, чтобы посмотреть на часы.

— Сейчас они уже в самолете. Им не в чем себя упрек...

— Подонок! — Кростос не дает ему договорить.

Довольная улыбка, застывшая на лице Армана Зюттора, не исчезает, но в каждой морщине снова блестят капли пота — словно вода в оврагах после короткого ливня.

Младший лейтенант продолжает:

— И сколько же они вам заплатили, чтобы вы придержали эту информацию до тех пор, пока самолет не взлетит?

Тонкий бежевый платок, которым Зюттор утирает серебристые виски и бородку, превратился в мокрую тряпку. Младший лейтенант, который выше управляющего на голову, наклоняется к нему.

— Да, я понимаю, за ваши бабки любой каприз, и не надо мне тут петь про кризис. Не беспокойтесь, Зюттор, их встретят в аэропорту имени сэра Сивусагура — как его там.^[35] Адвокату и его красотке лучше бы согласиться с нами сотрудничать, если они не хотят маврикийской версии плана «Папанг» на свою задницу.

Зюттор опять смотрит на часы.

— Вам придется поторопиться, лейтенант. Самолет приземлится через десять минут.

Кростос присвистывает и изображает аплодисменты.

— Ничего не скажешь, Зюттор, все спланировали отлично. Остров Маврикий — независимая республика, склонная скорее защищать богатых иностранцев.

Кристос метко запускает «Реюньонского жандарма», будто дротик, в стальную корзину для мусора, и та отзывается звоном.

Затем он снова поворачивается к управляющему отелем «Аламанда».

— Вот только Маврикий — это все же не Каймановы острова. И со всеми островами архипелага^[36] у нас заключены соглашения о борьбе с нелегальной иммиграцией, следователи и полицейские друг с другом сотрудничают. Так что пусть ваша парочка не обольщается, у нас завтра же утром будут все разрешения, какие надо, чтобы подать им кофе в постель. Вам известно, где они поселятся на Маврикий?

Зюттор хмурится, крутит в руках темные очки.

— Отель «Голубая лагуна». Я сам им его и посоветовал.

— Почему именно этот?

— «Голубая лагуна» — это полсотни хижин на сваях, прямо на воде. Мои клиенты долго раздумывать не стали.

— И что, в понедельник после Пасхи там нашлись места?

— Управляющие друг друга всегда выручают...

Кристосу нестерпимо хочется на несколько часов засунуть управляющего в холодильник, а потом ради собственного удовольствия допросить с пристрастием, но есть дела более срочные...

— Хорошо. Дайте мне адрес и телефон «Голубой лагуны» и валите отсюда.

Зюттор встает и медленно надевает темные очки. Только теперь он замечает Имельду.

— А она кто такая? — спрашивает управляющий, уставившись на сидящую за письменным столом негритянку.

Тон этого вопроса Кристосу не нравится. Должно быть, управляющие отелями на берегу лагуны больше внимания уделяют кокосовым пальмам, шезлонгам и зонтам, чем кафрам, мальгашам и прочим туземцам, которые работают в этих отелях, скользят невидимыми тенями, наводя порядок. И Кристос решает ответить так, чтобы Зюттору мало не показалось.

— Стажер Имельда Каджее. То, что она все время молчит, ничего не значит, она самая умная в нашей бригаде.

Зюттор бросает на нее подозрительный взгляд и выходит.

11 ч. 09 мин.

— Это гостиница «Голубая лагуна»? Вы говорите по-французски?

Собеседник на том конце провода отвечает с акцентом британского студента, затерявшегося в Латинском квартале.

— Да, мсье. Чуть-чуть говорю. Я к вашим услугам. Чем могу помочь?

— Соедините меня с управляющим!

Голос на мгновение замолкает, затем осведомляется:

— Не могли бы вы сообщить мне, по какому вопросу...

— Полицейский участок Сен-Жиля, остров Реюньон! Вопрос жизни и смерти. У нас тут беглый убийца, приведен в действие план «Папанг», до вас, наверное, дошли слухи?

На маврикийского администратора это не производит ровно никакого впечатления.

— Хорошо, мсье, сейчас узнаю, может ли она подойти к телефону.

Кристоса бесит этот флегматик, который, не отходя от телефона, спрашивает у какого-то Майка, похоже, не более энергичного, чем он сам, на месте ли «мисс Доре».

Кто?!

— Грациелла Доре? — орет в трубку Кристос. — Это она управляет «Голубой лагуной»?

— Да, мистер, но...

— Черт, позовите ее уже!

На этот раз в трубке слышны торопливые шаги. Шаги удаляются. Кристос смотрит в окно. Этого проныры Зюттора и след простыл.

Ждать не пришлось и минуты.

Снова послышались шаги, более легкие и неспешные, и на этот раз они приближаются. Высокие каблуки простучали по плитке, может быть, мраморной, остановились. Секундная пауза — и внезапно раздается резкое:

— Да?

— Грациелла Доре?

— Да, я слушаю.

— Младший лейтенант Кристос Константинов. Мне поручено расследование по делу вашего бывшего мужа, Марсьяля Бельона.

Прежде чем ответить, Грациелла Доре вздыхает с явным раздражением.

— Я вчера уже все рассказала тому типу из консульства, который приезжал в отель меня допрашивать. Он меня заверил, что работает в сотрудничестве с полицейским управлением Реюньона.

Кристос знаком просит Имельду дать ему папку с делом Бельона. Одной рукой перебирает бумажки. И почти сразу натывается на три скрепленных листка. Показания Грациеллы Доре, которую допрашивал в воскресенье 31 марта, в 21 час 17 минут, в отеле «Голубая лагуна» на острове Маврикий, Даниэль Колансон. Даниэль Колансон... Кристос смутно его помнит — бывший полицейский, раньше работал в Сен-Дени,

после беспорядков в Шодроне^[37] впал в депрессию и в конце концов перешел работать в службу безопасности консульства на Маврикии. Им передали эти показания по факсу из центрального управления сегодня утром, перед тем как они рванули к Шанталь Летелье. Он сунул их в папку не читая. Некогда было... И никого они не интересовали. Бельон — преступник. Кроме облавы, ничто не имело значения.

— Вы еще здесь, лейтенант?

Кристос оторвался от показаний. Некогда ему сейчас копать в этих бумажках, он должен выиграть время.

— С чего вдруг Журдены к вам завалились?

Снова вздох, на этот раз в нем слышится удивление.

— Какие вы там, в жандармерии, оказывается, непосредственные и прямые!

— Да нет, просто время поджигает.

— Журдены — это парижский адвокат и его жена? Мне недавно звонил Арман Зюттор, он мой старый друг, и по его просьбе я освободила для них номер. Услуга за услугу. А что, не надо было этого делать?

— Почему же? Просто совпадение показалось мне странным.

Он думает о том, что Арман Зюттор, скорее всего, уже был управляющим «Аламандой» в те времена, когда Грациелла Доре держала бар-ресторан на пляже Букан-Кано. Один круг...

Кристос ведет пальцем по лежащей перед ним бумаге. Строчки прыгают у него перед глазами.

— Мадам Доре, вы можете кратко изложить мне то, что рассказали вчера Колансону?

— Это радует. Вы вообще в полиции между собой общаетесь?

— К сожалению, в последние два дня мы заняты по горло. Так какая у вас версия?

— Простите?

— Я предполагаю, что вы следили по телерепортажам за побегом вашего бывшего мужа. Сейчас у нас уже три трупа.

— Вы хотите услышать мое мнение? Я правильно поняла?

— Правильно.

— Я вчера сказала этому типу из консульства, что я думаю. Вы ошибаетесь. Во всем, от начала до конца. Марсьяль не имеет никакого отношения к этим убийствам, он и мухи не обидит.

Марсьяль Бельон?

И мухи не обидит?

Кристос чертыхается. Ему надо было не пожалеть времени и прочитать показания Грациеллы Доре. Этот Даниэль Колансон, насколько он помнит, хоть и тяжел на подъем, зато, когда допрашивает свидетелей, проявляет немалую сообразительность.

— Ваш бывший муж был осужден за причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Он виновен в гибели вашего сына.

Спокойный до тех пор голос Грациеллы Доре впервые поднимается до визга — это напоминает эффект Ларсена в плохо отлаженном микрофоне.

— Что вы там читали? Отчет следователя Мартен-Гайяра? Газеты того времени? Что вы знаете о случившемся той ночью? На какие свидетельства опираетесь?

Кристос не торопится отвечать. У него появилось странное ощущение, будто ход расследования вот-вот круто повернется. Он взвешивает слова.

— Марсьяль Бельон невиновен в гибели вашего сына Алекса? Я правильно понял ваши слова?

— Я уже вчера так и сказала вашему коллеге. Марсьяль здесь ни при чем. Он взял вину на себя. Поскольку надо было найти виновного...

Кристос пытается соображать как можно быстрее. А что, если они с самого начала рассуждали неверно, шли не в том направлении? Если Марсьяль невиновен в гибели сына, если он, напротив, стремится отомстить, — нечто в духе графа Монте-Кристо? Если он именно для того и вернулся на Реюньон? Было бы у Крестоса сейчас время посоветоваться с Имельдой...

— На пляже Букан-Кано был... был кто-то еще?

— Это давняя история, лейтенант. И мы довольно долго залечивали свои раны.

— Вы должны рассказать мне больше, мадам Доре.

— А что это изменит? Что изменится, если вы узнаете, как на самом деле умер Алекс? Какое это имеет значение для вашего плана «Папанг»?

— Искать и находить связи между прошлым и настоящим — наша забота, мадам Доре. Вы мне не ответили. Был на пляже Букан-Кано еще кто-то?

— Я вчера уже все сказала этому типу из консульства.

Кристос закрывает папку с делом Бельона. Если бы в показаниях Грациеллы Доре было хоть что-то интересное, центральное управление им на это указало бы.

— Ничего вы ему не сказали! Ни слова о тех, кто работал в вашем баре. Ни слова о возможных свидетелях гибели Алекса. Ни слова о том, что заставило вас закрыть свое заведение через два месяца после трагедии и

почему еще несколько недель спустя вы покинули остров.

— Психологией увлекаетесь?

Кристос заговорщически улыбается Имельде.

— Пробую разобраться. Посещаю вечерние курсы.

— Отлично, лейтенант, так и продолжайте. Все, что я могу вам сказать, и повторяю это уже в третий раз: вы заблуждаетесь. Марсьяль никого не убивал. Он на это неспособен.

— Мадам Доре, чтобы признать вашего бывшего мужа невиновным, этого недостаточно. Прямо сейчас за ним охотятся одиннадцать вертолетов и больше тридцати полицейских.

— С сачком? Ваши люди гоняются за человеком, опасным не более чем какая-нибудь бабочка.

— С ружьями, мадам Доре. Они не станут рисковать. Они его застрелят.

Кажется, Грациелла Доре впервые заколебалась. Кристос понимает, что он должен подсказать ей выход. Он припоминает несколько причудливых версий, которые обсуждал с Айей.

— Мадам Доре, вы можете просто назвать мне имена служащих вашего бара, тех, кто был на месте, когда утонул Алекс?

— Это было так давно... Их было много.

— Мы все равно так или иначе узнаем их имена, мадам Доре.

— Вы быстро действуете, лейтенант. Очень быстро.

— Теперь ваша очередь. Вашего прелестного мотылька в ближайшие минуты насадят на булавку.

— Я подумаю. Оставьте мне ваши координаты.

— Их было семь, мадам Доре. Я хочу услышать семь имен.

— Совершенно верно, лейтенант. Семь креолов. Вы осведомлены лучше, чем вчерашний полицейский.

— Такая у нас работа. Ищем, роем, продвигаемся. Теперь о другом. Есть ли какие-то известия от Журденов?

— Нет. Они пока не объявлялись. На стеклянном столе в номере их ждут два стакана ванильного пунша и букет антуриумов.

— Райский уголок! Как только Журдены до вас доберутся, свяжитесь с Колансоном, полицейским из консульства. Или ваши хижины вполне могут остаться без крыш — их снесут вертолеты наших суровых парней...

Грациелла Доре снова заговорила холодным и нейтральным тоном, как и положено управляющей роскошным отелем.

— Я подумаю, лейтенант.

11 ч. 11 мин.

— Что скажешь, дорогуша?

Кристос только что положил трубку и теперь с нетерпением ждет заключения Имельды, которая слушала весь разговор по громкой связи.

— Миленько...

Младший лейтенант в недоумении таращит глаза:

— Ты о чем?

— О «Голубой лагуне»! Хижины на сваях, букет антуриумов — все это очень миленько. Своязил бы ты меня...

— На Маврикий?

Кристос пристраивается на краю стола, за которым сидит негритянка.

— По-моему, это место для юных влюбленных парочек...

Имельда хватает ластик и запускает им в Кристоса, тот со смехом пригибается.

— И без вывода!

Пока Имельда ищет другой снаряд, Кристос любуется ее эбеновым телом в широком вырезе платья. Он знает способ умиловить свою чернокожую мисс Марпл.

— А как насчет дела Бельона, красавица моя? Ты нашла кончик нитки, за который надо потянуть, чтобы распутать все эти узлы?

Имельда прекращает обстрел и начинает рассуждать вслух.

— Не знаю, мне надо во всем этом разобраться. Журдены, Арман Зюттор, те, кто работал в баре десять лет назад, и те, кто сегодня работает в «Аламанде», отношения между Марсьялем Бельоном и его бывшей женой, и с его новой женой, и с Алексом, и с Софой...

Воспользовавшись тем, что Имельда увлеклась рассуждениями, Кристос тянется к ней. Ему нестерпимо хочется расстегнуть одну-две пуговицы на ее платье, просто чтобы порадовать глаз. Негритянка, полностью поглощенная своими соображениями, ничего не замечает.

— Все это как-то связано одно с другим, — продолжает она. — Насилие не вырастает на пустом месте, для него всегда есть подготовленная почва.

Младший лейтенант наклоняется и дует ей в шею.

— А удобрений здесь более чем достаточно. Несправедливо распределенные деньги. Общая безработица. И даже расизм, если копнуть поглубже.

— Вот уж чего нет, того нет. Тут вы ошибаетесь! Насилие на острове порождено совсем не этим.

Кристос отвечает ей машинально, почти уткнувшись лицом в грудь

любовницы. Ему хочется добавить секс к длинному списку мотивов, побуждающих островитян убивать ближних.

— Ну так что же, красавица моя?

— Не знаю... Я каждый день просматриваю раздел происшествий в газете. Преступления на каждом шагу, куда ни глянь — брошенные дети, избитые жены, соседи, которые режут друг друга... Но истоки всего этого надо искать в другом месте... они скрыты...

Имельда продолжает рассуждать, она на мгновение вспоминает отцов своих детей. Обычная история, всегда одно и то же. Безделье. Нищета. Пьянство. Злоба. Пока островитянки получают и тратят детское пособие, отцы и свекры постепенно утрачивают всякое достоинство.

Она почти шепчет, словно открывает тайну:

— ...в каждом человеке.

Кристос ее не слышит. Он тянется к ней уже обеими руками, его пальцы нацеливаются на верхнюю пуговицу у выреза, но тут его зад соскальзывает со стола, и ему удается сохранить равновесие, лишь ухватившись правой рукой за плечо Имельды, а левой — за ее грудь.

Имельда отшатывается.

— Убери лапы, распутник. Я и так уже здесь засиделась. Меня дети ждут, надо карри готовить...

11 ч. 23 мин.

Имельда оставила машину рядом с почтой, за поворотом на бульвар Ролана Гарроса, метрах в пятидесяти от полицейского участка. Она идет к стоянке, на ходу пересчитывая монетки в кошельке. Один старый креол почти каждый день ставит здесь свой грузовичок и торгует клубнями чайота по невероятно низким ценам. Туристы на это больше одного раза не попадают... Как правило, чайот они ненавидят настолько же, насколько реюньонцы его обожают.

Имельда переходит улицу.

Прямо перед почтой стоят три машины. Грузовичок фермера. Синяя «Пикассо». И внедорожник «шевроле каптива». Черный.

Имельда не может оторвать взгляда от внедорожника: машины такого размера на острове редкость, а еще большая редкость — такие, как этот, с его двойным глушителем и хромированным кенгурятником, защищающим передний бампер, фары и капот.

Имельда дрожащей рукой закрывает сумку. В это невозможно поверить, однако ее зрительная память не позволяет ей усомниться.

Она уже видела этот автомобиль! И часа не прошло, как она видела его

на фотографии в папке с делом Бельона, лежавшей на столе капитана Пюрви.

Она инстинктивно делает шаг в сторону, пытаясь спрятаться за стволом огненного дерева, укrywшего своей тенью улицу до самого угла. Торговец чайотом удивленно смотрит на нее из-под полей шляпы, беззубая улыбка застыла на его лице. Неумеренное чтение детективных романов приучило Имельду к тому, что в совпадения верить нельзя... Ей приходится признать очевидное.

Машина, которую она видит перед собой, машина, стоящая сейчас в двух шагах от полицейского участка, три дня назад была припаркована на стоянке отеля «Аламанда». Точнее, в пятницу, во второй половине дня, именно тогда, когда исчезло тело Лианы Бельон и когда был убит Роден.

Песчаная равнина

11 ч. 24 мин.

— Надо идти дальше, маленькая моя.

Марсьяль, сощурившись, всматривается в горизонт. Повсюду, насколько хватает глаз, перед ним лежит лунный пейзаж, пепельный океан, усеянный островками лавы огненного цвета и базальтовыми глыбами, напоминающими окаменевших чудовищ. Он точно рассчитал расстояние по карте. Даже если срезать напрямик, двигаться самой короткой дорогой, переход через Песчаную равнину — это два километра пути. Два километра по открытой местности, где нет ни одного дерева.

Пепел проминается у них под ногами, они оставляют за собой следы. Ветер поднимает недостаточно пыли для того, чтобы засыпать эти следы, зато его силы хватает на то, чтобы забивать ею ноздри, глаза, все отверстия. Они идут, плотно сжав губы.

Марсьяль смотрит на дорогу, которая вьется перед ними посреди равнины. Красный шлак скапливается на насыпи, покрывает асфальт, отчего дорога напоминает гигантский лист ржавого железа.

Им надо пересечь равнину. Потом идти дальше. Вперед.

— Слишком жарко, папа...

Софа не двигается с места. Она кашляет. И дальше идти отказывается. Марсьяль понимает, что дочка не капризничает, это безумие — заставлять малышку двигаться по пустыне.

— Надо идти дальше, Софа. Надо...

Дальше? До каких пор идти?

Черная земля перед ними словно выжжена лесным пожаром, все деревья до одного вырваны с корнями, обуглены, малейшие неровности сглажены, выветрены. Словно разгневанный Бог хотел быть уверен в том, что ни одно существо никогда не сможет жить на этой равнине. И даже пройти по ней не сможет, а значит, не осквернит тишины. Софа вопит, бросая вызов небу:

— Папа, я больше не могу дышать!

— Я тебя понесу, солнышко. Я понесу тебя на спине. Мы должны дойти... Как только доберемся до деревьев — считай, что мы спасены...

— Нет здесь никаких деревьев!

Слева и выше них стоянка у ущелья Белькомб. Красная дорога

заканчивается там, у края кратера, а прямо за ней тянется впадина больше трехсот метров длиной, посреди которой пылает кратер Доломье. Они уже полчаса идут по равнине, за это время на стоянку приземлились три вертолета. И еще один рассекает небо вдали, над вулканом Питон-де-Неж.

По лицу Марсьяля, скрытому козырьком низко надвинутой бейсболки с надписью «974», катятся крупные капли пота. Над ущельем Белькомб в солнечных лучах сверкают десятки звездочек.

Дверцы со стеклами? Бинокли? Оптические прицелы?

Марсьяль протягивает руки к дочери.

— Софа, если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше. Ты помнишь? Мы должны дойти до места встречи.

11 ч. 26 мин.

Полковник Ларош выпускает из рук бинокль, оставляет его висеть на шее. Марсьяль Бельон и его дочь видны невооруженным глазом. Полковник поворачивается к майору Андрие, командующему подразделением из шестнадцати снайперов, ожидающих его приказов на стоянке у ущелья Белькомб. Тех туристов, которые уже успели подняться, разместили подальше, позади вертолетов, у горного приюта с комнатой для отдыха, закусочной и туалетом. Новые туристы не прибывают, дорогу перекрыли у Бург-Мюра. Андрие направляет свою снайперскую винтовку в сторону Песчаной равнины.

— Бельон, похоже, без оружия. С этого расстояния я могу его уложить, не зацепив девочку. Все закончится раньше, чем он что-то поймет.

Ларош задумчиво смотрит на крохотный вулкан Формика Лео. Переводясь с одного места на другое, он трижды объехал вокруг света, но этот остров несколько не походил ни на что виденное раньше. Серая пыль, каньоны, обломки породы — все это напоминает пейзаж из вестерна или, хуже того, из постапокалиптического триллера. Ларош поочередно оглядывает каждого из шестнадцати жандармов, вцепившихся в оружие. Теперь самое трудное — не поймать Марсьяля Бельона, а избежать оплошности.

— Спокойно, Андрие. Малышка — не заложница Бельона, это его дочь. Если мы застрелим отца у нее на глазах, это может привести к серьезному расстройству психики... Не говоря уж о шальной пуле. Нас здесь несколько десятков, Бельон один на пустой и открытой площадке в пять квадратных километров. Нам достаточно их окружить, чтобы взять живыми.

11 ч. 29 мин.

«Если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше», — сказал мне папа.

Если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше!

Это неправда. Папа просто-напросто врун!

Я не могу идти дальше. Мне слишком жарко, у меня больше нет сил, я останавливаюсь и ору:

— Папа, я тебе уже не верю, папа. Ты врешь! Ты все время врешь. Мама умерла, ты убил ее, как убил бабушку с голубыми волосами. И что ты теперь сделаешь? И меня тоже убьешь, потому что я уже не могу двигаться?

Папа протягивает ко мне руки, как будто хочет меня поднять.

Но я не поддамся.

Я сажусь, сбрасываю сандалии и ставлю босые ноги на черный песок. И руки на него кладу.

Как жжется! Мне кажется, сейчас у меня кожа расплавится до самых костей. Ну и пусть. Черные песчинки жалят кожу, будто подо мной тысячи муравьев. Я не шевелюсь. Я жду, чтобы они меня закусали. На это надо всего несколько секунд.

Лучше мне умереть...

Лучше мне...

Сама не заметила, как взлетела.

И оказалась у папы на спине.

Я пинаю его ногами, но он не обращает на это внимания. Папа наклоняется, подбирает мои сандалии. Он идет большими шагами, почти подпрыгивает, словно космонавт на Луне.

И говорит, тяжело дыша:

— Ты должна мне верить, Софа. Я никого не убивал, клянусь тебе.

— Тогда почему же они за тобой гонятся?

В небе пролетают еще два вертолета.

Со всех сторон на нас надвигаются черные тени, окружают нас. Как будто камни оживают.

Папа совсем спятил с этой своей встречей. Мы пропали. Жандармы ни за что нас не пропустят.

— Папа, не сжимай меня так, мне больно.

— Надо двигаться быстрее, Софа, посмотри, они уже совсем рядом...

Я не отвечаю, молча луплю его ногами по животу. Я хочу сделать ему как можно больнее.

11 ч. 33 мин.

Ноги Марсьяля вязнут в пепле, словно в сыром песке. Он взмок от пота. Софа слишком тяжелая и все время вертится, он не сможет долго ее тащить. Для того чтобы у них остался хотя бы крохотный шанс, он должен любой ценой убедить ее, что ему можно доверять, уговорить идти рядом.

Выиграть время.

— Софа, послушай меня, если жандармы нас остановят, ты больше никогда не увидишь маму. Никогда.

Вместо ответа Софа колотит его ногами.

— Врун! Врун!

Марсьяль смотрит на горизонт, где толпятся темные мундиры. Выбора у него нет. Он осторожно спускает на песок девочку, которая не перестает брыкаться, садится на корточки и заглядывает ей в глаза. Он знает, что не имеет права на ошибку.

И все же он блефует. У него на руках ничего нет, ни одной старшей карты, ни хотя бы одной пары.

Играю на последние!

— Послушай меня, Софа. Слушай внимательно. Мама не умерла. Нам надо перевалить через вулкан и спуститься с другой стороны, там она тебя ждет. Слышишь, Софа, она ждет тебя. Живая!

Софа стоит неподвижно. Недоверчиво смотрит на него.

Снова пролетают вертолеты, на этот раз три.

Равнина уменьшается, камни двигаются к ним, отрезая все пути.

— Она жива, Софа, клянусь тебе, — повторяет Марсьяль и молится про себя, чтобы это оказалось правдой.

11 ч. 34 мин.

Базальтовый грот над Индийским океаном. Волна неумолимо бьется о черные скалы, словно океан упорно старается снова завоевать те несколько метров суши, которые вулкан крадет при каждом извержении. Иногда волны поднимаются выше, и тогда дерзкие брызги пены залетают внутрь вулканической пещеры, но испаряются, едва коснувшись камня.

Вечная битва огня и воды.

Сауна Данаид.

Лиана здесь умрет.

У Лианы руки связаны за спиной, ноги скручены стальным кабелем. В таком положении она и очнулась в этом гроте над Индийским океаном. Все, что она может, — поползти до входа в пещеру, встать на колени и увидеть бескрайний океан. Броситься в воду означало бы покончить жизнь самоубийством, волны за несколько секунд разобьют ее о скалы.

Это положило бы конец ее мучениям.

Но она должна держаться.

Ради Софы.

Лиана, с тех пор как пришла в себя, не перестает рассуждать. Скорее всего, она где-то на восточном побережье, между Сент-Роз и Сен-Филиппом, в одной из расселин, образованных вулканической лавой и доступных только со стороны океана, — стекая к воде, лава перекрыла прибрежную дорогу. Последнее извержение было в декабре 2010 года. Ни один географ не тратит время на то, чтобы наносить на карту столь недолговечный рельеф.

Лиана может сколько угодно кричать и вопить — никто ее не услышит. Несмолкающий грохот волн перекрывает все прочие звуки. Она все же попробовала, звала несколько часов подряд. У нее больше нет сил. В груди словно камин пылает, пары сернистого ангидрида с каждым вдохом разъедают гортань.

Сколько здесь может быть градусов? Пятьдесят? Еще больше? Она обливается обжигающим потом, несмотря на то что старается двигаться как можно меньше. Она пытается сохранить ясность ума. Задавать себе правильные вопросы.

На самом деле она задается одним-единственным вопросом.

Где Софа?

Она с Марсьялем? Он один с ней?

Софа в опасности. Лиана десятки раз, сотню раз прокрутила в голове ленту последних событий. Теперь ей все понятно. Ее жизнь не имеет значения. Уже не имеет значения. Ее смерть — лишь предлог. Ее тело — лишь приманка, кусок протухшей плоти, гниющей в западне.

На самом деле охотятся за Софой.

Лиана не боится умереть, но ей мучительно думать о том, что она подохнет здесь, бессильная. Она должна держаться, пока остается хотя бы самая крохотная надежда.

Где Софа?

Она выжила в эти несколько часов только потому, что хочет узнать ответ. Она вытянулась на раскаленных камнях и принялась ногами подталкивать в сторону океана самые рыхлые камни. Один за другим, сантиметр за сантиметром, прорывая канавку и медленно расширяя ее. Потом проделала то же самое еще раз, совсем рядом, и так до тех пор, пока в скале не образовался десяток впадин.

И стала ждать.

Когда волны взметнулись выше, наполнив пещеру водяной пылью, вода тотчас превратилась в горячий пар, и все же несколько капель остались в выемках, образовав теплые лужицы глубиной в несколько миллиметров. Лиана уткнулась в воду лицом, глазами, ноздрями, ртом, жадно впитывая и втягивая ее, пока она не испарилась. Лиана проделала это еще раз, еще десять, еще сто раз, надеясь, что теперь ее кожа не растрескается, словно пережженная глина.

Напрасно старалась. Она быстро поняла, что этого недостаточно. Собранная вода слишком быстро уходила через тысячи мелких трещин в камне. С таким же успехом можно пытаться загасить пылающий костер при помощи шприца. Несколько жалких лужиц дадут ей возможность протянуть всего на несколько часов дольше.

Лиана села, чтобы подумать, поискать другое решение, пока окончательно не лишилась рассудка.

Где Софа?

Зубами и связанными за спиной руками Лиана разорвала на себе одежду — широкую юбку, белую хлопчатобумажную блузку, лифчик. Ей пришлось долго крутиться, и ее шелковые трусики в клочья изодрались о камень. Она осталась голой, если не считать нескольких прилипших к коже лоскутков ткани, как прилипает обертка к леденцу, который слишком долго таскали в кармане.

Лиана подползла ко входу в грот. Ненадолго замерла, подставив нагое тело морскому ветру, потом затолкала лохмотья одежды в базальтовые плоскости. Лоскуты постепенно впитали воду, не успевшую уйти в камень, и еще несколько мгновений оставались влажными и липкими. Лиана тут же стала прикладывать их к векам, между грудями, к лобку, выжимая, словно губку, до тех пор, пока тряпки не высохли и не затвердели.

Она начала все сначала. Бесконечно механически повторяла одни и те же движения. Потом стала добавлять к ним другие. Чтобы не сойти с ума.

Ей удалось, изгибаясь, отломить зубец, что-то вроде куска сталагмита. Она быстро отказалась от попыток перерезать свои стальные путы при помощи этого каменного орудия, вместо этого она принялась тереть его о скалу, стараясь заточить. Лиана прикинула, что острие длиной меньше десяти сантиметров поместится у нее в руке и останется незаметным.

Оружие...

Если ее когда-нибудь развяжут, может быть, она сумеет им воспользоваться. Она заставляет себя в это поверить, чтобы не помешаться.

Где Софа?

Лиана осознает, что поступала неправильно, что все ее усилия лишь приблизят агонию. Глупо было надеяться на это ничтожное оружие, к тому же она, пока его затачивала, ободрала запястья, и теперь они сильно кровоточат. И раздеваться тоже не надо было. Оттого, что она отчаянно извивается, прижимая тряпки к своему истерзанному телу, лоскутки с каждым разом становятся меньше. Теперь любое соприкосновение ничем не защищенной кожи с камнем оборачивается пыткой.

Она обгорела.

Ее ступни обожжены так, словно к ним прикладывали пылающие угли. Пот, стекая по телу, оставляет за собой жгучий след. Влагалище припекает изнутри.

А до того, как она разделась, хуже было или лучше? Она уже не помнит.

И все же она должна продержаться.

Добиться ответа.

Она должна снова увидеть Софу.

Живой.

11 ч. 35 мин.

— Вот они!

Жипе показывает пальцем на две фигурки, побольше и поменьше, отчетливо видимые на фоне песка. В следующую секунду «Колибри» описывает короткую дугу и пикирует к вулкану.

Айя вцепляется в ручку над дверью. Она очень давно не летала на вертолете. Если совсем точно — семь с половиной лет. Она не поднималась в воздух с того дня, как узнала, что беременна Жад. А ведь сколько Жипе потом уговаривал эту упрямую ослицу снова летать с ним. Она познакомилась с пилотом еще в начальной школе, и на переменках он чаще сидел на дереве или бегал по крыше, чем гулял во дворе. Ассоциацию «Высокий полет» он создал, когда ему было двадцать, Айя в то время изучала право в метрополии. Через несколько лет Жипе — Жан-Пьер Гранден — благодаря помощи сети друзей уже мог предложить любителям сильных ощущений полный набор всевозможных полетов над островом: на планерах, мотодельтапланах, дельтапланах, паралетах, мотопарапланах... и, разумеется, высший пилотаж... вертолетная прогулка.

«Колибри» внезапно качнулся вправо. Устремился к кратеру Доломье. Голова закружилась — Айя не помнит, чтобы раньше так было. Под каждым жерлом угадывается раскаленный колодец, словно они летят над логовом дракона, над Мордором — запретной территорией, откуда в любое мгновение может вырваться смертоносный огонь.

Жипе поправляет темные очки и улыбается.

— Без паники, Айя. Гора еще спит. Зато движение с утра оживленное...

Он кивает на три полицейских вертолета, которые кружат вдали над Песчаной равниной.

— Я не могу подобраться к ним слишком близко. Очень уж они обрадуются, если смогут лишить меня лицензии.

Айя понимает. Вертолетными прогулками над островом распоряжаются две официальные компании, которые установили непомерно высокие расценки... За час полета — больше тысячи евро... Твердая цена за незабываемые впечатления. Жан-Пьер со своей ассоциацией сбивает цены. «Высокий полет» не преследует никаких

коммерческих целей, Жан-Пьер довольствуется тем, что катает своих друзей над островом на своем личном вертолете, как другие катали бы на машине... друзей из числа членов и донаторов его ассоциации, в среднем за сотню евро. Несмотря на давление официальных компаний, которые жаловались на нечестную конкуренцию, торговый суд в Сен-Дени не нашел, к чему придраться. Судья особенно и не старался, население верхней части города и их депутаты хорошо относились к «Высокому полету». Во время недавних ураганов Жан-Пьер Гранден был одним из немногих пилотов, кто согласился снабжать продовольствием деревушки цирка Мафат, от которых до ближайшей асфальтовой дороги несколько часов пути, деревушки, отрезанные от мира, если не брать в расчет непрерывное кружение над ними вертолетов с туристами, не выпускающими из рук фотоаппараты и камеры.

— Айя, может, я высажу тебя на стоянке у ущелья Белькомб? Мне кажется, твои друзья не собираются тебя ждать и начнут без тебя...

«Колибри» вильнул влево.

Айя стискивает зубы. Из застекленной кабины открывается фантастическая панорама. Внизу, на стоянке, виднеются пять вертолетов и четыре полицейских фургона. Между ними перемешаются человек десять, все с оружием, а еще десятка три продолжают распределяться по Песчаной равнине, окружая двух беглецов. В центре Марсьяль Бельон, Айя узнает его, он держит за руку Софу.

— Им не уйти, — шепчет Айя.

Сколько бы она ни напоминала себе о трех совершенных Бельоном убийствах, она не может избавиться от жалости к этому человеку, убегающему вместе с дочерью: две выбившиеся из сил газели, окруженные хищниками, которым хватило ума загнать их на голую площадку и перекрыть все выходы. До первых деревьев, среди которых беглецы могли бы спрятаться, еще несколько сот метров, путь к ним преграждает заслон из двадцати полицейских, и у каждого — дальнобойная винтовка. Достаточно одного приказа Лароша, чтобы этот отчаянный побег завершился.

Еще несколько секунд, не больше, думает Айя. Ларош не такой дурак, он хочет их взять живыми...

Она поворачивается к пилоту.

— Игра окончена, Жипе. Извини за беспокойство, но лучше отвези меня домой. Я не горю желанием спускаться только для того, чтобы поздравить этого мудацкого полковника.

— Как скажешь, красавица...

Вертолет снова набирает высоту. Айя вцепляется в ручку и чертыхается.

— Все-таки странно, что Бельон оказался окруженным здесь, на склоне вулкана, посреди Песчаной равнины... У него был выбор между тысячей мест, где можно спрятаться, здесь леса, куда ни глянь, а он выбрал самое открытое место на всем острове...

Жипе улыбается.

— А этот твой беглец — он кто, турист? Или знает Реюньон?

— И то и другое... Хотя, да, судя по его биографии, он хорошо знает эти места.

— Ты меня удивляешь...

Пилот приподнимает очки и щурит глаза, большие и светлые. Похоже, он внезапно развеселился, он смотрит на Бельона и Софу с восхищением.

— Что значит — удивляю? О чем это ты, Жипе?

— Если хочешь знать мое мнение, ваш особо опасный преступник расставил вам отличную ловушку, и все полицейские острова в нее ломанулись.

Айя всматривается в склоны вулкана. Десятки людей окружают Бельона. Он один посередине. Она не понимает.

Жипе поднимается еще выше.

— Да не там, красавица. Прямо за нами.

Айя оборачивается. Она видит каньон, реку, скользит взглядом до устья, вдоль косы, вдоль коттеджных поселков Сен-Жозефа, заполнивших каждый клочок земли между океаном и ущельями.

И внезапно до нее доходит.

Она застывает, не в силах отвести взгляд от самого глубокого ущелья на острове, около двух тысяч метров.

Черт... Марсьяль Бельон все рассчитал. Точное место. И точное время побега. Он заставил все вертолеты приземлиться там, где ему надо. Он заставил всех полицейских острова в погоне за ним собраться в одной-единственной точке. И этот придурок Ларош ринулся туда очертя голову со всем своим зорейским войском. Марсьяль поставил на карту все, но правила игры были известны ему одному.

— Жипе, нам надо сесть! — орет Айя. — Нам надо немедленно сесть и предупредить их.

— Как прикажешь, красавица...

Вертолет резко идет вниз, к вулкану. Айя мысленно подсчитывает, сколько у них остается времени.

Самое большее — пятнадцать минут.

А потом расставленная Бельюном западня захлопнется, и люди Лароша, ничего не успев понять, окажутся в ней.

11 ч. 36 мин.

Имельда уже больше десяти минут не двигается с места. Она продолжает стоять в тени огненного дерева, задумчиво разглядывая черный внедорожник.

А на нее уже подозрительно поглядывает с противоположного тротуара продавец чайота. Имельда делает вид, будто ищет в сумке мобильник, потом — будто изучает какое-то приложение. Никто же не догадается, что ее старенький телефон ни на что больше не способен кроме как соединить двух людей, которым хочется поговорить друг с другом.

Имельда размышляет. Стоящая сейчас перед ней черная машина «шевроле каптива» в пятницу после обеда, в то самое время, когда пропала Лиана Бельон, была припаркована на стоянке отеля «Аламанда». Имельда на собственном опыте научилась не верить в случайности. У вещей всегда есть серьезные причины для того, чтобы оказаться там, где они оказались. И у вещей, и у людей.

Теплый корпус мобильника греет руку. Имельда в нерешительности. Логика подсказывает ей, что следует позвонить Кростосу, все ему объяснить, продиктовать номер машины. Он с этим разберется, и она сможет выбросить все из головы.

Кростос посмеялся бы над ней, но, если бы она стала настаивать, он все же занялся бы проверкой. Кростос неплохой человек. Больше того — он лучший из всех мужчин, каких она знала. Да, он еще и самый ленивый, самый неверный, и самый старый тоже, и кончает быстрее всех, едва успев в нее войти, а после этого еще быстрее засыпает, и пьет больше всех, и на коноплю подсел, как никто, и он самый белый из них... И все же случайностей не бывает. Она наблюдает за Кростосом, когда он не строит из себя мачо, искушенного и разочарованного полицейского или циничного любовника, когда, на мгновение выйдя из роли, он машинально подбирает с пола куклу Жоли, беглым взглядом окидывает скутер Назира, проверяя, все ли в порядке, или даже когда она читает и чувствует за плечом его взгляд.

Так не смотрят мужчины, у которых встает от солнца и алкоголя.

Этот взгляд полон невысказанной нежности.

Да, если присмотреться к Кростосу, увидишь, что он заслуживает любви.

«Шевроле каптива» мигает фарами. Они трижды включаются и гаснут. Имельда еще дальше отступает за дерево, не сводя глаз со стоянки. Какой-то мужчина направил на машину брелок. Малабар, похожий на бочку в своей тесной курте, на голове бейсболка цвета хаки с красной тигриной мордой. Весит он, наверное, столько же, сколько она, если не больше, но при этом ростом ниже сантиметров на двадцать. Левым локтем прижимает к себе коричневую сумку, явно набитую до отказа провизией, купленной в «Хлебном доме».

Еще мгновение — и малабар скрывается в машине.

Имельда должна принять решение немедленно.

Позвонить Кростосу... и выставить себя идиоткой.

Бросить это дело... и постоянно о нем думать.

Добежать до своей старенькой «поло», припаркованной в десяти метрах отсюда, и двинуться следом за «шевроле». Просто для того, чтобы попытаться хоть что-то распутать...

Случайностей не бывает.

11 ч. 37 мин.

Печать.

Кростос наклоняется к компьютеру и щелкает по иконке.

Старенький принтер, кряхтя, начинает выплевывать на лист бумаги формата А4 красные буквы. Кростосу пришлось поменять цвет шрифта в файле PDF, который только что по электронной почте прислала ему Грациелла Доре, в черном картридже закончился тонер, а менять картриджи он так и не научился. Управляющей «Голубой лагуной» потребовалось меньше получаса на то, чтобы принять решение и прислать ему список тех, кто работал в ее баре десять лет назад.

Семь имен.

В файле проставлена дата, есть печать и подпись.

Кростос знает, что ему придется потратить время на то, чтобы проверить список, сравнить его с данными картотеки Фонда социального страхования, связаться с каждым из свидетелей, сопоставить версии.

Это все потом...

Его компас — интуиция Имельды. Он должен искать связь между прошлым и настоящим, между теми, кто работал в баре «Кап-Шампань», и теми, кто работает в отеле «Аламанда».

Кростос выдергивает лист бумаги из принтера и чертыхается. Вместо красных буквы получились бледно-розовыми. Цветных чернил тоже почти

не осталось...

Через подключенные к компьютеру колонки все время слышны переговоры по радиии между полицейскими бригадами. Крестос может почти непосредственно следить за облавой и неминуемым арестом Бельона, он слышит распоряжения, которым повинуются пилоты вертолетов... Всем им там, и Айе, и Ларошу, и без того есть чем заняться, никому сейчас нет дела до несчастного случая десятилетней давности и до свидетелей-креолов, которым, возможно, и рассказать-то нечего.

Крестос подносит листок к глазам. Буквы едва различимы, но ему все же удается прочесть эти семь имен.

Мохамед Диндан
Рене-Поль Грегуар
Патрисия Токе
Алоэ Нативель
Жоэль Жуайе
Мари-Жозеф Инсуду
Франсуа Каликст
Или, может быть, Франсуаза Калликст.

Младший лейтенант еще раз перечитывает список, ненадолго задержавшись на четвертом имени, морщит лоб — это означает, что он раздумывает, — потом складывает листок и сует его в карман штанов.

Он принял решение.

Поскольку делать ему все равно нечего, он навестит Армана Зюттора и его подчиненных. Несмотря на то что сегодня понедельник после Пасхи, должны же хотя бы несколько человек остаться обслуживать последних туристов. Отсюда до отеля не больше километра, и ром там отличный...

11 ч. 39 мин.

Черный кроссовер остановился у знака «Уступите дорогу». Имельда выждала, пока между ее «поло» и «шевроле» окажутся три машины. Она последовала за малабаром — любопытство пересилило! Впрочем, она убедилась, что слезкой на острове заниматься проще простого: здесь есть одна-единственная дорога, которая тянется вдоль моря, и машины едут по ней километр за километром, не обгоняя одна другую. Вот и хорошо! Потому что ее старая красная «поло» очень уж приметная с ее подобранной на свалке оранжевой задней левой дверью, которую Крестос все никак не соберется перекрасить.

Кроссовер едет через Авирон. Ниже идущей над ущельем дороги несколько коз щиплют редкую травку, пробивающуюся среди грязных

обертки. Имельда чертыхается. Долго ей еще тащиться за этим малабаром?

Держась за руль одной рукой, она вытаскивает мобильник и набирает свой домашний номер.

— Назир? Это мама.

— Куда ты подевалась? Мы тебя ждем!

— Я немного задержусь.

— Но ты хоть к обеду-то вернешься?

— Не уверена. Ты покормишь Дориана, Амика и девочек?

— Ну нет.

Имельда приглушенно ругается. Кроссовер с черепашьей скоростью ползет через Этан-Сале. Она представляет себе Назира с косячком во рту, неспособного и пальцем пошевелить. И повышает голос.

— Ничего, справишься, мальчик мой. В холодильнике есть карри из курицы. Там маловато, так что добавь к нему овощи. Сам посмотри, что есть в огороде.

«Шевроле» въезжает в Сен-Пьер, затем сворачивает к Линь-Паради. Назир покашливает в телефоне.

— Ну ты даешь...

— На этот раз придется управляться самому. Попроси Жоли тебе помочь.

Молчание.

«На этот раз», — мысленно повторяет Имельда. Они вполне могут без нее обойтись. Она чувствует себя девчонкой, которая тайком сбегает из дома, чтобы пойти в ночной клуб, влюбленной девчонкой, у которой отчаянно колотится сердце. Ей надо успокоиться.

— Ты ведь справишься, правда, мой хороший?

— Мама, ты какая-то возбужденная. Что, мужика нашла, да? Настоящего? Кафра?

По мере приближения к поселку машин становится все меньше. Если Имельда не хочет, чтобы ее засекли, ей надо быть начеку. Она сбрасывает скорость.

— Назир, я больше не могу говорить. Ты мальчик неглупый, у тебя все получится.

Она отключается и кладет мобильник на колени.

«Шевроле» поворачивает налево, потом направо. Выждав несколько секунд, она следом за ним погружается в лабиринт грязных переулков. Кроссовер в конце концов заезжает в тупик. Имельда тормозит у обочины. Тощая собака принимается обнюхивать шину. Напротив раздергивается занавеска, выглядывает старуха в халате, таращится на Имельду. Дети

играют в мяч между мусорными баками.

Точная копия ее квартала в Сен-Луи. Имельда чувствует себя как дома. Она выходит из машины и пешком двигается к началу тупика.

«Шевроле» припаркован у маленького домика с железной крышей. Роскошный сверкающий кроссовер странно выглядит рядом с убогой хижинкой, но Имельда знает, что некоторые креолы согласились бы остаться без крыши над головой, а вот от новой тачки отказаться не в силах.

Малабар вылезает из машины и скрывается в доме.

Имельда ждет. Проходит минута. Телефонный звонок.

— Мама, это Назир.

Негритянка поднимает глаза к небу.

— Я занята!

— Мам, а если вместо этих паршивых овощей приготовить рис? Дориан, Амик и Жоли не возражают.

Ну сколько можно!

— Милый, я занята.

— Я понимаю, мам. Значит, да?

Имельда вздыхает.

— Хорошо. Назир, а теперь внимательно послушай, что я тебе скажу. Больше мне не звони. Если что-то срочное — посылай смс-ки. Ясно?

— Ясно! Рад за тебя, мама. Развлекайся, не буду тебе мешать...

Кретин!

Назир кладет трубку.

Проходит еще минута. Имельда снова начинает сомневаться: может, все-таки позвонить Крестосу? Читая детективы, она всегда ругает героев, когда они под совершенно неправдоподобными предложениями отказываются обратиться за помощью к полиции... и в конце концов вляпываются из-за этого в страшные неприятности, а некоторых и вообще убивают.

А вот теперь она сама ведет себя так же глупо...

Малабар выходит из дома. На плече у него висит сумка размером почти с него. Он запихивает ее в багажник «шевроле». Еще несколько секунд — и кроссовер трогается с места, выпуская через свой двойной глушитель выхлопные газы.

Имельда не знает, что делать: снова сесть в машину и продолжать слежку или остаться и осмотреть дом. Дом притягивает сильнее, да и вообще кроссовер уже скрылся за углом.

Имельда решает подождать, минуты тянутся бесконечно. Вдруг это ловушка? Малабар мог заметить ее машину, как заметил весь квартал —

старуха, прилипшая к окну, собака, которую привлекают теперь остальные три шины, мальчишки, которые уже трижды промазали по кузову, но продолжают тренироваться...

Имельда встает.

Она решила только обойти сад и заглянуть в окно — может, удастся хоть что-то разглядеть. И если какая-то деталь ее заинтересует, она позвонит Кростосу.

Имельда толкает скрипучую калитку, отводит ветку засохшего эвкалипта. Подходит поближе. Окна заросли грязью, через них ничего не разглядеть.

Впрочем, и стараться незачем.

Дверь не заперта, малабар ее всего лишь прикрыл. Да и ржавым замком, похоже, уже много лет не пользовались.

Имельда прекрасно понимает, что войти было бы предельной глупостью. Она тысячу раз читала о чересчур любопытных свидетелях, которые вот так всегда и попадают, — из-за того, что были слишком уверены в себе.

Она окидывает взглядом улицу.

Да что с ней может здесь случиться среди бела дня? Она выросла в точно таком же квартале и всегда в таких жила, она знает местные правила и обычаи, и местных старух-шпионок, и галдящих на улице детей, и мужчин, которые до захода солнца не показываются.

Имельда сжимает в руке телефон, проверяет, ловит ли он сеть.

И открывает дверь.

Температурная инверсия

11 ч. 40 мин.

Над Песчаной равниной разносится усиленный мегафоном голос.

— Бельон! Вы окружены. Отойдите от дочери и поднимите руки.

Марсьяль, прищурившись, различает сквозь пыльную пепельную дымку стоящих людей. Их десятка два, они стоят прямо и неподвижно, будто тотемные столбы, расставленные на голой равнине метрах в тридцати друг от друга. И каждый целится в него из снайперской винтовки.

Софа крепко зажимает в кулачке его указательный палец.

— Папа, они нас убьют? — совсем тихонько спрашивает девочка.

Марсьяль садится перед ней на корточки.

— Нет, солнышко. Не бойся. Держи меня за руку. Только не отпускай мою руку.

Он с вызовом смотрит на полицейских. Чем они ближе, чем скорее ему предстоит встретиться с ними лицом к лицу, тем явственнее он ощущает в себе странную силу, пьянящее чувство неуязвимости, которое усиливает его волю. Ему хочется, например, встать между дочерью и этими винтовками, защитить ее от этих наемников.

Марсьяль снова наклоняется к дочери. Он не должен поддаваться эйфории, его отцовский порыв — всего лишь рефлекс, животный инстинкт выживания, иллюзия, которой он отгораживается от реальности.

Никогда еще он не вел себя до такой степени безответственно. Любой из этих полицейских может утратить хладнокровие и нажать на спусковой крючок.

— Ты умеешь быстро бегать, солнышко? — шепчет он дочери на ушко.

Софа, после недолгой паузы, улыбается:

— Да! В школе я бегаю быстрее всех. Даже мальчишки никогда не могут меня догнать, когда мы играем в «цыплят и ястреба».

— Вот и хорошо, верю. Тебе надо будет бежать еще быстрее, но только тогда, когда я тебе скажу, что пора.

Через мегафон снова доносится оглушительное:

— Бельон, я — полковник Ларош, руководитель жандармского управления острова. Не заставляйте нас открыть огонь. Отойдите от девочки и поднимите руки. На вас нацелены двадцать винтовок...

Марсьялю необходимо выиграть немного времени. Потянуть всего несколько секунд.

Вулкан за спинами полицейских спокоен. С этой стороны надеяться не на что, ни за одним кратером в мире так не присматривают, как за этим. Когда он просыпается, об этом оповещают все средства массовой информации, так что никакие сюрпризы здесь невозможны.

— Софа, делай, как я...

Марсьяль подчеркнуто медленно поднимает левую руку, правой продолжая держать за руку девочку.

Мегафону этого недостаточно.

— Хорошо, Бельон, раз вы не хотите понимать, мы придем за вами. Если вы хоть шаг сделаете, мы всадим вам пулю в голову. На глазах у вашей дочери. Вам понятно?

Марсьяль видит, как вдали, на стоянке рядом с ущельем Белькомб, приземляется вертолет. Кто-то из него выскакивает и бежит. Кажется, он узнает капитана Пюрви, красотку из сен-жильской жандармерии.

Но уже в следующее мгновение он не видит ничего.

Первыми исчезают вертолеты, вместе с вулканом.

Пять секунд спустя стоящие напротив него полицейские, в свою очередь, пропадают из виду.

Еще пять секунд — и он не различает ничего на расстоянии трех метров.

Еще секунда — и он уже не видит собственных ног. И Софы не видит, только чувствует в своей руке ее горячую ладошку.

— Пора, Софа! Вперед!

Они мчатся в тумане.

Я рискую всем.

Марсьяль не один десяток раз поднимался на склоны вулкана, но не уставал удивляться этому ошеломляющему местному явлению — температурной инверсии. Внезапно и резко, в течение нескольких секунд, солнце, сияющее на лазурном небе, скрывалось за туманом, который приносили с собой морские ветра. Поначалу туман держался в ущелье, затем вырывался из него, подобно рою пчел, и на несколько километров в округе пропадала всякая видимость. Марсьяль насмотрелся на внезапно оказавшихся в сыром тумане дрожащих туристов в майках, с бесполезным фотоаппаратом в руках, он столько раз выводил из этого киселя разочарованных путешественников к смотровым площадкам Маидо или к ущелью Белькомб...

Глухие звуки тонут в тумане. Беспорядочные приказания. Топот, заглушающий шаги Софы и его собственные.

Они не будут стрелять.

Марсьяль знает, что должен бежать еще быстрее, туман над Песчаной равниной может растаять в любую минуту. Разорваться в любом месте. Они спасутся, только если добегут до зарослей, между кустов туман может висеть часами. Они достаточно долго будут невидимыми, чтобы оторваться от погони, а потом затеряются в окрестностях Сент-Роз. Полицейским никак не угадать, в каком направлении они бегут.

— Не расходитесь! — орет в мегафон Ларош. — Встаньте в цепочку! Бельон не должен проскочить.

Марсьяль представляет себе, как полицейские вслепую шарят руками — точь-в-точь мальчишки, играющие в жмурки. Не более опасные для них, чем эти самые мальчишки.

Царапины обрадовали его едва ли не до слез.

Они добрались до кустов!

Он слышит рядом шумное дыхание Софы. Им нельзя произносить ни слова, они должны двигаться дальше, углубиться в заросли.

Марсьяль отводит свободной рукой хлещущие по лицам невидимые ветки. Отец и дочь бегут так быстро, как только могут.

Они удаляются, они уже не слышат криков полицейских.

Они победили!

Теперь им остается только спуститься к океану и добраться до бухты Каскадов.

Они успеют вовремя на назначенную встречу.

Они...

И вдруг Марсьяль спотыкается. На мгновение отвлекся — наступил на корень, пошатнулся, шагнул вбок, чтобы восстановить равновесие...

Влажная рука Софы выскользнула из его руки.

Он кусает губы, потом еле слышно шепчет:

— Софа?

Кричать нельзя. И даже громко говорить. Большой глупости не придумаешь. Софа здесь, в нескольких метрах от него.

Только его дыхание в бледной ночи.

— Софа?

В ответ ни звука. Марсьяль водит руками вокруг себя, его кожу раздирают невидимые шипы.

Он шелестит как можно тише:

— Солнышко, я сейчас тебя найду, только стой, не шевелись.

С голосом он справился, а вот мысли обуздать невозможно. Он знает эти места. Здесь на каждом шагу упавшие деревья, голые камни с острыми краями, расселины. Достаточно нескольких минут, чтобы Софа потерялась, — так же быстро, как погонщик верблюдов, застигнутый в пустыне песчаной бурей.

— Софа, я здесь, я сейчас тебя найду. Умоляю тебя, никуда не уходи.

Он говорит громче, забыв об осторожности.

В ответ ни звука. Ватное небо даже эхом не отзывается.

Марсьяль едва сдерживается, чтобы не заорать во все горло. Он заново проживает самый страшный кошмар.

Он стоит на краю пляжа. Один.

И кричит. Перед ним пустое море.

Он выкрикивает имя своего сына.

— Алекс...

11 ч. 41 мин.

Лиана, распаленная полуденным солнцем, трясет своими прелестными беленькими грудками над щетиной Марсьяля. Красавица сидит на муже верхом, мускулы ее длинных ног напряжены так, что красные стринги на ней вот-вот лопнут. Марсьяль блаженствует, лежа под ней, и, похоже, уже не знает, за какое место ее потрогать. Прижать ладони к этому плоскому животу? Или к блестящей от масла и пота спине? Или обхватить круглую попку? А может, поработать еще и ртом, целовать, не отрываясь, не переводя дыхания эти торчащие перед ним соски, эти губы, скрытые волной светлых волос?

У Марсьяля стоит, увеличенная до формата А3 фотография не оставляет ни малейших сомнений насчет этой подробности.

Маленькая Софа играет в двух метрах от них, в тени пальмы. Бельоны одни на этом пляже с черным песком — на пляже Этан-Сале, Имельда сразу его узнала.

Моментальный снимок счастья.

Кто мог их сфотографировать?

Имельда отходит подальше и мысленно повторяет этот простой вопрос.

Кто мог сделать этот снимок, а также другие фотографии, десятки фотографий, приклепленных к стенам этой грязной лачуги?

Имельда насчитала тридцать семь фотографий, напечатанных в форматах А4 и А3. Странная выставка создает впечатление, что какой-то папарацци постоянно шпионил за Бельонами с той минуты, как они прибыли на Реюньон. Фотографии явно были сделаны при помощи мощного объектива, без ведома Марсьяля и Лианы. Вот они на террасе ресторана в Сен-Жиле, на рыночной площади; вот перед индуистским храмом в Сент-Андре; вот у стойки с открытками на главной улице Хель-Бурга... Но больше всего неизвестного фотографа интересовали крупные планы маленькой Софы — ее большие голубые глаза, ее веснушки, ее крохотные ямочки. Выглядит как любая другая малышка, покорная жертва изобретения цифрового фотоаппарата, думает Имельда. Вот только автор снимков не стал просить Софу ему позировать...

Почему?

Продолжая размышлять, Имельда время от времени поглядывает в окно. На улице все так же спокойно, и она решаете обойти дом. Логово малабара похоже на срочно снятое жилье. В обеих комнатах, гостиной и спальне, мебели почти нет: пара складных пластиковых стульев и стол, матрас, лежащий прямо на полу; на полках платяного шкафа, скрытого за грязной занавеской, сложены продукты — консервы, макароны, рис. Газовая плитка кое-как пристроена на мойке. Из мусорного ведра торчат коробки от пиццы и пустые бутылки из-под газировки.

Вдоль стены выстроились штук десять канистр с бензином. Интересно, что им собираются заправлять, задумывается Имельда. Это для мотора вертолета? Или для внедорожника, который на несколько недель затеряется в горах?

Это укрытие беглого преступника! Почти обычное... Если бы не эти фотографии.

Похоже на то, что в роли папарацци выступал этот самый малабар. Она была права, его черный «шевроле каптива» не случайно оказался на парковке отеля «Аламанда» в день убийства. Имельда чувствует, как возбуждение нарастает, она обожает эти минуты, когда надо раскладывать по полочкам информацию. Ей надо чуть-чуть сосредоточиться — и она соединит в одно целое кусочки головоломки.

Не вышло!

Короткий пронзительный звонок сообщает ей, что на ее мобильный телефон пришло сообщение.

Выругавшись, она открывает его и читает:

«Все путем, мам. Я стараюс как магу. Преставил Дори и Жоль к стрипне. Ни спиши».

Имельда улыбается, в глубине души почти разочарованная — ее выводок отлично справляется и без нее. Набирает короткий ответ, одновременно пытаясь снова сосредоточиться на деле Бельона.

Малабар работал на себя? Или ему кто-то платил, чтобы он шпионил за Бельонами? Частный детектив, например? Не имеет значения, главная проблема — не в этом. Для чего надо следить за Бельонами? Для того чтобы шантажировать их? Из желания отомстить? Из ревности? Возможных вариантов много, и так же много возможных заказчиков: кто-то из близких семьи? Сумасшедший, который встретился на их пути? А почему бы и не сама Лиана Бельон? Существует множество причин, которые могут заставить женщину следить за мужем, особенно когда у

этого мужа темное прошлое и плохая репутация.

Имельда разглядывает снимок Лианы Бельон, сидящей на террасе бара, кажется, у порта в Сен-Жиле. Яркая мини-юбка, голая спина, небрежно скрученные светлые волосы открывают шею. Очень привлекательная...

А может быть, все как раз наоборот, рассуждает Имельда. Может, это Марсьяль Бельон сомневался в верности жены... Но с чего бы тогда он стал просить делать семейные портреты? И с чего бы он стал обращаться с этим к малабару? К малабару, живущему в этой трущобе?

Имельда вспоминает досье, которое прочла в кабинете Айи, вспоминает совпадающие показания служащих гостиницы «Аламанда», объединившихся против Бельона. Отель был основан малабарами — династией, последней представительнице которой, капитану Пюрви, поручено расследование.

Еще одно совпадение?

Перед тем как перейти во вторую комнату, где нет ни одного окна, Имельда снова выглядывает на улицу. Все вроде бы нормально. Собака продолжает расхаживать взад и вперед, обнюхивает шины и добавляет свою струю к общей грязи. Дети, играющие в футбол в глубине тупика, начинают тринадцатый тайм.

Имельда внезапно вздрагивает.

Звонок. На ее мобильник пришло новое сообщение.

«Мы справляемся. Даже на вечер хватит кари. Надеюсь ты в восторги? хорошо праведи время».

Имельда нетерпеливо дочитывает смс-ку. В общем, Назир — неплохой мальчик. Ему бы еще отца, который время от времени давал бы ему пинка. Наклонившись, она осторожно приподнимает грязные простыни, потом матрас.

И торжествует: в углу, между постелью и стеной, спрятана женская сумка! Вряд ли она может принадлежать малабару...

Имельда торопливо ее открывает. Ощупывает и рассматривает то, что в ней лежит. Ярко-красная помада, блеск для губ, бумажник, из которого все высыпалось... Имельда шарит в сумке, вытаскивает наугад что попадется — удостоверение личности, кредитка, транспортная карта.

Все — на имя Лианы Бельон...

В голове у Имельды выстраиваются цепочки. Открываются и

закрываются ящички, по которым она раскладывает гипотезы. Марсьяль Бельон спрятал здесь труп жены? Он поручил эту грязную работу малабару? Или все с самого начала ошибаются? Лиана Бельон не была убита в номере отеля, она замаскировала свой побег под убийство, а сама, пока вся островная полиция искала ее труп, пряталась в этой хижине.

Зачем? Она кого-то здесь ждала? Чтобы снова скрыться? Где?

И вдруг пальцы Имельды, готовые продолжать раскопки в поисках новых улик, замирают.

С улицы доносится собачий лай!

В следующее мгновение она слышит урчание мотора, машина замедляет ход, останавливается у дома. Имельда узнает по звуку большую машину с двойным глушителем. Внедорожник.

Ей даже не надо выглядывать в окно, чтобы догадаться, что машина черная, а за рулем малабар в бейсболке защитного цвета. Она наспех засовывает сумку обратно в тайник и вылетает в соседнюю комнату. Окидывает ее взглядом, проверяя, не сдвинула ли чего с места, и высматривая, где бы ей спрятаться.

Такое место здесь только одно, да и то сомнительное.

Шкаф.

Имельда яростно отдергивает занавеску и оценивает размеры высокого и узкого отделения, в котором стоит метла. Имельда в два раза шире, и все же, ни на секунду не задумавшись, она туда лезет. Ее дряблое тело трется о стенки, выпирает валиками, застревает. Имельда, чуть не плача, хватается за вешалку и тянет изо всех сил. Платье на ней рвется, деревянные стенки обдирают кожу, но в конце концов ей удается втиснуть туда свою плоть, расплющить ее о холодные доски, словно мягкое тесто, которое до отказа заполняет слишком мелкую для него форму.

Она рывком задергивает перед собой занавеску и в ужасе смотрит на эту тряпку, которая никак не перестанет колыхаться.

Имельда старается не дышать.

Дверь открывается.

Сквозь ткань Имельда может различить лишь приземистую тень, которая медленно перемещается по комнате. Последовательно доносящиеся до нее звуки объясняют больше. Вот сумка шлепнулась на стол, вот закрылась дверь туалета, спустили воду, теперь струйка льется, ударяясь о металлическую раковину, падают последние несколько капель — и снова становится тихо.

Имельда не дышит.

Шаги pokrужили по комнате, прошли мимо занавески не

останавливаясь, потом удалились в спальню.

Имельда оставалась без воздуха почти минуту... Она снова начинает дышать. Обильный пот разъедает подмышки и лобок. Прислушавшись, она различает нечто похожее на шорох ткани, кажется, одежда мягко шлепается на пол, затем резко и коротко вжикает молния — может быть, на чемодане.

Должно быть, малабар переодевается...

Тянутся бесконечно долгие секунды.

Шаги снова приближаются. Слышно шумное дыхание. Занавеска колышется, касается живота Имельды.

Хлопает дверь.

И больше ничего.

Имельда ждет. Все ее чувства настороже.

Ждет долго. Целую вечность. В доме так тихо, что ей кажется, будто она слышит, как вдалеке, на улице, кричат мальчишки.

Она по-прежнему стоит неподвижно, потому что с улицы не доносится шум мотора. Малабар все еще здесь, совсем рядом, ей пока нельзя высовываться. Имельда с бесконечными предосторожностями вытаскивает из кармана мобильник. Она приняла решение: ей надо связаться с Кростосом. Она ничем не рискует, ее мобильник не издает никаких звуков, когда она отправляет сообщения.

Только когда она их получ...

Внезапно тишину комнаты разрывает звонок.

Окаменев, Имельда опускает глаза, словно загипнотизированная светящимся экраном.

«Все закончили везде чисто. Мам ты нами гордишься? знаешь где тряпки? а ключи ат дома? а конопля каторую припрятал Деррик?»

Имельда читает сообщение со странной улыбкой.

Она ошибалась, дети не могут без нее обойтись.

Ее последняя мысль...

Занавеска рывком отдергивается. Перед ней стоит тень с кухонным ножом в руке. Имельда пытается высвободиться. Тщетно.

Она заживо по собственной воле влезла в слишком тесный для нее гроб.

Сначала она чувствует сильную короткую боль в сердце. Ее руки

пытаются ухватить занавеску, но сжимают пустоту. На несколько секунд их сводит судорогой, потом они падают, обмякшие и бессильные, как два увядших листа на концах двух мертвых веток.

11 ч. 43 мин.

— Папа?

Это не крик — всего лишь шепот в белой ночи.

У Марсьяля бешено колотится сердце. Софа здесь, в паре метров от него.

— Софа?

Они снова берутся за руки. Ни тот ни другая ни слова не произносят. Марсьяль ведет девочку уверенно. Они идут вниз по склону, и чем дальше, тем плотнее окутывает их туман.

Голоса полицейских, приказы через мегафон, крики, беспорядочный топот доносятся все слабее, будто сквозь вату. Полицейские стали невидимыми призраками, и ветер их рассеял.

Они уходят. Марсьяль прекрасно представляет себе, где они находятся. Он выучил наизусть каждый квадратный сантиметр карты, он отлично ориентируется, а если понадобится, еще и компас достанет из кармана. Сначала им надо идти вдоль ручья: если держаться восточнее, здесь не так уж и опасно, большую часть территории занимает поросшая деревьями равнина, их не увидят с воздуха, даже если туман рассеется. Дальше ручей впадает в Восточную реку, и тогда им надо повернуть на восток и идти через лес, где растут тамаринды, пальмы и вейнманнии, — лес, пересеченный прогулочными тропами, которые им придется обходить, и прорезанный потоками лавы, остывшей несколько десятилетий назад. А потом почти до океана тянутся поля сахарного тростника, чьи стебли достигают трех метров в высоту. Под его прикрытием они подберутся как можно ближе к бухте Каскадов.

По расчетам Марсьяля, до берега им осталось километров пятнадцать, и дорога все время будет идти вниз, они спустятся на тысячу семьсот метров. Софа будет идти, сколько сможет. Они будут отдыхать. Он ее понесет.

Они теперь так близки к цели.

Они дойдут.

Для очистки совести Марсьяль вытаскивает из кармана компас. Им надо держать курс на северо-восток, по направлению к крохотному кратеру, очертания которого едва угадываются в тумане.

— Не отпускай мою руку, Софа, нам так идти еще несколько часов.
— Мама ждет нас в самом низу?
— Надеюсь, солнышко. Разговаривай поменьше, мы должны беречь силы.

Марсьяль знает, что примерно через час они окажутся ниже облака, и тогда им придется быть еще более бдительными.

12 ч. 48 мин.

Папа посмотрел на часы и сказал, что у нас есть небольшой запас времени, потому что я шла быстро и не ныла. Еще он сказал, что теперь нам осталось только спуститься через большое поле, на котором растут стебли в четыре раза выше меня, и мы окажемся на месте.

— Там, где нас ждут? — спросила я у папы. — Мы придем туда вовремя?

— Да, если ты и дальше будешь так же хорошо идти, солнышко.

Я ничего не ответила, я все время думаю про записку, оставленную на машине у отеля.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
приходи с девочкой

Мне будет нелегко...

Я не стала жаловаться папе, но у меня болят ноги, у меня все болит. Хотя, может, папа и сам догадался, потому что он согласился остановиться у реки.

Это скорее ручей, объяснил мне папа. В этой реке нет воды или почти нет, совсем чуть-чуть на дне оврага. И здесь растут фрукты, папа сказал, их можно есть, надо просто срывать с веток, некоторые я узнала — грейпфруты, клементины. Он мне сказал, как называются другие, — кафирлайм, гуаява.

Когда мы только начали спускаться, папа все время со мной разговаривал, называл все деревья, цветы и фрукты. Но теперь, когда мы остановились, папа опять ушел далеко. Не то чтобы он от меня куда-то далеко ушел, я не это хотела сказать, нет, он сидит рядом, на камне. Просто он уже обо мне не думает. Такое с ним часто бывает. Мне кажется, тогда он

уходит к моему старшему брату, Алексу. Тому, который умер. У папы немножко мокро в уголках глаз.

Потому я и догадываюсь, что он уходит мысленно говорить с Алексом и еще с другими призраками, которые жили до моего рождения.

13 ч. 03 мин.

Марсьяль поднимается, чтобы нарвать плодов гуаявы с веток, которые со всех сторон пронизывают начавший редеть туман. Он складывает их на землю, чтобы потом угостить Софу. Сейчас дочка играет. Он смотрит, как она пытается устроить в ручье миниатюрную запруду.

Эта маленькая женщина приводит его в изумление.

Она уже поняла, когда ей можно превращаться в очаровательную болтушку, которую не заставишь умолкнуть, и в какие минуты надо тихо уходить в собственный воображаемый мир и не мешать отцу думать о своем.

Марсьяль вздыхает, ощупывает карман, подавляя желание выкурить самокрутку с листьями конопли. Не здесь. Не теперь. Не при Софе.

Он поднимает глаза и видит в разрыве облака робкий клочок голубого неба в форме сердечка, перечеркнутого тонкой белой линией.

Это просто самолет. Его воображение могло бы дорисовать остальное...

Он сам толком не знает, почему его мысли устремились к Алоэ.

Почему теперь?

Почему здесь?

Из-за этой белой стрелы? Из-за этого пронзенного стрелой сердечка?

Этот вопрос терзает его уже много лет, еще один вопрос, на который у него нет ответа, и даже намек на ответ.

Если бы он не позволил Алоэ сесть в самолет, был бы Алекс сейчас жив?

Льдинка, девушка

13 ч. 05 мин.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Кристос гоняет кубик льда в стакане с пуншем, он звенит, как ксилофон в радиоигре.

— Ну так что?

Служащие «Аламанды» сидят на высоких плетеных стульях из серого пластика. Стулья выстроены полукругом перед стойкой бара. Кристос остался стоять. Здесь все кроме уборщицы Евы Марии Нативель и садовника Танги Дижу, который повез Журденов в аэропорт. Вообще-то странно, что он до сих пор не вернулся, думает Кристос. На то, чтобы добраться сюда из Сен-Дени, двух часов многовато.

Тень стены, которой огорожен сад отеля, защищает их от палящего солнца. Позади них, на самом солнцепеке, немногочисленные туристы валяются в шезлонгах, отодвинув их подальше от бассейна, туда, куда не долетают брызги — дети раз за разом прыгают в воду.

Арман Зюттор устроился на равном расстоянии от своих подчиненных и от постояльцев, в тени пальмы, придвинув стул вплотную к ее стволу.

— Ну так что?

Кристос снова читает вслух семь имен. Медленно. Отчетливо выговаривая каждый слог, как будто повторяет фразы диктанта для малограмотного класса.

Мохамед Диндан

Рене-Поль Грегуар

Патрисия Токе

Алоэ Нативель

Жоэль Жуайе

Мари-Жозеф Инсуду

Франсуа Каликст

Или, может быть, Франсуаза Калликст.

Дзинь-дзин-дзинь.

— Никогда не слышали про этих людей?

Зюттор устало смотрит на часы, как будто учитывает с точностью до

минуты время, потраченное его сотрудниками на допрос.

Да еще в выходной день.

Кристос поворачивается к стойке, готовит себе еще стакан пунша.

— Ни одного из семи не знаете? Реюньон — это все же не Австралия.

Тень стены, укрывающая служащих «Аламанды», постепенно уползает к бассейну. Кристос на это не рассчитывал, но теперь думает, что это, возможно, развяжет им языки. Кто не ответит, тот будет печься на солнце.

Первым поджарился Габен Пайе, сидящий напротив младшего лейтенанта. Он в конце концов не выдерживает и начинает говорить:

— Кристос, это все давняя история. Дело было почти десять лет назад. С тех пор здесь выросло много гостиниц. Появились сотни кроватей. Тысячи креолов меняли постели, подавали завтраки, складывали полотенца на тележки. Поработают неделю или месяц, срок контракта закончится — и они уходят...

Наиво Рандрианасолоаримино, которому остается еще несколько минут пробыть в тени, вставляет профилактическое замечание.

— Да еще эти реюньонские фамилии, все похожие одна на другую. Оаро. Пайе. Диндан...

Кристос не упускает случая.

— Нативель... Много на острове Нативелей?

Мокрый от пота Габен в прилипшей к темной коже цветастой рубашке внезапно встает, заходит за свою стойку, открывает бутылку «перье», добавляет в стакан кубик льда и кружок лимона и, не глядя на остальных, возвращается на свое место.

— Это племянница Евы Марии!

Кристос широко улыбается.

Вот она, наконец, эта связь между прошлым и настоящим... Ева Мария Нативель — главный свидетель обвинения, кроме нее, никто не может сказать, вышла Лиана Бельон живой из тридцать восьмого номера отеля «Аламанда» или нет.

— Что ты хочешь о ней узнать, пророк?

— Все. Выкладывай, я разберусь.

— Разбираться-то особенно не в чем, не так много можно о ней рассказать. Я в то время работал в «Бамбук-баре». Алоэ была официанткой в ресторане «Кап-Шампань» на другом конце пляжа Букан-Кано. Она была хорошенькая, и даже очень хорошенькая. Такой прелестный тропический цветочек, ну ты себе представляешь. Клиентам она нравилась. Марсьялю Бельону тоже.

Тень еще немного отступила. Теперь все служащие отеля обливаются потом под безжалостным солнцем, только Арман Зюттор остается в холодке под пальмой, но все равно сидит надутый. У Кростоса нет ни малейшего желания сократить этот сеанс воспоминаний, чтобы уберечь их от солнечного удара.

Допив пунш, он снова обращается к Габену.

— Стало быть, ты с самого начала знал, что Марсьяль Бельон не обычный турист, как все, а зорей, который вернулся в метрополию. Мы бы выиграли время, если бы ты сразу сказал об этом...

— А никто меня об этом не спрашивал...

— Мы бы, может, раньше задержали Бельона, — продолжает Кростос. — Шанталь Летелье, может, осталась бы жива.

— Да ладно. Я же не мог догадаться... Это ты у нас пророк...

Младший лейтенант пропускает это мимо ушей. Айя сведет с ним счеты потом. Сопоставив обрывки сведений, полученных от Габена, он продолжает.

— Хорошо. Вернемся к Алоэ Нативель. До какой степени она нравилась Бельону?

— Она была его любовницей, — отвечает бармен, поставив стакан на подлокотник. — Марсьяль любил срывать такие прелестные цветочки.

— Это было до или после того, как он расстался с Грациеллой Доре?

— Несколько лет спустя... Они развелись в 1999-м, а Алоэ взяли на работу в «Кап-Шампань» только в 2002-м. Ей едва исполнилось восемнадцать. Алоэ была милой девочкой, расторопной и сообразительной, старшей в семье из пяти или шести детей. Она привязалась к маленькому Алексу. Его мама, хозяйка ресторана, много работала. У официантки было больше времени для мальчика, который играл на террасе между столиками...

— А Марсьяль Бельон? Он когда появился?

— Он приходил за Алексом в «Кап-Шампань» два раза в неделю. Алоэ была там. Алекс рассказывал отцу про старшую подружку... Словом, Бельон был неглуп. Алоэ Нативель обладала двумя ценными для него достоинствами. Она носила очень короткие юбки, едва прикрывавшие ее попку, и могла заниматься мальчиком, с которым не очень-то справлялся одинокий отец.

— У нее никого не было?

— Был, он работал в порту в Пуэнт-де-Гале и в море проводил больше времени, чем на суше... Алоэ Нативель была супернянькой! Роскошной приходящей няней, которую Бельон старался как можно чаще оставлять у

себя. Дом, стол и койка...

Пока Габен с довольным видом допивает свою минералку, Кристос прикидывает, много ли дают им полученные от него сведения. Зюттор, похоже, уснул, за темными очками не поймешь. Наиво встал и раздает служащим «Аламанды» стаканчики с водой. Младший лейтенант не вмешивается, он сосредоточен на своем диалоге с Габеном.

— Алоэ Нативель была на работе в тот вечер, когда утонул Алекс?

Бармен качает головой.

— Понятия не имею. Я им свечку не держал. Надо спросить у ее тетки...

Кристос мысленно выругался. Как нарочно, Ева Мария Нативель сегодня не работает. По словам других служащих, она каждый понедельник ходит к кому-то убирать. Левый заработок. Имени клиента никто не знает. Мобильника у Евы Марии нет. Связаться с ней можно будет только после того, как она вернется домой, не раньше шести вечера...

Чтоб ее...

— А что стало с Алоэ?

— Для тропического цветочка настали не лучшие времена. Для начала ее вместе со всеми уволили, когда закрылся «Кап-Шампань». И у Марсьяля Бельона после смерти Алекса были другие заботы, и в няньке надобность отпала. Алоэ вернулась к своему моряку...

— И что тогда?

— Слухи пошли, люди языки чесали. В конце концов и этот тип ее послал. По последним сведениям, которым тоже уже лет пять, она пошла на панель, стояла у старого автовокзала в Сен-Дени. Не уверен, что узнал бы ее, если бы встретил...

Кристос молча усваивает информацию. Почему-то рассказ о судьбе Алоэ заставляет его вспомнить про девочек Имельды, Жоли и Долену. И про Назира с его коноплей тоже. По какую сторону водораздела ты окажешься — на этом острове почти всегда дело случая. Родиться с наветренной или подветренной стороны. Жить без забот или всю жизнь огребать по полной.

Младший лейтенант в последний раз звенит льдинкой в стакане.

Дзинь-дзин-дзинь.

Обратный отсчет начался. Он должен найти Еву Марию Нативель до шести вечера. Если ее свидетельство рассыплется, посыплется все. Может быть, Лиана Бельон вышла живой из номера 38... А если она не умерла, то обвинение против Бельона утрачивает всякий смысл, несмотря на пятна крови и отпечатки пальцев на ноже.

Кристос решает пока больше не строить предположений. Все становится слишком сложно. Если у него будет время, он позвонит Имельде, все ей расскажет, и они во всем разберутся. Он задает Габену последний вопрос:

— А ты случайно не помнишь, как его звали, парня Алоэ Нативель?

— Помню! Я время от времени его встречаю. Толстячок такой. Иногда он доставляет ящики с пивом в местные заведения. Его зовут Муругаин Панианди.

— Панианди? Он малабар?

13 ч. 19 мин.

Ларош напоминает полководца, сбитого с толку неожиданным поворотом в ходе сражения. Он стоит на крыше полицейского фургона, и от ползущего пластами тумана кажется, что у него седые волосы и борода, как у патриарха. На шее у него висит инфракрасный бинокль ночного видения, теоретически способный помогать во время облавы в экстремальных ситуациях, но сейчас совершенно бесполезный.

Десятка два полицейских бродят вокруг, почти не видя друг друга под покровом медленно рассеивающегося тумана, — так бывает после манифестации, когда, разогнав толпу при помощи дымовых шашек, они без дела топчутся в облаке дыма.

Айя приближается к фургону в сопровождении Жипе, которого все это явно забавляет. Среди растерянных полицейских она выглядит вызывающе свободной и беспечной. Ларош поворачивается к ней, смотрит на нее сверху вниз. Сбросив доспехи непробиваемого дипломата, встречает ее нелюбезно.

— Только вас здесь и не доставало, Пюрви! Разве вы не должны сейчас, вместо того чтобы путаться у нас под ногами, вести расследование в Сен-Жиле?

Обычно Айя в таких случаях отвечает резко, не стараясь успокоить собеседника, но сейчас полковник, торчащий на крыше, словно петух на насесте, и кудахчущий распоряжения перепуганному курятнику, вызывает у нее жалость. Он, должно быть, уже доложил наверх, может, даже уже и до кабинета министров это дошло, что, хотя в операции были задействованы силы, каких никогда не собирали за всю историю острова, этот тип, который был один с шестилетней дочкой, выскользнул у них из рук.

Бедный Ларош. Того и гляди, его переведут на Кергеленские острова, куда-нибудь на Крозе или Тромлен. Будет там у него автономная бригада из него одного среди крачек и пингвинов.

— Вам что, Пюрви, это кажется смешным?

Айя выбрасывает белый флаг.

— Нет, полковник, мне очень жаль, что так вышло. И особенно жаль, что я слишком поздно догадалась о ловушке, которую подстроил Бельон.

Ларош наклоняется и легко спрыгивает с крыши, подошвы его

новеньких армейских ботинок впечатываются в песок. Он строит из себя крутого, как будто избыток властности может восполнить отсутствие результата.

— Не стоит извиняться, капитан, он нас всех поимел.

Ларош нервно закуривает и с удивлением смотрит на оранжевый вертолет с надписью «Высокий полет» и логотипом ассоциации — длинноногой птицей — на борту. Осмотр он заканчивает, остановив удивленный взгляд на расстегнутой рубашке Жипе.

— Капитан, вы добрались сюда автостопом? Решительно, островитяне располагают ошеломляющими возможностями... Я говорю не только про этого придурка Бельона...

К ним приближается человек в белом кепи, в руке у него развернутая, помятая ветром карта, на которой толстым фломастером нарисованы концентрические круги. Ларош тычет пальцем и отдает формальные распоряжения. Центробежное развертывание от вулкана. Систематическое прочесывание. Связь по радио.

Напрасно старается, думает Айя. Обследовать сто квадратных километров леса...

Она снова обращается к Ларошу:

— Полковник, вас интересуют реюньонцы? Если хотите, я изложу вам мою собственную теорию насчет неисчерпаемых душевных ресурсов островитян. Я называю это синдромом додо.

— Да?

Ларош провожает взглядом своих людей, которые под стрекот электронных цикад исчезают в тумане. Затягивается сигаретой. Если появится что-то новое, он узнает об этом первым.

— Хорошо, Пюрви, хуже от этого не станет, расскажите мне что-нибудь про остров. Что представляет собой этот ваш синдром додо?

Жипе весело подмигивает Айе. Та не заставляет себя уговаривать.

— Когда люди попадают на остров, они нередко удивляются, встречая местных жителей, которые здесь не в отпуске, ходят не во вьетнамках и одеты не в цветастую рубашку, расстегнутую на загорелой груди... Хуже того — есть и такие, кто носит галстук и работает с бумагами, они ругаются, стоя в пробках, и мечтают, как самые задавленные стрессом парижане. Вот что такое синдром додо... Я расскажу вам историю, которая поможет понять, почему все это — тропическая беспечность, природная склонность креолов к созерцанию, словом, почему весь этот треп — всего лишь общее место, штамп, и ничего более. Вы, полковник, знаете, что за птица додо?

И, не дав ему времени ответить, Айя продолжает:

— По крайней мере, вы должны были видеть его на этикетках пива «Бурбон»...^[38] Талисман острова! Вообще-то, если точно, специалисты называют его *Threskiornis solitarius*, или реюньонский ибис. Додо, или дронг, — та же птица, только маврикийская. Короче, специалисты считают, что додо прибыл на остров по воздуху — сам прилетел. И остался здесь! Очень неглупо! Реюньон был раем... Здесь не было млекопитающих, хищных зверей, больших обезьян, людей... Не было даже змей и пауков. Сначала местные додо ходили на ибисов.

На мгновение прервавшись, Айя показывает пальцем на птицу, изображенную на вертолете Жипе.

— Исследования показали, что это была стремительная птица с удлинённым телом, способная пересекать океаны. Но несколько сотен тысяч лет, проведенных на райском острове, изменяют и меж океанских атлетов. Скелеты, найденные на острове, — совершенно удивительные. Если нет врагов, если никто вам не угрожает, зачем утруждать себя, зачем летать? И крылья у додо постепенно атрофировались, с каждым поколением они уменьшались — до тех пор, пока не превратились в нелепые и бесполезные отростки. Зачем бегать? Со временем стройные ибисы стали похожи на раскормленных гусынь. Зачем усиленно размножаться? Они стали реже откладывать яйца. Зачем держаться вместе? Сообщества ибисов рассыпались на отдельные семьи. Если взглянуть на скелеты, мы увидим одни и те же изменения и у маврикийского дронга, и у реюньонского ибиса, и у родригесского пустынного...

Ларош с интересом слушал рассказ Айи, в то же время продолжая внимательно следить за своей рацией — не оживет ли.

— Так что же, Пюрви? В чем можно упрекнуть этих птиц? Они нашли земной рай на этих далеких от цивилизации островах. Они сотни тысяч лет жили припеваючи. Что же касается ваших эстетических суждений об их тучности... Зато ваши цесарки стали уникальными созданиями.

Айя улыбается. На самом деле Ларош не так уж глуп. Просто ей не хочется играть с ним в одной команде. Она смотрит на тех, кто еще остался на стоянке у ущелья Белькомб. Пилоты вертолетов. Снайперы. Инженеры-связисты. Все белые... без исключения.

Айя смотрит Ларошу в глаза.

— Додо были бесконечно простодушны и позабыли о том, что рая не существует. Никто никогда не узнает, сколько тысяч птиц было на острове, когда в 1665 году здесь высадились колонисты. Когда на берег сошли первые моряки, додо и не подумали убежать. Они и чувство страха

позабыли... А когда им внезапно пришлось о нем вспомнить, было уже слишком поздно. У них уже не было крыльев, чтобы летать, не осталось сил убежать, недоставало смелости объединиться. Всех додо очень быстро перебили, к концу семнадцатого века на всех Маскаренских островах не осталось в живых ни одной птицы.

Айя замолкает. Ларош выплевывает окурок.

— А мораль отсюда, капитан Пюрви? Я предполагаю, что мораль должна быть?

— Полковник, вы человек образованный. Мне нет необходимости расставлять точки над «і». Любое доминирующее большинство и любая элита стараются превратить вас в додо. Послушный курятник. Комфорт, безопасность, лень. Готовая программа... Реюньонцы, подсчитывающие свое пособие для безработных и малооплачиваемых в литрах местного рома, не станут с этим спорить.

Ларош морщится. Жипе смеется. Немного поколебавшись, полковник начинает аплодировать.

— Хорошо, Пюрви, я все понял. Додо, население самых отдаленных территорий, женщины в полиции, одна и та же судьба, одна и та же битва. Благодарю за урок географии. При случае буду счастлив продолжить разговор. Мне довелось побывать на других островах, принадлежащих к заморским территориям, вы просто не сознаете, насколько Реюньон отличается от Антильских островов, Майотты^[39] или Новой Каледонии, это едва ли не единственный на планете мирный рай, где нет ни расизма, ни межэтнической напряженности.

Полковник пристально смотрит на Айю, она молча выдерживает его взгляд. Не соглашается с ним. Но и не спорит.

Ларош улыбается, пожимает плечами, кладет обе руки на пояс. Этаким рейнджер, но умный, словно из фильма Клинта Иствуда.

— Если вы согласитесь, капитан, мы вернемся к этому немного позже. А сейчас я хотел бы узнать одну подробность: я предполагаю, что по убийствам Родена и Шанталь Летелье у вас нет ничего нового?

— Я распределяю обязанности, — жеманно тянет Айя. — Если бы у меня были хоть какие-то новости, вы бы первым об этом узнали.

Ларош довольствуется этим ответом и поворачивается к технику в шлеме, а Айя возвращается к Жипе. Оглядывается, желая убедиться в том, что Ларош уже не обращает на нее внимания.

— Жипе, меня терзает один вопрос. Как ты считаешь, какого черта Бельон потащился сюда вместе со своей дочкой?

— По-моему, это совершенно ясно, разве нет? Из-за микроклимата!

Потому что на склонах вулкана туман самый плотный и быстрее всего поднимается.

— Не спорю, но, если Бельон хотел скрыться в лесах, он мог бросить свой «ниссан» где угодно и уйти напрямиком в любой из них. Бебур, Белув, равнина Лиан — только выбирай. Ничем не рискуя и не давая нам и намека на след.

— Что ты хочешь этим сказать, Айя?

— Я долго об этом думала, крутила вопрос по-всякому, и получается, что есть только одно объяснение тому, зачем он это сделал. Он хотел спуститься с другой стороны вулкана. На прибрежном шоссе у него не было ни единого шанса, его бы поймали. Оставался только один выход — подняться на вершину и попытаться пройти пешком.

Жипе задумывается, словно мысленно разворачивает перед глазами карту острова.

— Если я правильно тебя понял, Бельон направляется в какое-то определенное место между Сен-Бенуа и Сен-Филиппом? Значит, нам придется охватить километров шестьдесят вдоль берега.

— Много... Слишком много. Тем более что я уверена: он, как уже было раньше, где-то появится... и снова исчезнет.

Жипе поднимает глаза. Ларош, прижав к уху мобильник, топчет армейскими ботинками пепел, которым покрыта стоянка.

— Ты скажешь об этом главному начальнику?

— Скорее сдохну!

Облака тумана на середине склона начинают рассеиваться. Айя наконец-то видит на востоке кусочек океана.

— Жипе, если Бельон снова появится, надо будет действовать... и действовать быстро. Ты... ты сможешь дать мне что-нибудь?

— А поточнее?

Она колеблется, отводит пилота в сторонку, понижает голос.

— Что-нибудь, на чем можно будет спуститься на две тысячи метров меньше чем за минуту. Сам лучше меня знаешь. Дельтаплан, параплан...

Жипе поджимает губы, потом переводит глаза на последних оставшихся здесь людей из отряда.

— Айя, мне не хотелось бы тебя огорчать, но, если я подвешу к планерам этих людей Икс и предоставлю пассатам их нести, они окажутся посреди Доломье и сгорят, как мошки на лампе.

Айя подмигивает пилоту и переходит на шепот.

— Жипе, я тебе не про этих клоунов говорю. Если ты сможешь доставить сюда аппараты, я соберу по всем бригадам острова человек

двенадцать, опытных и с дипломами.

Небо внезапно проясняется, солнце заливает светом кратер. Жипе профессиональным жестом надевает темные очки.

— Ты никогда не сдаешься?

Она смеется.

— Нет, милый! Синдром додо! Я не хочу в конце концов остаться бескрылой и растолстеть... Чтобы меня ощипали.

— Ларош будет недоволен.

— А полковник может идти в задницу.

13 ч. 27 мин.

— Алло, Айя? Это Кростос! Ты все еще в ущелье Белькомб?

— Да. Ты слушал переговоры по радио? Ты звонишь, чтобы над нами поизмываться?

— Скорее наоборот...

— То есть?

— Погодите немного с Бельоном. Кажется, я откопал нечто такое, можно сказать, краугольный камень, из-за которого может обрушиться собор...

— Кростос, нельзя ли яснее?

— У меня есть сомнения в непредвзятости показаний Евы Марии Нативель.

— Давай подробности!

Младший лейтенант коротко рассказывает ей о появлении Армана Зюттора в жандармерии, о побеге Журденов на Маврикий, о телефонном разговоре с Грациеллой Доре, о списке из семи имен, об импровизированном допросе в «Аламанде», о том, что сообщил Габен...

Айя присвистывает в трубку.

— Черт... Как же заставить управление с этим считаться? Ларош не откажется от того, в чем убежден, из-за дальнего родства между свидетелями-креолами и истории, случившейся десять лет назад.

— Это да. Но, если хочешь знать все до конца, есть вещь еще более странная. Когда в управлении составляли список возможных контактов Марсьяля Бельона на острове, чтобы взять их под наблюдение, почему-то среди них ни разу не упомянули Алоэ Нативель, его бывшую подружку? Они не могут не знать о ее существовании.

Айя задумывается, но так и не находит объяснения.

— Кростос, я застряла здесь. Бельон может вынырнуть из тумана в любую минуту. Но тебе придется пожертвовать сиестой и еще до вечера

найти мне Еву Марию Нативель!

— Легко сказать, красавица. По словам остальных, она весь день убирает у какого-то белого богача. И ни один креол не сдаст нам источник ее левого приработка...

Айя не отвечает. Кроме ветра, Кростос в трубке ничего не слышит.

— Айя? Ты еще здесь?

— Я, кажется, что-то придумала.

— Ты знаешь креола, который выдаст старушку Нативель?

— Да... Это Лайла...

— Кто-кто?

— Лайла Пюрви. Моя мать!

15 ч. 27 мин.

Марсьяль и Софа раздвигают исполинские стебли сахарного тростника. Они начинают подниматься по склону горы Питон Мока, стараясь оставаться под прикрытием трехметровых растений.

— Папа, подвинься, мне ничего не видно.

Желто-зеленые поля тянутся насколько хватает глаз, спускаются к океану полосами, разделенными узкими темно-серыми потеками лавы. Наверное, это самый однообразный пейзаж на всем острове... Над верхушками стеблей возвышается только колокольня церкви Нотр-Дам-де-Лав, напоминающей Шартрский собор в миниатюре.

Растительный лабиринт... Марсьяль долго изучал карту. Питон Мока — это старый, осыпавшийся вулкан, высота которого не достигает и пятисот метров. Никакого сравнения с нависающим над ним исполином Доломье, зато с него открывается масштабный вид на весь юго-восточный берег острова.

Софа, привстав на цыпочки, таращит глаза:

— А почему у синей дамы, вон там, видишь, зачем у нее зонтик?

Марсьяль смотрит туда, куда показывает его дочь. Почти под грязно-розовой колокольней церкви Нотр-Дам-де-Лав — статуя Девы Марии с молитвенно сложенными руками, совершенно обычная, за исключением одной детали: Пресвятая Дева держит над головой большой зонтик того же лазурного оттенка, что и ее отделанная золотом туника.

— Она защищает нас от извержений вулкана, солнышко. Здесь ее очень хорошо знают. Видишь, сколько цветов у ее ног? Это ей принесли в благодарность.

— Это благодаря ей жандармы не смогли нас поймать?

— Может быть...

— Я тоже принесу ей цветы. Мы пойдем с мамой...

Марсьяль чувствует, что сердце у него начинает биться быстрее. Он тянет дочку назад, чтобы она оставалась под прикрытием стеблей. На этой высоте туман совсем рассеялся. Он — скорее для большей уверенности, чем по необходимости, — вытаскивает из кармана карту масштабом 1:25 000. Им остается идти меньше километра, надо только спуститься к океану вдоль ручья.

— Мы пришли, солнышко! Посмотри вниз — видишь большие черные камни, уходящие в море? Это бухта Каскадов.

— И там нас ждет ма...

Софа не успевает договорить — рука Марсьяля накрывает ее лицо, и ужасный мокрый платок с силой трет губы, лезет в рот.

15 ч. 41 мин.

— Папа, мне же больно...

Я прекрасно поняла, платок — это из-за того, что я начала говорить про маму. Стоит мне о ней заговорить — папа всегда найдет способ не отвечать.

Папа наконец убирает платок от моего рта и показывает мне.

Я отдергиваюсь. Мне страшно.

Платок весь красный!

Я провожу пальцем по лицу — ничего не понимаю, у меня нигде не болит.

Папа продолжает улыбаться, как будто ничего такого не случилось. До меня не сразу доходит. Ну да, я совсем забыла, чуть выше мы нашли на деревьях фрукты. Гуаява — вот как они называются. Мне они так понравились! Я ими прямо объедалась, почти так же, как когда мы с мамой собирали ежевику в лесу Монморанси. Папа объяснил мне, что здесь они так быстро разрастаются, вытесняя все другие деревья, что люди, когда гуаявы попадают на глаза, выдирают их с корнем.

До чего глупо!

— Папа, теперь я чистая?

— Почти. Можно подумать, что ты накрасила губы. Хочешь на руки, солнышко?

— Я не устала...

Это правда, только в другую сторону. Я не устала... Я... я совсем выбилась из сил! Только папе я этого не показываю! Не для того я так долго спускалась с такой высокой горы, чтобы теперь заснуть. Всего за несколько минут до того, как увижу маму!

Там, в бухте Каскадов.

Если только папа не врал мне с самого начала.

— Ты вела себя как большая девочка и отлично держалась, — говорит он. — Но, прежде чем мы доберемся до моря, нам надо пройти последний кусок дороги, и нельзя, чтобы нас узнали. Жандармы продолжают нас искать. И теперь они знают, что ты переодета мальчиком.

— А что изменится оттого, что ты меня понесешь?

— Твой папа все продумал...

Папа наклоняется и достает из рюкзака уродское и грязное одеяло. Я узнаю его — это одеяло папа подобрал в гараже дамы с голубыми волосами, которая теперь в бездонной яме вместе со своей машиной.

— Я заверну тебя, солнышко, в это одеяло и понесу на руках. Так, чтобы могло показаться, будто я, как делают местные, несу хворост, стебли тростника на растопку или листья пандана, из которых плетут корзины.

Я все равно не понимаю. Папа протягивает ко мне руки.

— Залезай, солнышко...

Я долго не решаюсь, потом делаю, как он сказал. Я протягиваю руки ему навстречу и, как только мои ноги отрываются от земли, чувствую, как на меня разом наваливается усталость, окутывает все мое тело, горячая и темная, как это одеяло, от которого ужасно воняет.

15 ч. 43 мин.

Марсьяль начинает спускаться. На то, чтобы пройти вдоль ручья, ему требуется меньше десяти минут. Софа, совершенно измученная, зевает у него на руках. Когда они подошли к тянущемуся вдоль побережья шоссе, он накинул на нее одеяло.

Осталось преодолеть последнее препятствие...

Шоссе кажется пустынным. Марсьяль на это и рассчитывал, здесь самая безлюдная часть острова, десять километров побережья — и ни одного жилья. В последнее десятилетие потоки лавы раз в два года доходили до океана, сжигая все на своем пути. Какой ненормальный захочет строить здесь дом?

Марсьяль, спрятавшись на краю плантации тростника, выжидает, высматривает что-нибудь подозрительное. Он должен оставаться начеку, пусть даже у полицейских нет никакой возможности угадать, в какую сторону он направился после Песчаной равнины. Софа мирно засыпает у него на руках; руки у Марсьяля дрожат, но не под тяжестью девочки.

Скорее от страха и тревоги.

Он вспоминает слова, наспех написанные на окне серой «клио».

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
приходи с девочкой

Теперь, когда он почти у цели, ему приходит в голову, что правильнее всего было бы позволить полицейским его задержать. Признаться во всем... Не подвергает ли он Софу еще большей опасности, пытаясь спасти Лиану? Марсьяль нежно поглаживает одеяло, еле слышно напевая креольскую песенку, которую не пел десять лет.

Софа, убаюканная, засыпает. Дышит ровно, спокойно, доверчиво. Марсьяль смотрит на часы. Он придет вовремя.

15 ч. 57 мин.

Пропустив две легковые машины и грузовичок, Марсьяль пересекает шоссе. Ни одного полицейского поблизости не видно.

И внезапно перед ним открывается бухта Каскадов. Великолепный вид. Водная феерия в обрамлении пальм, терминалий и панданов, словно посаженных здесь старательным садовником. Пейзаж замыкают склоны вулканов, оттуда сплошным занавесом падает вода. Через ручей, вьющийся между мостом и камнями, она утекает в море, исчезает под огромными угольно-черными камнями на пляже. Романтический оазис, вот только волны ударяются о скалистый берег с такой неистовой силой, что трудно представить себе, как десяток рыбацких лодок, выстроенных в ряд у непрочной с виду пристани, решится выйти в океан.

Марсьяль осторожно продвигается вперед. Любители пикников заняли все беседки, столы и деревянные скамьи в тени деревьев. Их машины смиренно стоят на стриженной лужайке, выделенной под парковку.

И только одна нарушает запрет. Она пристроилась в самом недоступном месте, за пристанью, позади груды камней.

Черный кроссовер. «Шевроле каптива».

Перед ним стоит мужчина. Маленький, плотный, смуглый, в низко надвинутой бейсболке защитного цвета.

Марсьяль не понимает. Он вцепляется дрожащими пальцами в бежевое одеяло.

Приближается к нему еще метров на десять.

Малабар пристально смотрит на него и улыбается, как будто ждал его. Марсьяль внезапно застывает, словно парализованный, только сердце отчаянно колотится.

На этот раз он его узнал.

15 ч. 29 мин.

Старая креолка не вошла в помещение жандармерии. Она поставила свою большую полотняную сумку на ступеньку и осталась ждать у порога, пока кто-нибудь ее заметит.

Кристос увидел ее, когда вышел покурить. Сколько же времени креолка здесь проторчала? Несколько минут? Или час?

— Лейтенант Константинов? — растягивая слова, спросила она. — Меня уговорила сюда пойти мать вашей начальницы, Лайла Пюрви. Надеюсь, это важно, а то хозяева не очень-то любят, когда у них веранда остается наполовину прибранная.

— Это зависит от вас, Ева Мария. Только от вас. Входите, прошу.

Кристос сунул сигареты в карман. Ева Мария Нативель не сдвинулась с места. Она вообще его услышала?

— Нет, — в конце концов пробормотала она, — нет, я пришла не для того, чтобы... чтобы... как это у вас говорится?..

— Дать показания?

— Да... показания. Я пришла просто для...

Не закончив фразы, старуха уставилась на бессильно свисавший трехцветный флаг.

— Для того чтобы рассказать мне историю? — Младший лейтенант пытается ее расшевелить. — Историю вашей племянницы Алоэ.

— Потому что я обещала Лайле это сделать.

Кристос смотрит на нее. Глаза у старухи такие же ярко-синие, как креольская косынка, прикрывающая ее волосы. В пятидесяти метрах от них, между домами, виден почти пустой пляж.

— Может быть, нам лучше немного пройтись?

Ева Мария улыбается.

— Отличная мысль, лейтенант. Возьмете у меня сумку?

Они бок о бок идут к пляжу, идут посреди улицы, нет ни одной машины, никто им не мешает. Проходят мимо оранжевой вывески парикмахерской.

— И скрытница же вы, Ева Мария.

Креолка шумно выдыхает с каждым шагом.

— Лейтенант, я сказала полиции все, что считала нужным. И ни разу не соврала.

— И вы продолжаете утверждать, что Лиана Бельон так и не вышла из тридцать восьмого номера отеля «Аламанда»?

Долгий вздох.

— Да.

— И что Марсьяль Бельон брал у вас тележку для белья?

Пауза. Посреди дороги. Мимо, едва не задев их, в сторону порта проносятся два мотороллера.

— И это тоже. Все произошло в точности так, как я рассказала.

— Но вы забыли сказать нам о том, что знали Марсьяля Бельона раньше. Что десять лет назад он жил с Алоэ Нативель, вашей племянницей.

Они идут дальше. Проходят три шага. Прямо перед ними, сразу за рестораном «Поль и Виржини», пляж. Еще тридцать метров. Никак не добраться.

— Лейтенант, какое отношение эта давняя история может иметь к исчезновению Лианы Бельон?

— Я жду, что вы мне это скажете, Ева Мария. Что вы расскажете мне историю вашей племянницы.

Старая креолка снова останавливается. Из ее глаз по морщинам текут слезы. Крестос, будто заботливый зять, берет ее под руку и поддерживает, пока они, метр за метром, приближаются к пляжу.

— Алоэ была золотая девочка, лейтенант. Такая милая, растила четырех братьев и сестер и никогда не жаловалась. И такая хорошенькая. И пахло от нее приятно. Ванилью. В моем саду всегда росла ваниль. Она каждый вечер после школы часами там оставалась. Вот потому я и не рассказала вам об этом. Fé lève lo mort,^[40] лейтенант...

Fé lève lo mort?

Они спускаются по короткой бетонной лестнице, Ева Мария останавливается едва ли не на каждой из девяти ступенек. Добравшись до последней, она опирается на плечо младшего лейтенанта и бесконечно долго разувается. Осторожно идет по песку, держа в руке свои полотняные тапки.

— Я уже знаю эту историю, Ева Мария. (Крестос старательно выбирает слова.) Жизнь к ней жестока, мужчины ее бросают, сначала Марсьяль Бельон, потом Муругаин Панианди, «Кап-Шампань» закрывается. Ева Мария, мне необходим точный ответ. Алоэ очень сблизилась с маленьким Алексом Бельоном. Она заботилась о нем больше, чем его родители. Была ли она на пляже Букан-Кано в тот вечер, когда

Алекс утонул, третьего мая 2003 года? Можно ли считать, что она в какой-то мере виновата в гибели мальчика?

Ева Мария останавливается и бесконечно долго наблюдает за летящим над ними фаэтоном, потом с негодованием отвечает:

— Так вот оно что? Вот что вас так занимает? Вы думаете, я соврала, чтобы защитить племянницу?

Надтреснутый смех Евы Марии несется над лагуной.

— Господи... Бедная моя Алоэ...

Старуха садится на песок и пропускает через свои сморщенные руки тысячи песчинок. Кростос, немного поколебавшись, садится рядом.

— Алоэ и Марсьяль Бельон были красивой парой, он куда больше подходил ей, чем эта дубина Муругаин, несмотря на то что Марсьяль был старше. Но с каждой неделей он все больше сам занимался сыном. Молоденькая и хорошенькая нянька-креолка была ему нужна все меньше и меньше. Алоэ поняла, что рано или поздно он бросил бы ее ради другой девушки, такой же хорошенькой, но постарше.

— Вы не ответили на мой вопрос, Ева Мария. В решении суда говорилось о причинении смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Судья Мартен-Гайяр рассматривал Марсьяля Бельона как единственного виновного. Где была Алоэ третьего мая 2003 года, в день, когда утонул Алекс?

— Далеко. Очень далеко.

Взгляд Евы Марии теряется в небе.

— Еще дальше, чем летают фаэтоны.

Она в своем уме?

Креолка опережает подозрения лейтенанта. Она берет его за руку. Ее пальцы дрожат, дрожит и голос.

— Алоэ думала, что ей выпал главный шанс, какой бывает в жизни! Она участвовала в кастинге на пляжном подиуме летом 2002 года. Надо было на закате танцевать в купальнике под кокосовыми пальмами. Что-то в этом роде... Потом, уже осенью, ей позвонили. Ее отобрали для съемок клипа в метрополии, песня была даже не реюньонская сега, по-моему, это был антильский зук. Ей оплатили дорогу и гостиницу. Клип тогда много раз крутили по телевизору, особенно на шестом канале. И все видели мою милую Алоэ, она вместе с еще пятнадцатью такими же красивыми, как она, метисками в бикини танцевала вокруг прекрасного, как статуя, черного певца. А потом она вернулась на Реюньон, и больше они к ней не обращались.

— Третьего мая 2003 года Алоэ была в метрополии?

— Да. Это, наверное, нетрудно будет проверить, должны существовать архивы всякого такого...

Странное совпадение... еще одно. Конечно, они проверят.

И все же Кростос неожиданно для самого себя отвечает:

— Это не понадобится. А можно... можно встретиться с Алоэ?

Сморщенная рука превращается в засохшую ветку. Глаза Евы Марии снова наполняются слезами.

— Вы, значит, не поняли?

Кростос гладит увядшую руку старой креолки, тихонько, как делал бы, если бы хотел успокоить испуганного чекана.

— Чего не понял?

— Почему я ничего не сказала вам про Алоэ.

— Когда для нее все обернулось плохо, она стала торговать собой — этого вы не хотели нам рассказывать?

Пальцами левой руки Ева Мария чертит кружки на песке.

— Она называла себя Ваниль. Клиенты знали ее только под этим именем, но это мне рассказали намного позже. Она больше никогда меня не навещала. Кажется, на нее был большой спрос. Она нравилась богатым людям и много зарабатывала.

Темная ладонь внезапно поднимает песчаную бурю, сметая нарисованные круги.

— Но у нее оставалось все меньше и меньше денег. Чем больше ей было надо, тем меньше она зарабатывала.

— Замал?

Ева Мария улыбается.

— Героин, лейтенант. Ее тело нашли 17 ноября 2009 года у водопада Манике, за Сен-Дени. В заключении написали, что это была передозировка. В местных газетах напечатали несколько строчек о смерти шлюхи по имени Ваниль. Никто так и не узнал ее настоящего имени, кроме полиции, ее братьев и сестер, ее родителей и меня. Даже Марсьяль не знает, что это была она.

— Мне очень жаль, Ева Мария.

— Вам не о чем сожалеть, лейтенант. Вы тут ничего не можете сделать. Но вы, по крайней мере, поняли, почему я не хотела говорить про Алоэ. На этом острове нелегко хранить семейные тайны.

Ева Мария пропускает сквозь пальцы последние песчинки.

— Пойдем обратно, лейтенант?

16 часов

Кристос и Ева Мария стоят у дверей полицейского участка. На обратном пути они почти не разговаривали. Лейтенант ни на мгновение не усомнился в том, что Ева Мария сказала правду.

— Спасибо за прогулку, лейтенант.

— Для меня это было удовольствием, Ева.

Кристос говорит искренне.

Ева Мария забирает у него сумку и, прежде чем медленно двинуться через парковку, в последний раз поворачивается к жандарму.

— Я прекрасно вижу, что вы и дальше будете ломать голову, пытаться узнать, кто виноват в смерти маленького Алекса. Так вот, лейтенант, скажите себе, что никто не виноват. Что это была случайность, и никто не мог ничего изменить. Именно так на свете зарождается всякая ненависть, из-за этого начинаются все войны, нам всегда надо найти виноватых во всех несчастьях мира. Даже когда их нет, наш разум их придумывает. Полицейскому нелегко примириться с этой мыслью, но нам так необходимы виновные, что мы в конце концов сами их создаем.

Кристос стоит неподвижно, он неспособен прервать монолог старой креолки. Она смотрит ему в глаза.

— I fé pa la bou avan la plî,^[41] лейтенант. Понимаете? Когда человек несчастен, он выживает благодаря тому, что ненавидит весь свет или кого-то одного, кого-то, на ком можно сорвать зло, чтобы почувствовать себя немного лучше. Вы со мной не согласны?

— Я... не знаю. Вы говорите, что в смерти Алекса никто не виноват, но у нас по острову бродит на свободе убийца...

Ева Мария окатывает жандарма своим океанским взглядом.

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить, лейтенант. I fé pa la bou avan la plî. Когда на человека обрушиваются несчастья, он отказывается смириться с тем, что нет никакого виновника, которого надо наказать. И тогда, чтобы меньше страдать, мы придумываем месть.

«Мы придумываем месть», — повторяет про себя Кристос.

Она сумасшедшая, эта старуха, или она пытается ему открыть что-то иное? Зашифрованную правду? Назвать имя убийцы — и это не Марсьяль Бельон?

И пока в его голове роем вьются противоречащие одно другому предположения, в полицейском участке раздается звонок.

На попечении обоих родителей

16 ч. 01 мин.

Марсьяль остановился в двадцати метрах от малабара. Он не мог сделать больше ни шага. Он опускает на землю спящую Софу, завернутую в одеяло. Малабар наблюдает за ним из-за черного внедорожника, его лица не разглядеть в тени козырька защитного цвета бейсболки. За спиной у него волны бьются о черные скалы бухты Каскадов, обдавая их пеной.

Марсьяль на мгновение заколебался: идти, бежать вперед? Или убежать?

Он не трогается с места.

Он пристально смотрит на малабара и вспоминает записку на стекле машины.

Встреча
В бухти каскада

Он не может сопротивляться памяти, которая выходит из берегов, поднимается на поверхность мозга, возбуждает все его чувства. На этот раз он позволяет прошлому взять над ним верх.

Мысли мечутся, воспоминания идут потоком, и Марсьяль невольно дублирует этот поток, шевеля губами, с которых не срывается ни единого звука.

Все перевернул тот субботний вечер 3 мая 2003 года.

В те выходные была очередь Грациеллы сидеть с ребенком. В виде исключения я остался один. Моя тогдашняя подружка, Алоэ, только что улетела на кастинг в метрополию. Пауза прилась кстати, и мы оба это сознавали. У каждого свой путь, у каждого свой шанс...

16 ч. 02 мин.

Грациелла Доре осторожно, словно боится оборвать, заправляет за ухо чуть более длинную, чем остальные, прядь волос, потом поворачивается лицом к Индийскому океану.

Ей вспоминается телефонный разговор с этим полицейским. Способен ли он хоть что-то понять? Да нет, конечно, нет. Он выглядел не особенно

усердным служащим. И стоило потрясти у него перед носом марионеток, как он тут же пустился в погоню за теньями.

Милый ленивый щенок.

Ей надо сосредоточиться, хватит прокручивать в голове одно и то же кино. Действовать. Реагировать. Но разве можно забыть?

Каждая умирающая у ее ног океанская волна напоминает ей об Алексее. Как с этим бороться?

Мелькают кадры. Лагуна. Отель «Аламанда». Бегство Марсьяля. Умершие... Недавно, когда-то...

Эти мертвецы хватают ее за ноги, не позволяют о них забыть.

И на этот раз Грациелла их не отталкивает.

Это было так давно...

А если точно, думает Грациелла, это было 3 мая 2003 года. Я тогда была одержима одной мыслью.

Марсьяль не имел права меня бросать.

Он мог сколько угодно изменять мне с другими женщинами, которые красивее, чем я, например с этой девочкой, Алоэ Нативель, он мог пить ночи напролет с другими мужчинами, он мог появляться через день, мог пользоваться моими деньгами, поварами моего ресторана, моей постелью, моей дыркой, но он не имел права меня бросать.

Он не имел права любить другую.

Я все поставила на него, как ставят все свои сбережения на номер в казино, на лошадь, все в него вложила, как вкладывают в новый стремительно развивающийся проект. Я выбрала его из нескольких десятков возможных претендентов, я была уверена, что смогу его переделать; собственно, я этого и добилась, он был молод, податлив, словно глина, самородок, который надо было обработать, золотая жила, которую я одна угадала и из которой я одна смогла бы нечто извлечь. Я могла вытерпеть все, пожертвовать всем, потому что наша пара была творением, рассчитанным на долгий срок, творением, чьи мощь и гармонию можно было бы оценить лишь годы спустя. Долгое, терпеливое созидание.

Я сделала ставку на Марсьяля, оставив в стороне все прочие свои иллюзии, все прочие страсти, бесконечные возможности, которые дарила мне жизнь, я уподобилась студентке, готовой пренебречь собственной молодостью и работать день и ночь, стремясь к единственной цели — получению недостижимого диплома.

Я выбрала его, чтобы он стал отцом моего ребенка.

Нет, Марсьяль не имел права бросать меня ради первой попавшейся

шлюшки.

Вот потому-то в тот вечер я приперла его к стенке...

16 ч. 03 мин.

Не прошло и трех часов с тех пор, как я отвез Алоэ в аэропорт в Сен-Дени, и мне позвонила Грациелла. Должно быть, узнала об этом от общих друзей, с самыми лучшими намерениями доложивших ей, что девчонка на неопределенный срок улетела в Париж.

— Мне надо, чтобы ты сегодня вечером побыл с Алексом. Да, я знаю, сегодня мой день, но... Но ты должен приехать. У меня сегодня вечером назначена встреча, свидание с мужчиной. Это впервые, Марсьяль. Так что прошу тебя, сделай над собой усилие, приезжай в «Кап-Шампань» и забери Алекса не позже десяти.

Она врала. Я не сомневался в том, что она меня обманывает. Не было у нее никакого другого мужчины и не было никакого свидания. Она в очередной раз воспользовалась Алексом как предлогом, чтобы свистнуть мне, чтобы заставить меня примчаться, чтобы снова орать мне в лицо, напоминать о мнимом долге перед ней и перед нашим сыном. Зная о том, что я снова свободен, еще раз попытаться счастья.

16 ч. 04 мин.

Гордость мешала Марсьялю в это поверить, но в тот вечер я его не обманула. Впервые я ничего не выдумывала. Я и в самом деле решила отдаться другому мужчине. Фабрис Мартен был адвокатом, специалистом в области экологического права. Он был богат и убежденно защищал биологическое разнообразие острова, выгоняя с заповедных территорий в горах скотоводов и земледельцев, хотя в тех местах поселились еще их прапрадеды. Если разобраться, он был скорее некрасивым. И, хотя он два часа в день бегал под солнцем и старался почаще стаскивать галстук и рубашку, чтобы я могла полюбоваться его великолепно вылепленным торсом, лицо у него все равно оставалось чиновничье — лоб с залысинами, длинный нос, на котором удобно сидели тяжелые очки для близоруких.

Он не первую неделю выклянчивал у меня ужин при свечах. И в тот вечер я согласилась — разумеется, только для того, чтобы заставить Марсьяля ревновать. Его едва достигшая совершеннолетия креолочка наконец-то свалила. Я уже давно могла уволить ее из ресторана, но она привлекала клиентов. И она заботилась об Алексе. Марсьяль никогда один не смог бы справиться с сыном... Но теперь с этим покончено! На этот раз он должен был выбрать...

Алекс играл на пляже, он часто играл там по вечерам. Я присматривала за ним из-за стойки бара, пляж был уже темным и безлюдным. Я решила все закрыть самое позднее в десять. У Марсьяля не было выбора, пусть даже очередь была не его, ему ничего не оставалось, кроме как приехать за Алексом. Он давно понял, что я не спущу ему даже малейшего опоздания... Свидетельства служащих. Письмо судье. Марсьяль был мальчишкой, которого следовало наказать. Я была на верном пути. Он делал успехи. Вернувшись ко мне, он стал бы почти безупречным отцом.

Да, Марсьяль должен был приехать за Алексом. И тогда я напомнила бы ему о его обязанностях. Он не мог больше играть мной. Отныне он должен был считаться с соперником.

Фабрис был молодым адвокатом, богатым, спортивным и с головой на плечах.

Марсьяль мог окончательно меня потерять.

А этого он бы точно не вытерпел.

16 ч. 05 мин.

Если бы я не появился в ресторане до десяти вечера, эта ненормальная Грациелла в очередной раз написала бы судье, наврав с три короба. В этой ситуации слово отца весит против доводов матери столько же, сколько слово черного раба против слов надсмотрщика... В половине десятого я решил ехать за Алексом.

Я добрался до пляжа Букан-Кано в самом начале одиннадцатого. Солнце уже зашло, только небо пылало, словно проснувшийся вулкан. Я нарочно поставил машину под казуаринами, в самом конце пляжа, на некотором расстоянии от первого фонаря.

Я шел в полумраке вдоль черных скал напротив отеля «Букан». Отсюда я мог, сам оставаясь невидимым, наблюдать за баром «Кап-Шампань».

Эта стерва Грациелла была там, за стойкой, и смотрела оттуда, как Алекс, освещенный падающим из ресторана светом, играет на пляже метрах в десяти от нее.

Как я и думал, ее любовное свидание было всего лишь выдуманном предлогом, чтобы завлечь меня сюда, как только уехала Алоэ. Я подошел в полутьме поближе, присел на песок и несколько минут смотрел, как играет Алекс. Я обожал, когда он вот так ускользал из мира взрослых. Разговаривал с воображаемым кораблем, с пиратом, придумывал всяких фантастических креветок. А вот Грациелла терпеть не могла, чтобы он был ничем не занят.

Непримиримые...

16 ч. 06 мин.

Хотя Марсьяль и спрятал машину под казуаринами, и скрывался в темноте, он все же приехал за Алексом. Он, наверное, думал, что я его не вижу, но освещенные окна отеля у него за спиной его выдали. Я тайком наблюдала за его темным силуэтом, переводя взгляд на Алекса всякий раз, как Марсьяль поворачивал голову в мою сторону.

Я все поняла. В этот раз Марсьяль предпочел забрать сына, не встречаясь со мной, так, чтобы даже двух слов мне не сказать.

Классический случай...

Судья Мартен-Гайяр рассказывал мне, что некоторые разведенные родители до такой степени неспособны встречаться, так ненавидят друг друга, что передают ребенка, оставляя его на несколько минут одного в каком-нибудь безопасном месте, на лестничной клетке, в городском саду, на террасе кафе.

Марсьяль еще до такого не дошел, но все было ясно. Он больше не хотел меня видеть. Он не был плохим отцом и даже уже не был ветреным мужем. Но что-то во мне стало ему противным. И мои угрозы, и мои хитрости только ухудшали дело.

«Я поставила не на тот номер. Я проиграла».

Фабрис Мартен может во время ужина обойтись без долгих ухаживаний, я все равно ему отдамся сегодня ночью. В конце концов, может, я смогла бы его полюбить... Может быть, Марсьяль бы его возненавидел... Возненавидел бы до того, чтобы снова полюбить меня.

Может, не все еще было потеряно....

16 ч. 07 мин.

Я простоял в тени скал несколько минут. Я не хотел, чтобы Алекс меня увидел. Ему и без того было трудно привыкнуть к тому, что за ним присматриваю то я, то его мать. Он бы не понял, что я делаю здесь, на пляже Букан-Кано, в те выходные, которые он проводит с Грациеллой. И тем более не понял бы, почему я сразу уехал.

Я посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. В последний раз взглянув на Грациеллу, чтобы убедиться, что она действительно из окна бара наблюдает за пляжем, я в темноте направился к своей машине.

16 ч. 08 мин.

Я посмотрела на стоящую под казуаринами машину Марсьяля, чтобы

убедиться, что он все еще здесь.

Ну и пусть, подумала я.

Я тоже имею право на удовольствия, всего-то один вечер.

Мне не хотелось идти прощаться с Алексом. Он молча сидел на песке в нескольких метрах от меня. Я уже сказала ему, что отец за ним заедет.

Он ничего не ответил, только зачерпнул горсть песка и смотрел, как песчинки высыпаются между пальцев.

Алекс был чувствительным, но замкнутым ребенком. Из-за нашего развода он в конце концов сделался бы аутистом...

Я отошла от окна, решение было уже принято, и теперь я боялась столкнуться с Марсьялем лицом к лицу. Он мог в любую минуту тенью появиться с темного пляжа и потребовать у меня объяснений, почему на мне вечернее платье, что за браслет у меня на запястье, зачем я так нарядилась... Я надела жакет, в последний раз взглянула на машину Марсьяля и пошла выключать свет в баре, по пути прихватив мобильный телефон.

Было уже десять минут одиннадцатого, Фабрис, наверное, давно ждал меня в лучшем ресторане западного побережья. Я только и сказала ему, сухо и холодно, что скоро буду.

Я собиралась его помучить. И получить от этого удовольствие.

16 ч. 09 мин.

Я тронулся с места и, выбираясь задним ходом с улицы Букан-Кано, набрал номер Грациеллы. Все фары у меня были выключены. Я услышал запись на автоответчике бара. Тогда я счел удачей то, что Грациелла сама не отозвалась. Это давало мне возможность избежать долгих объяснений.

«Грациелла, это Марсьяль. Я сегодня вечером за Алексом не приеду. Хватит уже искать дурацкие предлоги. Хватит прикрываться Алексом. Мы с тобой должны вести себя как взрослые люди, отвечающие за свои поступки».

А потом я пошел в «Бамбук-бар» на другом конце пляжа и допоздна засиделся там с друзьями. В этом кабачке с тремя столиками и десятком стульев умудрялись собраться все этнические группы острова... Я знал, что Грациелла в том числе, и поэтому никогда туда не сунется.

16 ч. 10 мин.

Сообщение Марсьяля я нашла на своем автоответчике в шесть утра. Я не ночевала дома, Фабрис был лишенным воображения, но стойким любовником. Я прослушала сообщение и с первого раза не поняла. Я

нажала на синюю кнопку, которая мигала, как фонарь на крыше «скорой помощи», и голос Марсьяля это повторил.

«Я сегодня вечером за Алексом не приеду».

И тогда я завывала. Я выскочила через застекленную дверь бара, выходящую на океан, и помчалась по пляжу как помешанная. Там уже собрались люди, инструктор по плаванию, какие-то прохожие.

И за лесом ног я разглядела лежащее на песке безжизненное тело Алекса.

16 ч. 11 мин.

Когда мне позвонили, я не сразу понял.

— Господин Марсьяль Бельон?

Алкоголь еще не выветрился, в голове у меня стучало, а этот полицейский старался орать как можно громче что-то непонятное. Оставить шестилетнего ребенка одного на пляже без присмотра. Ночью. Мальчика, который обожал воду. На таком опасном пляже.

Потом до меня дошло, и в голове у меня все взорвалось. Я даже не пытался ничего объяснить этому полицейскому... Я только бежал, мчался как помешанный, я пробежал пять километров между Сен-Полем и пляжем Букан-Кано, не переставая в гневе орать на океан.

Сначала я пытался втолковать полицейским, что в тот вечер за Алексом присматривала Грациелла, пытался объяснить им, какое большое значение имеют эти несколько минут до или после двадцати двух часов, пытался сказать им, что оставил сообщение на автоответчике бара, хотя Грациелла и отрицала, что получила его. Грациелла привела десяток свидетелей, и все они заявляли, что слышали, как она просила меня в виде исключения взять к себе Алекса, все они подтверждали, что видели, как я около десяти вечера припарковал машину около отеля «Букан». Адвокат Фабрис Мартен заверил, что Грациелла в самом начале одиннадцатого сидела с ним за столиком в ресторане. Остров Реюньон — тесный мирок, особенно если говорить о зорях, которые руководят здравоохранением, образованием, охраной порядка и правосудием. Судья Мартен-Гайяр был в родстве с Фабрисом Мартемом.

На меня тем проще было все свалить, что у меня не было ни малейшего желания сражаться, нанимать адвоката и поручать ему выторговывать проценты моей ответственности за гибель Алекса. Мартен-Гайяр купил мое молчание, обвинив меня лишь в причинении смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Я остался на свободе.

Месяц спустя я покинул Реюньон и растворился в тумане Иль-де-Франса. Это было десять лет назад. Тогда было совершенно непредставимо, что я смогу начать жить заново. И еще менее я мог себе представить, что снова буду растить ребенка. По сути, Грациелла победила. Я был готов взвалить на себя весь груз чувства вины, нести его, тащить, и, если бы даже Грациелла разделила со мной это чувство, его тяжести бы это не уменьшило.

Разведенные пары делят между собой заботу о живых детях, не о трупах.

16 ч. 12 мин.

Во всем виноват был один только Марсьяль. Я потом долго размышляла об этом в одиночестве, без всяких психологов и прочих наперсников.

Я была ни при чем.

Все это случилось только по вине Марсьяля, который пришел в тот вечер, словно вор, спрятался в тени, шпионил за нашим сыном, а потом ушел, не сказав ни слова, и пьянствовал в нескольких метрах оттуда...

У Марсьяля не было никаких оправданий. Ни в тот вечер, ни в другие дни, до того. Ничего бы не произошло, если бы Марсьяль нас не бросил, Алекса и меня. Алекс и сейчас был бы жив, если бы Марсьяль просто согласился продолжать нас любить. Или хотя бы притворяться, что любит. Если бы он не сеял смерть вокруг себя, не приносил несчастья.

Марсьяль, как всегда, сбежал после суда.

Я осталась.

Я попыталась выжить. Я разогнала негритосов и закрыла бар. Я перебралась на другой остров, к другому морю, но волны снова и снова выносили на берег тело Алекса.

Каждое утро.

Да, все случилось только по вине Марсьяля. И даже хуже того.

Я потом долго размышляла.

Марсьяль желал смерти Алекса.

Смерть Алекса стала для него большой удачей. Неожиданной возможностью окончательно от меня сбежать. Чтобы между им и мной оказались девять тысяч двести километров. Марсьяль, должно быть, не раз желал Алексу смерти. И в конце концов убил его в тот вечер, 3 мая 2003 года, так же верно, как если бы воткнул нож ему в сердце.

Причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств... Судья Мартен-Гайяр — полный идиот, он еще глупее своего

родственничка. А ведь правда просто бросалась в глаза. Это было убийство, и убийство самое что ни на есть преднамеренное.

С заранее обдуманым намерением.

Марсьяль решил принести в жертву Алекса по совершенно определенной причине.

Он украл у него жизнь, потому что хотел подарить ее кому-то другому несколько лет спустя.

Маленькой светловолосой девочке по имени Жозафа.

Грациелле требуется несколько минут, чтобы собраться с мыслями. Она стоит, положив руку на черный металл кроссовера, и по ее желтовато-смуглым щекам текут слезы. Она не старается их сдержать, какая разница, успеют высохнуть. А грим теперь уже ни к чему.

Марсьяль приближается к ней с девочкой на руках.

Все в порядке.

Она силится улыбнуться, говорить естественным тоном и громко, чтобы перекрыть шум волн, которые разбиваются о скалы.

— Привет, Марсьяль, на этот раз ты явился вовремя.

Поселок Линь-Паради

16 ч. 01 мин.

— Алло, это полицейский участок Сен-Жиля?

Кристос не спеша открыл бутылку пива «Додо», потом лениво поднял трубку.

— Ага... Во всяком случае, то, что от него осталось...

— Кристос? Это Муса Дижу. Муниципальная полиция Сен-Пьера. Ты меня вспомнил?

Кристос вспоминает здорового жизнерадостного парня, в высшей степени склонного при появлении малейшей проблемы вызывать жандармов, с силой хлопать их по спине и завершать разговор фразой вроде: «Ну ладно, теперь не буду вам мешать выполнять вашу работу».

Муса Дижу продолжает:

— Я думал, тут автоответчик. Вы разве не все ушли охотиться на медведя?

— Как видишь, не все. Я, должно быть, вышел из того возраста, когда играют в трапперов...

Дижу и не думает в ответ расхохотаться. Плохой знак.

— Значит, мне повезло, что я попал на тебя, Кристос. Это продолжается. Представляешь, у меня здесь труп. В Линь-Паради. И держись крепче — меня вызвал со своего мобильного одиннадцатилетний мальчишка. Негритянка. Лежит в овраге, скорее всего, кто-то остановил свою тачку наверху и вывалил ее туда прямо из багажника. Зарезана ножом. Можешь себе представить?

Перед тем как ответить, Кристос делает пару глотков пива. По последним сведениям, Бельон все еще бегаёт где-то вокруг вулкана, так что это убийство трудно будет на него свалить.

— Шлюха? — устало спрашивает он.

— Да нет, не думаю. Не очень молодая, такая мать семейства, ну ты понимаешь, что я хочу сказать. Скорее хорошенькая, но с формами, с очень пышными формами. Ты можешь приехать?

Кристос прихлебывает пиво. Он чувствует, что ему надо действовать осторожно, если он не хочет взваливать на себя эту работу. Он еще даже не успел позвонить ни Айе, ни Имельде, чтобы рассказать им о своей ностальгической прогулке в обществе Евы Марии.

— Я тут совсем один в лавке остался. В нынешних обстоятельствах, с учетом плана «Папанг» и прочего, сам понимаешь, все бросить не так просто.

Дижу повышает голос.

— Эй, парни! Я-то всего-навсего муниципальный служащий. Вы не можете оставить меня здесь с трупом на руках...

Кристос вздыхает.

— Ну вот всегда так, одно к одному. Давай подробности.

— Да рассказывать-то почти нечего. Документов никаких. Сумочки нет. Только ключи от машины в кармане, а в трехстах метрах оттуда бесхозная, неправильно припаркованная красная «поло» с погнутой оранжевой дверцей. Номер тебе сказать?

Бутылка выскользывает у него из рук, замедленно падает, разлетается, ударившись о плитки пола, обливает ему ноги липкой жидкостью.

Кристос сидит без движения. Все кровеносные сосуды, которые соединяли его сердце с прочими органами, мгновенно разорвались. Как будто жизнь разом его покинула.

— Алло, Кристос? Алло, ты здесь? Ну что ты решил? Едешь ты сюда или как?

16 ч. 13 мин.

— Привет, Марсьяль, — повторяет Грациелла. — Давненько не виделись...

И, пока Марсьяль идет к черному внедорожнику, Грациелла снимает бейсболку и бросает ее на капот. Ее длинные светло-каштановые волосы рассыпаются по плечам. Смуглая кожа от глаз до подбородка вся в белых полосах. Глинистая почва, в которой слезы проточили узкие канавки.

Грациелла плакала. Но сейчас голос у нее скрипучий, а тон циничный, словно для того, чтобы предупредить всякую жалость.

— Я была уверена, что ты найдешь способ добраться сюда...

Марсьяль останавливается в метре от нее. Его руки обнимают спящую Софу, завернутую в бежевое одеяло. Он говорит тихо, чтобы ее не разбудить.

— Я пришел, Грациелла. С Софой. Один. Я сдержал обещание. Где Лиана?

— погоди, Марсьяль. Мы с тобой здесь встретились для того, чтобы найти правильное решение. Без спешки. И без гнева.

Марсьяль делает шаг вперед. Изучает взглядом бывшую жену.

— Скажи мне, что она жива, Грациелла. Скажи мне это немедленно или...

Грациелла усаживается на черный каменный мол. Она не случайно выбрала это место для встречи, другие посетители бухты Каскадов не могут их увидеть за горами камней, а грохот волн заглушает все разговоры — на расстоянии пяти метров уже ничего не слышно.

— Теперь ты понимаешь, Марсьяль. Ответственность. Семья. Страх, от которого все внутри скручивается. Познакомь меня, пожалуйста, с твоей дочерью...

— Она спит. Все в порядке. Я о ней позабочусь. Чего ты хочешь?

Грациелла оглядывается кругом. В двадцати метрах от них на волнах качается надувная лодка, привязанная к стволу пандана. Для того чтобы перекрыть шум волн, приходится напрячь голос.

— Я тебе уже сказала — найти правильное решение. Справедливое. Надо заплатить все долги, Марсьяль, даже спустя годы. Нет другого способа сделать так, чтобы призраки оставили нас в покое. Если ты не

хотел с ними встречаться, зачем вернулся на остров с женой и дочерью?

Марсьяль почти кричит, как будто от пронзительного голоса клиническое спокойствие его бывшей жены может пойти трещинами.

— Потому что призраки существуют только у тебя в голове, Грациелла. И потому что ты покинула остров, забрав их с собой.

— Нет, Марсьяль. Они остались здесь, в «Аламанде», на пляже Букан-Кано, в баре «Кап-Шампань». Они спали, а ты вернулся и пробудил их.

Она смотрит на океан, на водопады, потом встречается глазами с Марсьялем.

— Ты в самом деле думал, что можешь уйти от своего прошлого?

Марсьяль пошатывается, очень тяжело держать, руки устали, он еле терпит, но не хочет сдаваться. Он должен выиграть время, чтобы защитить Софу. Он вспоминает о телефонных звонках, которые начались на следующий же день после их приезда на Реюньон.

«Это очень важно, Марсьяль, что ты вернулся заплатить свой долг. Когда покупаешь счастье в кредит, рано или поздно приходится расплачиваться.

Одна жизнь взамен другой. Жизнь твоей дочери за жизнь твоего сына. И мы будем в расчете».

Грациелла продолжает тем же нейтральным тоном, будто судья, излагающий факты.

— Вы, наверное, хотели обратиться в полицию. Может быть даже, тайком с ними встречались. Но что вы могли сказать полицейским? Попросить их приставить к вам телохранителей? Какой полицейский предъявил бы мне обвинение только на основании анонимных угроз? Какой полицейский поверил бы вам на слово, не попытавшись провести хоть какое-то расследование?

Угрожающий голос, который Марсьяль слышал на другом конце провода неделей раньше, продолжает эхом отдаваться у него в голове.

«Суд над Жозафой был справедливым. Следствие длилось годы. Для обжалования слишком поздно, Марсьяль. Если хоть один полицейский подойдет ко мне и задаст хоть какой-нибудь вопрос, я казнь твою дочь».

Тот же холодный голос, который сейчас торжествует победу.

— Я была уверена, что вы не станете играть с огнем... Когда похитители угрожают убить ребенка, родители могут рискнуть и

обратиться в полицию. Они предполагают, что цель похитителей — получить выкуп, смерть ребенка ничего им не дает. Но для тебя, Марсьяль, ни о каких предположениях речь не шла, только об отсрочке — как оттянуть казнь, чтобы продолжать надеяться...

Марсьяль молчит. Хмурится. Вспоминает, как Лиана ходила в полицейский участок в Сен-Бенуа. В то утро она чуть было не рассказала обо всем полицейским. Он ждал ее в машине, но взял с нее обещание не называть имен. Никаких доказательств у них не было, и один бог знает, на что могла пойти Грациелла в ответ на обычное полицейское расследование.

— Я тебя знаю, — продолжает Грациелла. — Ты снова хотел убежать, но все места на всех рейсах были зарезервированы, да? Или надо было лететь с пересадками за бешеные деньги. Это было тебе не по средствам! Мы отвечаем за то, что кладем на весы: если бы ты не женился на девчонке без гроша, может, был бы сейчас далеко... Но ты уже не мог ускользнуть от приговора. Ты не мог покинуть остров. И не у кого было искать защиты. Палач мог постучать в твою дверь в любую минуту. На этот раз ты следил за ребенком, правда, Марсьяль? Ты не оставлял дочку одну на пляже у лагуны. Ты беспокоился. Ты не выходил из роли отца. Ты вел себя благоразумно, как узник, который надеется, что за хорошее поведение ему смягчат наказание.

Ничего не отвечать. Тянуть время.

Грациелла то и дело поглядывает на лодку.

— Ты вел себя смирно... Но готовился к побегу. Я должна похвалить тебя, Марсьяль, ты сумел проскользнуть в щелочку, которую я не углядела. У меня ушло немало времени, пока я разгадала вашу стратегию. Лиана внезапно исчезает, и вы подстраиваете все так, чтобы тебя заподозрили в убийстве. Пара легких царапин, несколько капель крови, пролитых в номере, на самых видных местах. Ты просишь уборщицу дать тебе на время ее тележку для белья и стараешься, чтобы тебя заметили служащие отеля; таким образом, никто не увидит, как вполне живая Лиана покидает номер, все подумают, будто ты вывозишь ее труп. Все улики, разумеется, против тебя. Полиции ничего другого не остается, кроме как тебя задержать, а малолетнюю Софу взять под охрану. А через два дня, за несколько часов до вылета, появилась бы Лиана. Она бы объяснила полицейским, что всего лишь ненадолго отлучилась. Они бы извинились, отпустили бы вас, и вы бы улетели в метрополию... Вы разработали сложный, но толковый план.

— Это был мой план, — вставляет Марсьяль. — Лиана поначалу не соглашалась. Она не хотела оставлять Софу одну со мной.

Грациелла поднимает взгляд к невидимым теням где-то за водопадами.

— Но, на свою большую беду, она к тебе прислушалась. Ты забыл об одной подробности, Марсьяль. Призраки недоверчивы. Я постоянно за вами следила. У Лианы была возможность полюбоваться несколькими трогательными семейными фотографиями на стенах моего сен-пьерского дома. Когда ты вывез ее на стоянку «Аламанды» на тележке для белья и там оставил, ее уже ждал там малабар в бейсболке защитного цвета. Он предложил ей сесть в его кроссовер «шевроле каптива».

На этот раз Марсьяль не может сдержаться.

— Если ты ее хоть...

— Не заводись, — перебивает его Грациелла, неспешно подняв руку. — Не путай роли, Марсьяль. Это ты пытался устроить побег твоей жены. У тебя не получилось. Ты ведь знал правила. Наказание. Тюрма. Бедная Лиана, она, по сути, ни в чем не виновата. Ее не в чем упрекнуть, если не считать того, что она встретила тебя. Ты хоть понимаешь, что сам вырыл могилу для всей своей семейки?

Марсьяль на метр отступает и прислоняется к стволу пандана — так легче рукам. Он должен как можно дольше защищать Софу от этой ненормальной.

— И... ты убила того типа в порту Сен-Жиля? Родена?

— Это случилось по твоей вине, Марсьяль. Только ты в этом виноват. Если бы не твой идиотский план, этот негритос был бы сейчас жив. Он повернул голову в самый неподходящий момент — когда я загружала Лиану в багажник. Вы предоставили мне оружие убийства, в сумке Лианы лежал нож с ее кровью на лезвии и твоими отпечатками пальцев на рукоятке. Перед тем как убить старуху, у которой ты жил, я дольше колебалась. Я встретила твою малышку Софу на улице в Сен-Жиле. Она была переодета мальчиком. Мальчиком, Марсьяль! В возрасте Алекса! Как будто и ты тоже понял, что ничего другого не остается, кроме как обменять одну жизнь на другую. Дальше все было несложно. Я двинулась следом за ней. Спряталась в десяти метрах от дома. Несколько минут спустя вернулась старуха. Представь себе, что было бы, если бы я ее не остановила, если бы она застала тебя в своем доме. Тебе самому пришлось бы всадить нож ей в горло, чтобы заставить молчать... Разве я не права? Ты предпочел бы пожертвовать дочерью?

Грациелла поднимает глаза на бывшего мужа и продолжает:

— Конечно, нет, но ты бы и на этот раз утверждал, что ни в чем не виноват. Марсьяль, могу я задать тебе один вопрос?

Марсьялю тем временем удалось пристроиться на импровизированное

сиденье — на пирамиду воздушных корней, соединяющих ствол пандана с почвой. Он решает молчать, выиграв таким образом еще несколько секунд. Грациелла не сдаётся.

— Хотела бы я знать, в какой момент ты понял, что твой план провалился. Я предполагаю, что в первый же вечер Лиана должна была тебе позвонить, сказать, что все прошло хорошо, что она спряталась, как вы и договаривались, и ты можешь устроить свое представление перед жандармами...

Грациелла делает точно просчитанную паузу, затем продолжает.

— Вот только она так и не позвонила...

Марсьяль невольно вспоминает все возрастающий ужас, охвативший его после того, как он заявил в полицию Сен-Жиля об исчезновении жены. Лиана вечером не позвонила... Потом убили Родена. А затем на двери машины, которую он взял напрокат, появилась надпись: *Встреча в бухти каскада...* Как полицейские смогли бы понять, почему человек, готовый согласиться с обвинением, несколько часов спустя резко меняет тактику?

Невозможно. Здесь надеяться было не на что.

Марсьяль цепляется за два слова. Все те же два слова.

— Где Лиана?

Грациелла широко, обнадеживающе улыбается.

— Она жива, Марсьяль. Пока еще жива, несколько минут, по крайней мере, еще проживет. Она ждет тебя в очень теплом местечке, она оказалась крепче, чем я думала.

Улыбка вдруг застывает на ее лице.

— Довольно болтовни, Марсьяль, мне все равно, выживет твоя жена или нет, она была всего лишь приманкой, чтобы заставить тебя явиться вместе с дочерью. А теперь разбуди ее. Положи ее на землю. И покончим с этим.

Марсьяль старается соображать как можно быстрее. Одно то, что Софа не слышала признаний и угроз Грациеллы, — уже чудо. Неужели его бывшая жена способна убить девочку так же хладнокровно, как двух неудобных свидетелей?

Его глаза молят о милосердии.

— Не вмешивай Жозафу во все это, Грациелла, она не имеет никакого отношения к нашим взрослым разборкам, она...

На лице Грациеллы впервые появляется злобное выражение.

— Вот уж нет, Марсьяль, вот уж нет. Это можно назвать как угодно, но это не взрослые разборки. Ты хоть сосчитал, сколько лет было бы сейчас Алексу? Нет, я уверена, что нет. Ему было бы шестнадцать. Он был бы

красивым подростком. Я бы волновалась, как он перейдет в следующий класс, искала бы для него самый лучший лицей, с европейской программой, дизайн, точные науки. Может быть, я вернулась бы в метрополию, чтобы у него было больше шансов поступить в одну из высших школ. Буди дочку, Марсьяль. Она должна вернуть жизнь, которую украла.

Марсьяль колеблется: не поставить ли на карту все, не схватить ли бывшую жену за горло и стискивать до тех пор, пока она не признается, где держит в заточении Лиану.

Слишком поздно.

Грациелла предвидит любую реакцию Марсьяля. Она внезапно вытаскивает из-под своей курты маленький черный пистолет.

— «Хаммерли», — поясняет она. — Швейцарский, стоил бешеных денег, но меня заверили, что это самый тихий, какой можно купить. Можешь не сомневаться, выстрела не будет слышно за шумом волн.

Она прицеливается.

— Положи девочку, Марсьяль. Положи ее — или я выстрелю.

Трупная канава

16 ч. 14 мин.

Высохшее русло ручья в Линь-Паради жители поселка превратили в сточную канаву, в свалку, куда бросают все ненужное и грязное. Ржавые канистры, дырявые шины, телевизор без экрана, заплесневелые газеты, десятки пустых бутылок, продранный диван с торчащими наружу пружинами, пенопласт, картон, железо, стекло, дерьмо — омерзительная каша, которую каждая гроза гонит вниз, к океану; здесь же трупы кошек, собак и крыс.

И труп Имельды.

Валяется среди отбросов.

Кристос спустился в овраг, стоит обеими ногами в мерзкой жиже, прижимает к груди уже остывшее тело. Ему хочется кого-нибудь убить, кинуть бомбу, хочется, чтобы сюда хлынул поток раскаленной лавы; ему хочется быть богом, хочется устроить ливень на сорок дней, вечно плакать, поднять ураган, вызвать прилив; снять остров одним движением рубанка, чтобы тонны воды, земли и дерьма с наветренной стороны выплеснулись на другой берег; хочется поглотить все расы, все племена, всех обычных людей с кожей любого цвета, из хижин и вилл.

Муса Дижу стоит на тротуаре над канавой и не осмеливается произнести ни слова. Его широкая заговорщическая улыбка застыла, когда он увидел, как Кристос выскочил из полицейского пикапа и побежал.

Вытащил свое удостоверение и рассек толпу.

И страшно завыл, как пес.

Кристос опускается на колени. Запускает руки в длинные курчавые волосы Имельды. Подобно пробуждающемуся чудищу, его чутье охотничьей собаки выходит из долгой спячки.

Все вопросы, которые он себе задает, натываются на стеклянные стены.

Кто мог убить Имельду?

Почему?

Зачем ее понесло в эти трущобы почти сразу после того, как она вышла из полицейского участка в Сен-Жиле, после того, как они расстались?

Что будет с ее детьми?

Полицейский старается отогнать от себя воспоминание об этой пятерке.

Гордый взгляд Назира. Тонкие ноги Дориана, на которых болтаются слишком широкие шорты. Робкий и сосредоточенный взгляд Амика за очками в погнутой оправе. Заливистый смех Жоли, когда он качает ее на коленях. Большие круглые глаза Долены, лежащей в коляске.

Пятеро детей, которым он должен сообщить об этом.

Кто мог убить мать семейства, так любившую любовь?

Толпа над оврагом растет. Старики в соломенных шляпах, сопливые мальчишки в драных майках, причитающие или ухмыляющиеся креолы. Все они, должно быть, считают Имельду жертвой вспыльчивого мужа.

Ничего особенного, обычное дело, хотя плачущий полицейский — это все же непривычно.

Дижу дружески протягивает ему руку.

— Иди сюда, Кростос. Давай я помогу тебе вылезти, ты не можешь ее воскресить.

Кростос не двигается с места. Он шарит в кармане, ищет мобильник. Ему надо позвонить Назиру. Он самый старший. Он позаботится о мальчиках и о Жоли. И о маленькой Долене тоже. Кростос натывается на какой-то мягкий пластиковый пакетик и понимает, что это конопля, которую он утром конфисковал у Назира.

Имельда на этом настояла. Она в шесть утра встала перед дверью и не выпускала Кростоса из дома до тех пор, пока он не нашел коноплю, — это оказалось легко, пакетик был под матрасом.

Назир, пятнадцати лет. Курит замал. И продает. Сирота.

Он будет отвечать за четырех братьев и сестер?

Надо, чтобы он хотя бы сам за себя отвечал. И прежде всего — чтобы не переключился на кокаин.

Кростос думает о маленькой Жоли в платье как у принцессы, которое сшила ей мама. О Дориане и Амике, которым Имельда обещала, что спустится с ними к морю, как только они научатся ездить на двухколесном велосипеде. Он думает про карри, которого детям больше не есть, и про овощи, которые сгниют на грядках, и про хижину, которая скоро развалится.

Сам в это не веря, Кростос говорит себе, что у детей, может быть, найдется дядя или еще какой-нибудь родственник, взрослый человек, на которого, по крайней мере, можно будет рассчитывать. И государство о них позаботится.

Он сжимает в руке мобильник. Приближает его к губам, он не знает, что сказать Назиру, он не знает, кто поднимет трубку. Он задумывается, правильно ли вообще звонить. Хватит ли у него когда-нибудь мужества вернуться в дом Имельды?

Кристос смотрит на экран мобильного.

Он пропустил звонок!

Он проводит большим пальцем по экрану, читает имя звонившего.

Айя.

И он пропустил не один звонок, а пять.

И еще получил смс.

Перезвони мне, какого черта.

Кристос машинально выбирает в меню «вызвать».

В ухе у него взрывается пронзительный голос Айи.

— Кристос, твою мать, куда ты подевался? Я раз двадцать звонила в участок. Ты где? Есть очень срочное дело.

— Говори, я слушаю.

Айя немного помолчала, словно удивившись покладистости своего помощника.

— Звонил управляющий автомобильным прокатом, он только что нашел машину, которую брал в аренду Марсьяль Бельон! Слушай, Кристос, с тобой все в порядке? У тебя голос какой-то странный.

— Айя, за меня не волнуйся. Я справлюсь.

— Ты уверен? Какой-то ты не такой. Ты где? Еще что-то случилось?

Кристос повышает голос.

— Потом, Айя. Рассказывай дальше про машину.

— Никогда не угадаешь, где управляющий нашел эту «клио». Бельон оставил ее на стоянке агентства, среди других автомобилей! Меньше чем в трех сотнях метров от отеля. Если бы час назад другой клиент не приехал возвращать машину, они до завтра ничего бы не заметили. Что ты об этом думаешь? Кристос, ты меня слышишь?

— Ага.

— Ты обкурился, что ли?

— Я в порядке, Айя, не трепыхайся.

— Ладно, беги. Я в тебя верю, ты сумеешь разговорить эту чертову тачку. И последнее, Крис...

— Что?

— Я хорошо тебя знаю. С тобой что-то не то. Не знаю что и не стану тебя доставать, если ты не хочешь говорить об этом, только пообещай мне, что будешь осторожен. Я тобой дорожу.

— Спасибо, красавица. Я тронут.

Он отключается. Охотничий пес взял след.

Имельда была убита после того, как просмотрела в полиции все бумаги по делу Бельона. Ее зарезали, как Родена и как Шанталь Летелье. Вот только на этот раз у Марсьяля Бельона железное алиби: когда ее убили, он шел через Песчаную равнину — это могут подтвердить полсотни полицейских. Напрашивается вывод: Родена убил не Бельон, и Шанталь Летелье тоже.

Настоящий убийца свободно разгуливает по острову.

Тот самый тип, который воткнул нож в сердце Имельды.

Кристос расталкивает зевак, садится в машину и срывается с места. Шины взвизгивают, сирена воеет, пахнет разогретой резиной, он резко выкручивает руль на виражах, машины, едущие навстречу, из Сен-Луи, благоразумно уступают ему дорогу.

С каждым поворотом пейзаж открывается, потом исчезает, разноцветные башни валятся будто кегли, мелькают мечеть с синим минаретом, церковь с белой колокольной, страшные морды чудовищ на крыше индуистского храма, словно шарлатаны, перед носом у которых Кристос захлопнул дверь.

Пикап пролетает мимо прилавков с фруктами и прохожих на тротуарах, срезает напрямик.

Он вполне может не вписаться в вираж, или тормоза могут отказать — ну и пусть, ему все равно.

Одна жизнь в уплату за другую

16 ч. 17 мин.

Пальцы Грациеллы сжимаются на спусковом крючке.

— Последний раз повторяю: положи девочку!

Марсьяль стоит, прислонившись к стволу пандана. Он решил не уступать до тех пор, пока не получит доказательства, что Лиана жива.

— Где Лиана?

— Марсьяль, я выстрелю в девочку.

— Где Лиана? — тихо повторяет Марсьяль, он избегает резких движений, чтобы показать, что не хочет разбудить дочку.

Грациелла в нерешительности. Ее указательный палец медленно надавливает на спусковой крючок. Марсьяль сжимает в руках маленькое сонное тело, не переставая молиться: только бы Грациелла не ограничилась одним выстрелом в упор. Она, наверное, мечтала о более торжественной казни для Софы.

Надо затягивать переговоры.

— Софа пешком шла через весь остров, чтобы увидеть мать. Ты не можешь отказать ей в этом...

Грациелла улыбается, ее пальцы, стиснувшие пистолет, слегка разжимаются.

— Ты не изменился, Марсьяль. Все так же хорошо умеешь уговаривать. Что ж, раз ты так на этом настаиваешь — вперед.

Она показывает дулом пистолета в сторону моря, прямо на пришвартованную лодку.

— Иди первым.

Марсьяль осторожно ступает по мокрым черным камням. Он старается сохранять равновесие, хотя без помощи рук это нелегко. Надо пройти хотя бы несколько метров. Грациелла больше не настаивает на том, чтобы он разбудил Софу. Она поняла, что, пока руки у него заняты, он никаких отчаянных попыток нападения предпринять не сможет.

— Ты почти дошел, — говорит Грациелла у него за спиной. — Загляни в лодку.

Марсьяль делает еще шаг вперед. Волны без устали качают лодку, привязанную к стволу пандана двухметровой веревкой. Сначала Марсьяль замечает две двадцатилитровые канистры с бензином, закрепленные рядом

с мотором.

А потом он видит Лиану.

Она лежит на дне надувной лодки. Во рту кляп, руки и ноги связаны мягкой проволокой.

Живая.

Марсьяль в ярости оборачивается, глаза у него наливаются кровью.

— Что ты с ней сделала?

У Грациеллы загораются глаза.

— До тебя начинает доходить, что это не игра? Негритос, старуха зорейка — до них тебе, в общем, не было дела, их смерть тебя не касалась. Но две твои любимые девочки...

Марсьяль дрожит от бешенства. С трудом сдерживаясь, он снова поворачивается к лодке. Лиана смотрит на него пустыми глазами, словно с трудом узнает.

Она совершенно голая. Вся кожа у нее в волдырях, как будто палач жестоко пытал ее, покрывая тело сотнями ожогов — поверхностных, но не оставляя нетронутым ни один сантиметр кожи. Кое-где он особенно усердствовал: ступни почернели оттого, что их прижигали каленым железом, на запястьях содрана кожа, промежность отекая и багровая, как будто после нескончаемой вереницы любовников.

Грациелла встает между Марсьялем и его женой.

— Ты был прав, жаль было бы лишить Лиану этого зрелища. В конце концов, ей удалось выжить только потому, что она хотела увидеть дочь. Она заслужила возможность поцеловать ее труп.

Грациелла снова начинает давить на спусковой крючок.

— Последний раз говорю, Марсьяль: я хочу посмотреть на Софу.

— Да пошла ты...

Лиана бессознательно начинает ворочаться на дне лодки, но Грациелла на нее и не смотрит.

— Тебе решительно нельзя доверить ребенка, Марсьяль... Неужели смерть Алекса ничему тебя не научила?

Марсьяль не успел пошевелиться. Указательный палец Грациеллы внезапно согнулся. Стоя на расстоянии меньше метра от Софы, она прицелилась прямо в сердце.

Раздались три выстрела, почти заглушенные шумом волн.

На ткани появились три дырки от пуль. Одежда мгновенно пропиталась кровью, пальцы, запястья и рукава Марсьяля стали красными. В следующую секунду кровь проступает в уголках его глаз, наполняет мириады алых жилок.

Безумный взгляд.

Беспредельная ярость.

Марсьяль, совершенно невменяемый, прижимает к груди детский трупик.

Не опуская пистолета, Грациелла невозмутимо замечает:

— Жозафа ушла к Алексу. Одна жизнь в уплату за другую, Марсьяль, теперь мы друг другу ничего не должны. Надо было принести ее в жертву, чтобы ты понял. Чтобы понял, что такое обезуметь от горя и упиваться местью.

16 ч. 23 мин.

Человек из агентства «Тропикар» выглядел так, словно был свидетелем на свадьбе, а его внезапно выдернули на работу. В мятой рубашке, с потными подмышками, галстук болтается.

— Хорошо еще, что мне позвонил клиент, у которого проблемы с конди...

Кристос его не слушает. Этот тип болтает без умолку, он воображает, что на него возложена миссия осуществлять социальные связи. Кристос направляется к серой «клио», не имея ни малейшего представления о том, что он предполагает найти в брошенной Бельюном машине. У него в горле застрял горький комок. Кто-то зарезал трех ни в чем не повинных людей, и теперь он уверен, что этот кто-то — не Марсьяль Бельон.

— Хорошо еще, что я умею считать до семи, — продолжает мсье Тропикар. — Такое, знаете ли, не каждый день случается, чтобы машина сама вернулась домой. А тем более машина, на которой ездил убийца.

Он давится смехом.

Солнце, будто застыдившись, спряталось за единственное облачко, заплутавшее над лагуной, и в тени линялый сиреневый цвет стен, железные ворота и ряд одинаковых машин выглядят еще омерзительнее.

Мсье Тропикар не унимается. Он обследует шины кое-как припаркованного полицейского пикапа. На охристой земле стоянки остались следы колес, резкого торможения.

— Хорошо еще, лейтенант, что тормоза на спуске выдержали. Вы могли убиться. Знал я одного типа, он взял напрокат «лагуну», чтобы подняться к Салази, так у него на пятидесятом вираже...

Кристос хватает его за галстук.

— Заткнись! Ясно? Открой машину, принеси мне договор и вообще все бумаги, имеющие отношение к Бельюну. И главное — молча.

— Хорошо, хорошо, — бормочет мсье Тропикар, по-рыбьи разевая рот. И трусцой направляется к сиреневому зданию, где у него контора.

16 ч. 27 мин.

Кристос пошарил в бардачке и между сиденьями, поднял коврики.

Ничего. Никаких улик. Только реюньонский песок всевозможных

оттенков, от белого до черного.

Да и на что он мог рассчитывать? Допустим, он вернется сюда — или придет еще кого-нибудь — с пробирками и лампой для выявления невидимых следов, экспертиза покажет, что Марсьяль Бельон и его дочь оставили отпечатки пальцев, что с их вьетнамок сыпались песчинки, применив соответствующие методы, можно будет создать подробную карту всех перемещений отца и дочери по острову, но как это поможет расследованию?

Мсье Тропикар возвращается с пачкой зеленых и голубых листков. Он с любопытством и восторгом наблюдает за тем, как Кростос осматривает «клио».

— Ни к чему не прикасайтесь, — говорит ему младший лейтенант, вылезая из машины. — Коллеги позже займутся песком и отпечатками пальцев.

— Вам еще повезло. Контракт предусматривает, что машину нам должны вернуть идеально чистой.

Громкий смех.

Кростос бы с удовольствием, продолжая ряд бессмысленных действий, никак не помогающих расследованию, заехал ему по физиономии. И все же он не дает воли рукам. Убийца гуляет на свободе. А у него нет никаких улик. Он должен сообщить пятерым детям, что их мать умерла. И всем богам всех религий, какие только есть на острове, на это наплевать. Они...

В лучах внезапно проглянувшего солнца вспыхивает созвездие сверкающих машин, и мсье Тропикара так и распирает от гордости за этот до блеска отполированный замшей Млечный Путь. Картину портит только «клио», которую вернул Бельон. Тусклая. Пыльная. Особенно грязные стекла в дверях. Проходя через них, солнечные лучи выделяют следы рук, следы пальцев.

И Кростос, ошеломленный, замирает.

Можно подумать, один из богов где-то у них над головами, задетый за живое, решил ткнуть пальцем в истину, чтобы заставить уверовать жалкого червя, который посмел его оскорбить.

На стекле со стороны водителя огненными буквами проступили слова. Фантастические, почти нереальные.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч

приходи с девочкой

16 ч. 28 мин.

Я бегу быстро, как только могу. На этом тростниковом поле я вижу еще меньше, чем в тумане, но не замедляю бега. Я раздвигаю обеими руками стебли, которые хлещут меня по лицу и по голым ногам.

Я вспоминаю, что сказал папа, когда разбудил меня, как раз перед тем, как мы вышли на шоссе.

— Беги, солнышко, беги через поле, все время прямо, прислушивайся к шуму машин и старайся, чтобы тебя не увидели. Все время смотри на колокольню, чтобы не сбиться с пути. Ты не должна ни подниматься, ни спускаться, старайся все время оставаться на одной высоте, тогда не заблудишься. Помнишь, Софа, даму с зонтиком? Ты должна до нее дойти. Там будут люди. Много людей. И ты будешь спасена.

Я сильно плакала.

Я знала с самого начала. Папа мне врал.

Я больше никогда не увижу маму. А ведь он сказал мне, что она ждет меня там, у черных камней, только дорогу перейти.

И тогда папа присел передо мной на корточки. Мне нравится, когда он так делает. А потом стал говорить очень быстро, почти без передышки.

— Да, солнышко, это правда, мама там, по ту сторону шоссе. Только есть еще кое-что, о чем я тебе не говорил. Нас там ждет еще одна женщина. Твой папа когда-то ее любил, очень давно, это мама Алекса, ты же знаешь, твоего старшего брата, который умер. Она очень горевала из-за того, что он умер, и стала злой, очень злой. Как ведьмы в твоих книжках, как Бабушка Калле, понимаешь, Софа? Так что ты должна нам помочь. Ты же моя принцесса, правда, солнышко?

У меня так сжалось сердце, что я не смогла ответить.

— Ты — моя принцесса? Да или нет?

— Д... да.

— Тогда тебе надо бежать, Софа, ты должна добежать до дамы с зонтиком и попросить ее защитить нас. Ты должна бежать как можно быстрее.

Папа, я больше не верю в фей.

И все же я бегу, бегу так быстро, как только ноги могут меня нести.

Потому что на этот раз я тебе поверила.

16 ч. 29 мин.

Три раздробленные ветки гуаявы валяются на камнях. Липкий красный сок, вытекший из плодов, почти сразу слизали пенные волны. Рядом с ветками лежит упавшее бежевое одеяло — как будто его бросил призрак, испуганный тремя выстрелами. Четвертая, более толстая ветка, которую Марсьяль грубо обернул листьями сахарного тростника и пандана, чтобы придать ей очертания тела ребенка, отлетела на несколько метров.

Грациелла с трудом сдерживается, чтобы не взорваться, ненависть переполняет ее. Пистолет подрагивает в ее руке.

— Где девочка?

— В безопасном месте, дорогая моя.

Грациелла приближается к нему. Дуло пистолета почти упирается ему в грудь. Остатки тонального крема на ее пересеченном морщинами и дорожками от слез лице кажутся боевой раскраской. Она старается снизить напряжение, сохранить контроль над ситуацией и самообладание.

— Что это еще за цирковой номер?

— Чтобы ты вернула мне Лиану, я должен был, выполняя твоё требование, явиться вместе с Софой. Но неужели ты считаешь меня полным идиотом, способным отдать ее тебе? Мне просто надо было как можно дольше держать ее при себе, ты ведь, наверное, включала радио, следила за облавой в прямом эфире. Если бы я доверил Софу полиции, ты немедленно об этом узнала бы, все средства массовой информации с торжеством сообщили бы об этом.

Грациелла громко и натужно смеется.

— До чего трогательно... И очень смешно. В таком случае далеко она не ушла. Если мне повезет, я успею и вас обоих ликвидировать, и ее на машине догнать.

На мгновение Грациелла отводит от него взгляд, чтобы посмотреть на лодку. На этот раз Марсьяль не медлит. Он резко выбрасывает руку вперед и, ударив по пистолету ребром ладони, отбрасывает его метра на два.

Оружие застревает между камнями.

У Грациеллы вырывается ругательство. Марсьяль грубо ее отталкивает. Он заметил, куда упал пистолет, и бросается к нему, преодолевает расстояние в три прыжка. Наклоняется, хватает пистолет, поворачивается, прицеливается. Сейчас эта ненормальная нако...

Солнце скрывается за черной луной.

Это последнее, что он успевает увидеть. В следующую секунду черный камень, который Грациелла держит обеими руками, ударяет его в

ВИСОК.

16 ч. 31 мин.

Фея с зонтиком!

Вот она, прямо передо мной, я вижу большой синий зонтик над верхушками стеблей.

Я почти добежала!

Папа сказал: это зонт от солнца, а не от дождя.

Голубая фея меня не видит, у нее глаза опущены, и она улыбается ласково, как мама, когда прощает.

Я раздвигаю стебли сахарного тростника, как будто плыву по морю, полному водорослей, они режут руки, мне больно, но стебли уже редуют, кажется, я скоро доберусь до конца поля.

Я могу бежать еще быстрее. Я слышу шум дороги, я вижу дома вдали, папа сказал мне, чтобы я остановила первого же человека, какого встречу, и сказала ему, что меня зовут Жозафа Бельон.

«Ты только назови свое имя, — сказал папа. — И этот человек первым делом вызовет полицию».

Как хочешь, папа.

Раз ты считаешь, что полиция лучше справляется с ведьмами, чем феи.

Ответа Софа так и не получит.

Сахарный тростник внезапно кончился, как будто раздернулся занавес. Софа не отрывала глаз от сине-золотого зонта, ей никогда и в голову не пришло бы, что поле резко оборвется, уступив место потоку лавы.

Ее правая нога запнулась о шлак, Софа потеряла равновесие и левой ногой зацепилась за кусок туфа.

Девочка упала, покатила вниз, обдирая все тело о черное каменное кружево с режущими краями, а в небе над ней невесомо, словно канатоходец, кружила голубая фея под зонтом.

Софа не успела заплакать. И даже по-настоящему почувствовать боль.

Она ударилась головой о тощий ствол, который старался протиснуться через узкую трещину в остывшей лаве.

16 ч. 32 мин.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
прихади с девочкой

Кристос раз за разом прокручивает в голове эти пять строк, эти десять слов. Чья-то рука, наверное, это была рука Марсьяля Бельона, попыталась стереть записку, оставленную на стекле серой «клио» со стороны водителя. Пыль размазалась по всему стеклу, но на просвет, в солнечном луче, каждая буква вполне читается. Палец, который их писал, старательно, с нажимом выводил каждую черточку и каждый изгиб.

Округлый энергичный почерк.

Мсье Тропикар так и застыл со своими пятью квитанциями в руке. Он тоже изучает слова на стекле. У стоящего перед ним полицейского такой напряженный вид, что он пытается разрядить обстановку.

— Хорошо еще, что я узнал машину серийного убийцы до того, как отправил ее на мойку.

Смех застревает у него в горле. Кристос никак не отреагировал на его слова, будто и не слышал. Тропикар не настаивает. Он профессионал. У него не только с юмором все в порядке, но и с тактом, и в психологии он разбирается...

Кристос еще ближе придвигается к стеклу, он предельно сосредоточен.

Встреча
В бухти каскада
16 ч...

Он машинально смотрит на часы.

16 ч. 33 мин.

Кто мог назначить Бельону эту встречу?

Кристос вплотную приближается к окну в слабой надежде разглядеть что-то еще. Солнце сквозь стекло обжигает ему сетчатку. Вот она, разгадка, прямо перед ним. Этих пяти строчек должно быть достаточно, чтобы понять, откуда идет волна убийств.

...приходи с девочкой

Кристос чувствует, что ему не справиться. Все части головоломки у него перед глазами, но он неспособен их соединить. А вот Имельда сумела это сделать.

Из-за этого она умерла, а он неспособен за нее отомстить.

Кристос снова смотрит на часы. Он сдаётся. Время работает против него, как в игре на скорость, где главное — не упорствовать в поиске решения задачи, если не удастся сразу ее решить.

Он в последний раз перечитывает послание. Другими сведениями он не располагает, зато ему известны время и место встречи, и у него есть список приглашенных. Он должен сообщить это Айе. Кристос шарит в кармане в поисках телефона.

Все происходит в следующие несколько секунд. Не он это сделал, а его пальцы — как ни странно, именно так он всегда будет думать, годы спустя вспоминая этот эпизод.

Пальцы роются в кармане, отодвигают пакетик с коноплей, спускаются ниже. И, уже ухватив мобильник, задевают сложенный листок. Указательный и средний пальцы совместными усилиями извлекают из кармана Кристоса распечатку письма, полученного с Маврикия, от Грациеллы Доре, страницу с плохо различимыми, линиялыми красными буквами. Он скользит взглядом по бледному логотипу отеля «Голубая лагуна», по семи полустертым креольским именам. А прямо под ними — несколько отсканированных рукописных строчек: имя, адрес, номер телефона и подпись Грациеллы Доре.

Округлый энергичный почерк.

Грациелла Доре
3526 Голубая лагуна Линк Роуд
Маврикий
+ 230 248 1258

У Крестоса учащается сердцебиение.

Он поочередно изучает гласные в пяти строчках, написанных на стекле машины, и сравнивает их с едва различимыми буквами, составляющими имя.

Встреча
Грациелла

Видно плохо, и о графологии у него представление самое туманное... но сомневаться не приходится: у «е» и «а» на окне «клио» и на бумаге одинаковая форма. Разомкнутая петля, спираль.

Бесконечная спираль. Винтовая лестница, ведущая к безумию.

Мсье Тропикар в недоумении смотрит на Крестоса, который дергается, будто на пляже наступил на медузу, странно изгибается, потом выхватывает мобильник, быстро набирает номер и орет так, что вот-вот с казуарин хамелеоны посыплются.

— Айя! Ты меня слышишь? Это Крестос. Мы с самого начала ошибались! Бельон ни в чем не виноват. Это его бывшая, Грациелла Доре, с самого начала манипулировала нами.

— погоди, Крестос, давай помедленнее. Откуда она взялась, я думала, она на Маврикии?

— Айя, твою мать, ну поверь мне на этот раз. Бухта Каскадов. Отправь туда всех полицейских, каких можешь. Как знать, возможно, у нас есть крохотный шанс их спасти.

— Крестос, я ничего не понимаю. Кого спасти?

— Спасти Марсьяля Бельона и его дочь! Да послушай ты меня, это сволочная ловушка. Грациелла заманила их на другую сторону острова с единственной целью. Убить их! Только для этого и был устроен весь этот бардак. Убить их обоих, как она убила Лиану Бельон.

16 ч. 35 мин.

Марсьяль лежит, скорчившись, на дне надувной лодки, висок у него в крови, в голове нестерпимый шум, мешающий собрать в кучку рассыпанные мысли. Память работает проблесками, восстанавливая в стробоскопе только что истекшие минуты.

Кратковременная потеря сознания, Грациелле едва хватило времени отбросить камень, достать из багажника своего кроссовера гибкую стальную проволоку и скрутить ему руки и щиколотки. Растерянность, когда он очнулся. Бывшая жена, которая приставила ему к затылку пистолет и приказала ползти к лодке. Она и не думала ему помогать, только смотрела, стоя на камне, как он извивается, — словно ребенок-садист, мучающий дождевого червя. Наконец, он головой вперед бросается в лодку; одежда пропиталась водой и кровью из теплых лужиц, застоявшихся между пластиковыми валиками.

Лиана...

Она лежит рядом с ним, руки связаны за спиной, ноги спутаны, совершенно голая, с кляпом во рту.

Вся в чудовищных ожогах. Живая...

Пока Грациелла отвязывала лодку, Лиана, в свою очередь, неловко подползла по красным лужам к Марсьялю, прижалась к нему. Взглядом задает ему единственный вопрос, который ее волнует.

Где Софа?

Марсьяль отвечает ей тихим голосом, почти шепотом, чтобы не злить Грациеллу.

— С ней все в порядке, Лиана. Софа спасена.

Грациелла забралась в лодку и заводит мотор. Смотрит сверху вниз на чету узников, не обращая внимания на их убогие ласки.

— Ваше маленькое сокровище я навещу попозже. Кто-то же должен будет о ней позаботиться, когда вас обоих не станет.

Лиана смотрит на нее так, словно пытается убить взглядом. Марсьяль приподнимается, опираясь о борт лодки, он старается одновременно и успокоить Лиану, и воздействовать на Грациеллу.

— Жозафа сейчас уже у полицейских. Нельзя выигрывать на всех

досках.

Грациелла хохочет и включает скорость. Лодка срывается с места и несется по прибрежным волнам. Самым яростным. Лиана и Марсьяль теряют равновесие и валятся друг на дружку.

— Марсьяль, твоя наивность почти трогательна. Ты думаешь вот так запросто отделаться? Ты все еще не понял? Это за тобой охотится полиция! Это ты убил беднягу Родена, ты зарезал старушку Шанталь Летелье. И ты всадил нож в сердце этой любопытной негритянки. Других виновных нет, только ты, Марсьяль, сколько же раз надо тебе это повторять? Представь себе, что ни твоего трупа, ни трупа твоей жены так и не найдут. Что подумают полицейские? Что ты и ее зарезал и скрылся в неизвестном направлении. Креолы обожают истории про убийц. Ты станешь знаменитостью. Ситаран, лишенный погребения, серийный убийца, чье тело так и не было найдено. Да и умер ли он в самом деле, этот Марсьяль Бельон? Ты станешь легендой. Некоторые креолы станут уверять, будто встретились с тобой в лесу...

Грациелла поднимает глаза к облакам. Марсьяль стискивает кулаки. Прижимается виском к борту лодки, пытаясь остановить кровь, которая все еще сочится из раны. Скалистый берег уже превратился в тонкую черную линию, над которой возвышается бесплодная громада вулкана. Они вышли из зоны течений, и море внезапно стихло.

— Теперь тебе понятна ситуация? — продолжает Грациелла.

Она делает паузу, а потом растолковывает:

— Марсьяль, ты, бедняжка, снова промахнулся. Если хорошенько подумать, мне ни к чему убивать твою дочь — Алекс от этого не воскреснет. Но, когда вас не станет, я смогу навестить Софу. Я даже смогу удочерить несчастную травмированную сиротку, это будет так великодушно с моей стороны, кто же откажется доверить мне дочь моего бывшего мужа.

Марсьяль медлит с ответом, ему хочется заорать, осыпать ее оскорблениями, но он знает, что это бесполезно. Грациелла только того и ждет. И он довольствуется тем, что долго смотрит в упор на бывшую жену, бросает ей вызов этим взглядом, собрав все свое мужество. А потом медленно отворачивается и с бесконечной нежностью целует Лиану, выбирая места, где это не причинит ей боли. Глаза, наименее поврежденные участки кожи — плечи, верхняя часть рук, начало груди.

Грациелла молча смотрит на них, правой рукой вцепившись в руль.

Марсьяль не останавливается. Он спускается ниже, увлажняет губами

обожженные груди Лианы, скользит по животу, покрытому багровыми пятнами, по лиловым отметинам, по облезавшей клочьями коже, лижет раны, словно кошка, зализывающая свои раны шершавым языком. Дыхание Лианы постепенно переходит в хриплый стон, заглушенный кляпом.

— Марсьяль, хватит валять дурака.

Он не останавливается, продолжает с удвоенной нежностью водить губами и языком по телу жены. Между ног вся кожа у Лианы облезла. Марсьяль целует ее там, и от каждого поцелуя по телу женщины пробегает дрожь.

Лодка останавливается в открытом море. Грациелла поднимает пистолет.

— Хочешь поиграть, Марсьяль? Хорошо, давай поиграем! Правило будет одно и очень простое: я буду целиться в то место на теле твоей милашки, которого ты коснешься. Если это будет рука или нога, она проживет на несколько минут дольше. А вот если...

Марсьяль на мгновение замирает, прикидывая, достаточно ли решимости во взгляде Грациеллы. Потом вспоминает про три пули, выпущенные в упор по одеялу, в которое, как предполагалось, была завернута спящая Софа.

И отодвигается от Лианы.

Лодка плывет дальше.

С каждой секундой они удаляются от берега.

16 ч. 41 мин.

— Ты что, считаешь в надувной лодке добраться до Маврикия?

Грациеллу вопрос Марсьяля забавляет.

— До Маврикия всего сто семьдесят километров, здесь плыть-то часа три, не больше. Море спокойное, сводка погоды самая что ни на есть утешительная. Это будет приятнейшая прогулка. Единственная серьезная проблема — мне пришлось запастись бензином, чтобы можно было заправиться в пути. Мне и так уже из-за тебя пришлось вчера, как только ты сбежал, смотреть туда и обратно. Когда объявили о начале плана «Папанг», я поняла, что полицейские явятся на Маврикий, чтобы меня допросить. Три часа плавания... Я назначила встречу с ними на поздний вечер, чтобы у меня было время добраться, потому что лететь самолетом означало бы себя выдать, дала показания полицейскому из консульства, а потом, несколько часов спустя, вернулась и ночью была на месте. Машина ждала меня в бухте Каскадов. Я не хотела надолго оставлять вас одних, когда за вами гнались полицейские, а главное, мне надо было перевести

твою жену в другую тюрьму, из моего сен-пьерского дома в камеру с видом на море, в двух шагах отсюда... Мы с тобой договорились о встрече... Для того чтобы заманить тебя сюда, мне надо было как можно дольше сохранять приманку живой.

Марсьялю страшно думать о том, какие адские муки вытерпела Лиана. Теперь она старается держаться от него подальше, прижимается к борту лодки. Ее потемневшая, вздувшаяся волдырями кожа, лоснящаяся от пены, похожа на чиненую пластиковую оболочку куклы для взрослых.

Грациелла всматривается в горизонт, как будто уже различает вдали берег Маврикия.

— Разумеется, персоналу «Голубой лагуны» неизвестно, где я, но им приказано переводить все звонки на мой мобильный. Не имеет никакого значения, где я, на Маврикии или на Реюньоне, обычного айфона вполне достаточно для того, чтобы переслать любой официальный документ. Жандарм, который мне недавно звонил, похоже, поумнее того, что приходил из консульства, а главное — он более любознательный, но я и ему рассказала такую историю, какую ему хотелось услышать. Зореи обожают истории про креолов, которых преследует жестокая судьба, эти сказки затрагивают их давнюю патерналистскую струнку. Он, должно быть, рванул по следу несчастной Алоэ Нативель... Ты помнишь ее, Марсьяль, помнишь Алоэ Нативель? Еще одна твоя жертва. Если бы ты не встретился на ее пути, сегодня у нее был бы ласковый муж, хорошенький домик с цветником и полдюжины детишек...

Алоэ?

Еще одна жертва?

Марсьяль не отвечает, он старается отогнать мысль о своей бывшей любовнице.

Не отвлекаться...

Он должен защитить Лиану и Софу.

Он всматривается в горизонт. Они все еще меньше чем в километре от берега. Очертания вулкана ясно видны.

— Что ты с нами сделаешь?

Грациелла тоже смотрит на бесконечный горизонт.

— Марсьяль, помнишь, я проводила целые недели в одиночестве, пока ты занимался подводным плаванием? А потом ты рассказывал мне про глубочайшие ямы, иногда больше ста метров, всего в нескольких десятках метров от берега, и полные рыб. Я слушала твои рассказы, Марсьяль... И запоминала... Я подожду еще немного, пока мы окажемся над океанической впадиной. Я не могу рисковать, если я хочу заботиться о

малышке Софе, надо, чтобы ваших тел не нашли никогда...

Грациелла с притворно сокрушенным видом смотрит на окровавленный висок Марсьяля и на открытые раны на теле Лианы.

— Если только спуск не окажется короче, чем предполагалось...
Акулы вершат правосудие быстрее людей.

Марсьяль старается контролировать каждое движение своего тела, ничем не выдать страха. Незачем доставлять Грациелле такое удовольствие. Он еще немного придвигается к Лиане, между ее голой кожей и его промокшей одеждой остается всего несколько сантиметров. Они выполняют распоряжения Грациеллы, они друг к другу не прикасаются, но глаза каждого из них растворяются в глазах другого, цвета радужных оболочек смешиваются, как на палитре художника, души сливаются воедино, никакой ласке не соединить людей так, как соединились сейчас они.

Пока они живы, Грациелле не разрушить эту связь.

Лодка летит по гладкому океану. Остров отдаляется.

Все кончено. Они остались одни, и ничего уже не изменить.

16 ч. 44 мин.

Секунды текут под однообразный рокот лодочного мотора. Лиана медленно, осторожно меняет положение тела. Она упирается ногами и, мучительно напрягая мышцы, садится, прислонившись спиной к наполненному воздухом борту, как будто лежать уже больше не может.

Грациелла только улыбается с видом снисходительного тюремщика и продолжает смотреть на воду.

Марсьялю довольно одного взгляда, чтобы понять. Он опускает глаза и видит руки Лианы, связанные у нее за спиной и слегка приоткрытые.

И старается не показать изумления.

В кулаке у Лианы зажато базальтовое острие около десяти сантиметров длиной.

Лиана снова взглядом спрашивает согласия у Марсьяля. Безмолвно делает предложение.

Соединиться навечно.

Быть вместе в несчастье, только в несчастье.

Он всматривается в горизонт — вулкан уже скрылся за полосой тумана. И кивает. Лиана морщится, мускулы на ее руках напрягаются, раны снова начинают кровоточить, но теперь это уже неважно.

Грациелла немедленно замечает непорядок.

Слишком поздно.

В следующее мгновение раздается взрыв, перекрывающий шум мотора, и тут же из баллона с бесконечным пронзительным свистом начинает выходить воздух.

Грациелла с воплем выключает мотор, хватается за пистолет и с яростью отталкивает Лиану.

Разрыв длиной сантиметров десять, но он быстро растет под напором вырывающегося наружу воздуха. Еще несколько секунд — и от лодки останется только кусок обмякшего пластика, который тут же пойдет ко дну под тяжестью мотора и двух канистр с бензином.

— Идиоты несчастные, — шипит Грациелла.

Выпрямившись во весь рост, она прикидывает расстояние до берега.

Километр, не больше.

Ее лицо искажает злобная усмешка. Она старается снова овладеть ситуацией.

— Вам явно нравится облегчать мне работу. В конце концов, не все ли равно, здесь вы умрете или чуть подальше...

Из дыры все еще выходит горячий воздух, щекочет им кожу. Лодка наклоняется под тяжестью лежащих тел, и Лиана наваливается на Марсьяля. Грациелла сохраняет равновесие и невозмутимость.

— Сильно сомневаюсь, что вам, связанным по рукам и ногам, удастся доплыть до берега. Я-то ничем особенно не рискую... Круиз, правда, придется отменить, я самым банальным образом вернусь на Маврикий самолетом.

Она смотрит на бирюзовую воду.

— Я поцелую за вас Софи.

И, когда вода уже начинает покрывать сдувшуюся лодку, Грациелла раздирает на себе куртку, под которой оказываются два спасательных жилета, один поверх другого: последняя деталь ее превращения в толстого малабара.

Вскоре на поверхности океана виднеется лишь красная точка.

16 ч. 46 мин.

Марсьяль задыхается. Вода уже заливается ему в рот. Он отплевывается. Лодка ушла в глубину и колышется там огромной полупрозрачной медузой, увлекаемая подводными течениями. Лиана льнет к нему голым телом, но помочь друг другу они не могут. Лишенные возможности двигать руками, они идут ко дну, но все еще пытаются сопротивляться, отчаянно дергают связанными ногами, словно жалкими ластами.

Их тела соприкасаются, ударяются одно о другое.

В последний раз поцеловать Лиану.

Вода дошла до подбородка, Марсьяль касается губами щеки Лианы, зубами прикусывает липкий пластик, которым закреплен кляп, и, резко дернув шей, грубо его отрывает.

Лиана кричит во все горло от внезапной, животной боли.

Вернее, коротко вскрикивает.

Они тонут вместе. Их губы соединяются.

Океан ничего не может с ними поделаться, они соединяются в поцелуе навечно, они делят кислород, они задохнутся в этом поцелуе, так и умрут — самой прекрасной смертью, о какой только могут мечтать любовники.

Они оставили попытки выплыть.

Марсьяль уже видит потусторонний свет, часовню с коралловыми стенами, где будут покоиться их тела.

И, когда он сдаётся и идет ко дну, Лиана внезапно его кусает. Их взгляды встречаются в последний раз. Лиана поднимает глаза. Над их головами уже метровая толща воды.

Марсьяль чувствует, как вода проникает внутрь, заливая мозг, орошает его последними галлюцинациями. Теперь кораллы не только на дне, но и сверху. Невероятные цвета — оранжевый, красный, синий.

Он бредит.

Лиана снова кусает его, на этот раз в подбородок, до крови. Смотрит умоляюще, она хочет еще побороться, в последний раз подняться на поверхность воды.

Прижавшись друг к другу, они, раскачиваясь и изгибаясь, словно пара русалок, выталкивают себя наверх, и им удается высунуть из воды головы, чтобы сделать последний вдох.

Вместе.

Лиана звонко смеется и снова его целует.

Он поднимает глаза и не может понять.

Вокруг них с неба спускаются ангелы.

Бесшумно парят на огромных прямоугольных разноцветных крыльях.

17 ч. 27 мин.

Длинная оранжевая пластиковая лента наглядно отделяет сотню зевак, сбжавшихся из беседок для пикника, из ближайшей деревни, с шоссе, где они наспех припарковались, от краешка лужайки, упирающегося в толстые стволы четырех масличных пальм и занятого всего-навсего тремя людьми.

Это Марсьяль, Лиана и Айя.

Капитан жандармерии Пюрви вытеснила отсюда всех остальных полицейских, в том числе и тех, кто согласился броситься вниз с площадки, расположенной на две тысячи метров выше, и ястребами обрушиться на уходящую в открытое море черную точку, которую они разглядели в свои бинокли.

Потом, позже, придет время для благодарностей, и для восторженных речей, и для наград, и для почестей.

Лиана завернута в спасательное термоодеяло, но дрожать не перестает, и Марсьяль, не захотевший снять промокшую одежду, крепко ее обнимает.

— Мы постараемся как можно быстрее переправить вас в больницу в Сен-Дени, — мягко говорит Айя. — Вертолет уже садится. Осталось совсем...

Лиана, похоже, не слушает.

— Где Софа? Вы нашли Софу?

Айя стоит в расстегнутом неопреновом комбинезоне, под ним — купальник. Она отвечает так быстро, что слова схлестываются между собой.

— Не волнуйтесь, мы ее найдем. Все закончилось. Теперь это вопрос нескольких секунд.

Слишком уклончивый ответ, брошенный наобум спасательный круг. Марсьяль гладит жену по плечу, стараясь ее успокоить.

— Вам ведь ничего не известно, капитан? Вы знаете не больше нашего?

Он делает паузу, как будто ищет точную формулировку, колеблясь между облегчением и тревогой.

— Вы уже совершили чудо, спустившись с небес. Я не стану просить вас снова туда подняться...

Айя улыбается. С длинных светлых волос Лианы на одеяло стекает

вода. Она сосредоточенно вслушивается в шум водопада у них за спиной. Чуть подальше, под деревьями, суетятся люди. Хлопают двери машин, командуют полицейские, смеются взрослые, кричат дети. Незабываемый понедельник после Пасхи для всех отдыхающих.

— Капитан, у вас есть дети?

Вопрос Лианы застаёт Айю врасплох.

— Да...

— Наверное, в эти последние дни вы почти не видели их? Сколько им лет?

— Пять и семь.

Лиана заставляет себя улыбнуться. Марсьяль трет глаза.

— Хороший возраст. Они, должно быть, вами гордятся.

Айя кусает губы. Она растрогана, и это сближение ее смущает. Ну где этот Жипе, сколько можно возиться с вертолетом?

17 ч. 31 мин.

Толпа внезапно приходит в волнение. Четверо полицейских решают показать свою силу и бесцеремонно оттесняют зевак, расчищая дорогу шириной в метр. Из карманов появляются фотоаппараты. Люди куда-то показывают пальцами. Айя ждет, что сейчас появится Жипе в сопровождении санитаров с носилками.

Не угадала.

Ларош!

Полковник, подобно гениальному артисту-трансформисту, успел переодеться в льняной пиджак, бежевые полотняные штаны и мокасины. А может, к этому времени уже дал три интервью для радио и пару раз снялся для телевидения.

Он делает шаг в сторону.

Широко улыбается.

Из-за его спины вылетает стрела. Маленькая светлая стрела с большой повязкой на голове. И впивается прямо в сердце Лиане.

— Мама!

Софа прибежала с букетом гисбискусов в руке, темно-розовые лепестки сыплются на одеяло, застревают, расплюснутые, между Лианой и ее дочерью. Чудесный гербарий, который они всю жизнь будут хранить.

— Ее нашли на потоке застывшей лавы, — объясняет Ларош без лишних подробностей. — Ударилась о дерево и потеряла сознание, никаких серьезных повреждений нет. Мы бы и раньше пришли, но малышка непременно хотела собрать букет перед тем, как вас увидеть.

Лиана истерически смеется.

Софе, хотя мать так крепко ее стиснула, что она едва дышит, все же удается выговорить несколько слов:

— Мама, это для феи с зонтиком. Это она нас спасла.

Марсьяль треплет ее по выбившимся из-под повязки коротким прядям.

— Ты правильно сделала, солнышко, обещания надо выполнять.

Щелкают фотоаппараты. Айя отходит в сторонку, уступая место Ларошу. Через несколько часов фотографиями заполнятся социальные сети, они появятся в десятках блогов рядом с изображениями других местных чудес: циклонами, потоками лавы, спасениями в море и цветистыми благодарностями святым покровителям острова: священникам, пожарным, полицейским...

Ей этого мало.

Она направляется к водопаду. Ей внезапно пришло в голову, что она уже много лет не останавливалась здесь, в этом райском уголке, а Жад и Лолу и вообще сюда не приводила; что ее маленькие непоседы толком не знают острова; что они с Томом перестали устраивать пикники, купаться, оставлять машину у обочины и... вообще всё перестали, они ничего не успевают... Что время летит так быстро.

Что больше всего на свете ей хочется прямо сейчас их увидеть, прижать к себе и долго-долго не отпускать, а потом закинуть их к маме в Флеримон и сбежать с Томом, и любить его три дня и три ночи без передышки.

17 ч. 33 мин.

Морские течения вынесли Грациеллу к мысу на юге острова, между Сен-Филиппом и Сен-Жозефом. Встав обеими ногами на камни, перемешанные с травой и песком, она устало бросила на берег оба промокших тяжеленных спасательных жилета.

И, совершенно обессилевшая, рухнула на крохотный пляж у подножия базальтовых скал.

Она может позволить себе отдохнуть всего несколько секунд. Ей нельзя здесь застревать. Если Бельон и его потаскушка смогли выплыть, за ней будет охотиться вся полиция острова.

Грациелла поднимает глаза к небу, и ей кажется, что она снова видит эту тучу дельтапланов, кружащих над связанными телами, словно фэтоны над выброшенной из лодки дохлой рыбиной.

Все, пора идти. Рисковать нельзя.

Откуда-то сверху, со скалы, катятся камни. Она чертыхается — про этих-то совсем позабыла, опять эти проклятые негритосы со своими мангалами. Этот мыс, бухту Каскадов, ущелье Белькомб — они все заполонили, нигде от них не скроешься. Ей не терпится вернуться на Маврикий. Как она могла столько лет прожить на этом острове недоумков, провонявшем карри и жареной говядиной?

Снова начинают сыпаться камни, на этот раз дольше, а потом неизвестно откуда, перекрывая грохот этого микрообвала, слышится голос.

— У меня на острове немало друзей-серфингистов. Сначала я вместе с девчонками изумлялся и восхищался тем, как они рискуют. А потом они мне объяснили, что, изучив хоть сколько-нибудь морские течения, довольно легко, зная, откуда плывет предмет, точно предсказать, в каком месте его прибьет к берегу...

Кристос подошел к самому краю скалы, теперь он возвышается над пляжем и Грациеллой метров на пять. В руке у него пистолет, и он целится в Грациеллу.

— У меня было преимущество перед всеми остальными полицейскими, я их опередил.

Грациелла, побледнев, вытягивает шею: глядя против света, она различает лишь огромный силуэт на скале, но она узнала голос

полицейского из Сен-Жиля. До чего он додумался? Она осознает, что уже ничто не связывает ее с малабаром, который убил Родена, зорейку с голубыми волосами и негритоску: не осталось ни бейсболки, ни курты, ни толщинок, ни желтоватого тонального крема на лице — его давно смыла океанская вода.

— Бельон заманил меня в бухту Каскадов. Он сказал, что...

Внезапно раздается выстрел, пуля, оцарапав ухо Грациеллы, врезается в камень чуть дальше.

Грациелла вздрагивает.

— Да вы с ума со...

Кристос не дает ей договорить.

— Не трудитесь перечислять мне алиби, мадам Доре. Я думаю, произошло, как бы это сказать, недоразумение. Мне кажется, вы путаете меня с другим человеком, с полицейским из Сен-Жиля. Вы его помните? Того самого, которого вы недавно сочли полным идиотом. Да, я на него похож, это верно, но — и тут я ничего нового вам не открою — не надо судить по внешности...

Не выпуская из рук пистолета, Кристос садится, с непринужденным видом устраивается на самом краю нависающей над маленьким пляжем скалы.

Грациелла пятится. Ей не уйти.

Серая отвесная скала похожа на тюремную стену, и этот полицейский торчит на сторожевой вышке.

— Но я вам не представился, я — муж Имельды Каджее. Помните — Линь Паради, негритянка, которую вы бросили на свалке, перед тем всадив нож ей в сердце.

— Вы с ума сошли, вы...

Грациелла решительно направляется к огибающей скалу узкой тропинке.

Новый выстрел, в нескольких метрах от ее ноги, — приказ не двигаться с места.

— Если бы вы нарвались на полицейского, мадам Доре, он передал бы вас в руки правосудия, чтобы обеспечить справедливое решение. А вот обычный человек, только что потерявший любимую женщину...

Он целится ей прямо в лоб. Окаменевшая от ужаса Грациелла не может пошевелиться. Взгляд у Кристоса совершенно пустой, в нем нет ничего — ни страха, ни ненависти, ни решимости. Она понимает, что никак не сможет на него повлиять, ни хитрость, ни шантаж не подействуют.

Ему все безразлично. Не на что выменивать. Он все потерял.

Он выстрелит.

— Я сделаю вам одолжение, мадам Доре. Вообще-то, я думаю, Имельде не понравилось бы, что я вас так застрелил. Она была невероятно умна, но, как и все на этом острове, слепо верила в приметы, молитвы, жертвоприношения, почитание умерших, всякое такое, понимаете, о чем я? Вы знаете молитвы кафров, мадам Доре?

Грациелла молчит и только едва заметно качает головой. Не отводя от нее взгляда, Крестос кладет пистолет рядом с собой и вытаскивает из кармана пакетик с коноплей. Прежде чем снова заговорить, не спеша делает самокрутку и закуривает.

— Нет? Вам никогда ни о чем не надо было просить кафрских богов? Тогда я сам попытаюсь прочитать молитву за вас. На память. Я вам ничего не обещаю, но я почти каждый вечер слушал, как дети, Дориан, Жоли и Амик, повторяют ее, перед тем как лечь в постель. Эти трое малышей — дети Имельды Каджее. Можете поблагодарить этих маленьких кафров за короткую отсрочку, которую я вам даю, мадам Доре. Чтобы вы понимали, о чем речь, это заканчивается примерно так: «Mé tiranou dann malizé» — «Но избави нас от лукавого», если вам требуется перевод.

Крестос снова направляет пистолет на Грациеллу, целится прямо в ее лихорадочно блестящие глаза и медленно начинает:

Aou, nout Papa dann syèl
Amont vréman kisa ou lé,
Fé kler bard'zout out royom,
Fé viv out volonté...

Продолжая читать молитву, Крестос думает о своем.

На какой срок посадят полицейского, застрелившего в упор безоружную преступницу? Даже если это худшая из преступниц? На несколько лет? Может, даже и меньше, может, осудят условно, может, выпустят раньше...

Partou toulant parèy dann syèl.
Donn anou zordi zourpouzour
Nout manzé pou la vi.

Он затягивается самокруткой. Сесть в тюрьму — лучший способ

отсутствовать в день, когда социальные службы острова явятся забирать пятерых сирот в приют в Ле-Тампоне и хижина в Сен-Луи опустеет.

Если ему повезет, к тому времени, как он выйдет на свободу, Назир станет совершеннолетним. А может, сам сядет в тюрьму за кражу или за торговлю наркотиками. Может, хижину продадут. Может, он больше никогда не услышит про этих детей.

Pardonn anou le tor nou la fé
Kom nou osi ni pardonn lézot.

В уголках глаз скапливаются слезы. Он трет глаза, как будто их щиплет от дыма, который ветер гонит ему в лицо. Грациелла неподвижно стоит двумя метрами ниже в ожидании приговора. Может быть, произносит те же слова на латыни или на маврикийском диалекте. В голове у него звучит детский смех вместе с креольской молитвой, которую они читали каждый вечер.

Тебе не надо идти на работу, Крестос?
Ты будешь на мамину попу смотреть или рассказывать мне историю?
А можно мне спать в кровати с вами обоими?

Конопля образует завесу, помогает отогнать призраки детей, цепляющихся за него, как раньше, когда напрашивались на ласку или потасовку. И помогает бредить, вести здесь, наверху, диалог в отуманенной голове.

Нет, Имельда, нет! Даже и не мечтай! Я всего лишь старый циничный мудака, который целыми днями пьянствует в портовом кабаке.

Имельда, давай начистоту. Ты сама хоть на минуту можешь в это поверить?

Ты видишь меня отцом семейства?

Да еще с пятью детьми сразу?

Дым от конопли принимает странные очертания, в нем видятся лица, чувствуются запахи, слышатся голоса.

Имельда, надо было думать об этом раньше. Я этим детям даже не отец... Собственно, кто я этому выводку? Да никто... Ты была умна, Имельда, ты была самой умной из всех кафров, но на этот раз ты промахнулась, не того выбрала... Человека, который не переставая пьет пунш и курит коноплю.

Неудачный выбор.

Но избави нас от лукавого.

Надо с этим покончить, надо выстрелить.

Кристос, расскажешь мне историю про злодея?

Про настоящего злодея?

Рука Кристоса внезапно хватает зажатый у него между колен пакетик с коноплей и обреченным рыбацким движением забрасывает его как можно дальше в океан.

Он направляет пистолет на Грациеллу. Она складывает руки, закрывает глаза.

Все кончено.

— Грациелла Доре, вы арестованы за убийства Амори Оаро, Шанталь Летелье и Имельды Каджее. Вам придется отвечать за свои преступления перед правосудием этого острова.

Он умолкает и глубоко затягивается, бесконечно долго затягивается коноплей, а затем одним щелчком отправляет окурочок на песок.

Последний косячок.

Последняя сигарета приговоренного.

Заниматься пятью детьми...

В его голове звучит оглушительный смех Имельды.

---

notes

Примечания

1

Героиня французской романтической комедии, в русском прокате фильм так и назывался — «Амели», французское название — *Le Fabuleux Destin d'Amélie Poulain* («Сказочная судьба Амели Пулен», 2001). — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примечания переводчика.*

Традиционная мужская и женская одежда в странах Азии; длинная, до колен, свободная рубашка без воротника.

Житель Реюньона индийского происхождения. — *Примеч. автора.*

Морская птица, символ Реюньона. — *Примеч. автора.*

Реюньонец африканского происхождения. — *Примеч. автора.*

6

Тропическая комариная лихорадка.

Музыка и танец острова Реюньон. — *Примеч. автора.*

Реюньонцы-мусульмане индийского происхождения. — *Примеч. автора.*

Зорями на Реюньоне называють поселившихся на острові французів из метрополіи.

Реюньонская поговорка, которая переводится как «язык без костей», означает: надо следить за тем, что говоришь. — *Примеч. автора.*

Мальчик Ти-Жан (Ti-Jean — сокращенное Petit-Jean, маленький Жан),
Бабушка Калле и Большой Дьявол — персонажи реюньонских сказок.

Алкогольный коктейль, в состав которого входят темный и светлый ром, апельсиновый ликер, миндальный сироп и свежесжатый сок лайма.

13

Средство для выявления пятен крови.

Реюньонская конопля.

«C.S.I.: Место преступления» (англ. C.S.I: Crime Scene Investigation) — американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории, премьера которого состоялась 6 октября 2000 года на канале CBS. В каждом отдельном эпизоде рассказывается о расследовании одного, двух или трех преступлений.

Реюньонский колдун, объект сатанинского культа.

Креольский коктейль, в который входят ром, лайм и тростниковый сироп.

Название одной из главных улиц Марселя, Канебьер (Canebiere), пишется и воспринимается на слух почти так же, как сочетание слов саппе (*франц.*) — сахарный тростник и бiere (*франц.*) — пиво.

Фильм Бертрана Тавернье, оригинальное название «*Coup de torchon*» (1981).

Лейтенант Горацио Кейн — главный герой американского телесериала «C.S.I.: Место преступления Майами».

Реюньонская фирма по прокату автомобилей.

Азиатский тигровый комар, кровососущий комар *Aedes albopictus*, является переносчиком вирусов нескольких заболеваний, в том числе лихорадки денге.

Джон Уэйн (*John Wayne*), настоящее имя Мэрион Роберт Моррисон (*Marion Robert Morrison*) (1907–1979) — американский киноактер, которого называли «королем вестерна», лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

Стеркулия вонючая (*Sterculia foetida*) — один из видов стеркулии. Этот род растений получил свое название в честь Стеркулиса, древнеримского бога навоза, из-за неприятного запаха цветков.

Мафат и Салази — горные цирки.

Реюньонский эквивалент плана «Ястреб». Папанг (*Circus maillardi*) — один из видов луны, единственный хищник острова. План «Ястреб» (теперь — план неотложных действий) — полицейская операция, состоящая в том, чтобы разбить пространство на участки, — так легче определить местонахождение и задержать одного или нескольких подозреваемых.

Реюньонская поговорка: блохи не живут на дохлых собаках. Несчастья отдаляют друзей. — *Примеч. автора.*

Штефан Деррик — инспектор мюнхенской полиции, главный герой культового немецкого криминального телесериала, который так и называется — «Деррик» (или «Инспектор Деррик», нем. Derrick).

Харлан Кобен (*Harlan Coben* р. в 1962) — американский писатель, автор детективных романов-триллеров, сюжет которых часто связан с бесследными исчезновениями и со «спящими убийствами» в прошлом.

Квартал в верхней части Сен-Жиля. — *Примеч. автора.*

Реюньонских карт с указанием пеших маршрутов шесть, с номерами от 4401RT до 4406RT, на каждую из них нанесена та или другая часть острова. На карте 4406 показана юго-восточная часть острова с действующим вулканом Питон-де-ла-Фурнез.

Виадук Мийо — самый высокий в мире транспортный мост. Проходит через долину реки Тарн на юге Франции вблизи города Мийо.

Римский мученик, почитаемый на Реюньоне. — *Примеч. автора.*

Привет с Маврикия (*англ.*).

Международный аэропорт имени сэра Сивусагура Рамгулама — единственный международный аэропорт на Маврикии. — *Примеч. автора.* Назван в честь первого премьер-министра Маврикия.

Речь идет о Маскаренских островах — архипелаге в Индийском океане, в него, кроме Реюньона, представляющего собой заморский департамент Франции, входят острова Маврикий и Родригес, которые составляют Государство Маврикий.

Весной 2009 года беспорядки происходили одновременно в метрополии и в заморских департаментах Франции, в том числе и на Реюньоне. Во время этих беспорядков в Шодроне — квартале Сен-Дени — был обстрелян патруль, один из жандармов был ранен.

Остров Бурбон — прежнее (с 1649 года) название Реюньона, данное ему в честь королевской семьи. Реюньон стал французским владением в 1642 году.

Майотта — заморский департамент Франции, расположен в западной части Индийского океана, между Северным Мозамбиком и Северным Мадагаскаром.

Опасно будить прошлое. — *Примеч. автора.*

Реюньонская поговорка: не надо путать причины и следствия. —
Примеч. автора.